

Издательство «Крок»
Тернополь, Украина
2013

Пётр Червинский

**ПАТЕТИЗМЫ
СОВЕТСКОГО
ОФИЦИОЗА**

В АСПЕКТЕ МОДУЛЯТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Рецензент:
доктор филологических наук,
профессор Вильнюсского университета
Элеонора Лассан

Червинский П. Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики. – Тернополь: Крок, 2013. – 320 с.
ISBN 978-617-692-142-4

Сфера официально-пропагандистской патетики языка советского времени, обнаруживавшая себя в словах, устойчивых словосочетаниях, фразах и лозунгах, имевших особый, идейно нагруженный смысл и свою специфическую оценочность, изучается как своеобразная форма модулятивного проявления единиц. Модулятивного в том отношении, что предполагает необходимость системно организованного воздействия на сознание воспринимающих в соответствующем идейном и концептуальном ключе, встраиваясь в него, в это сознание, по законам парадигматического, виртуального в своей основе, устройства. Специфика и особенности этого устройства рассматриваются последовательно в составе его составных частей с определением их влияния на семантику (смысл) и окраску (тоновую характеристику, тон) единиц своего состава. Актуальность работы следует видеть в определении и описании концептуально-оценочных и идейно-логических сфер речевой узуальной ментальности, оказывающих свое не случайное и последовательное влияние на общественное, а с этим и языковое, сознание своих носителей, в определенных участках существенным образом перестраивая, модифицируя, а отчасти и формируя его.

ISBN 978-617-692-142-4

© Piotr Czerwiński, 2013

Оглавление

Пафос как форма вербальной семантики	5
О модулятивне советской патетики.....	20
Патетизмы советского официоза как формы модулятивной семантики.....	29
Модулятивная доминанта партийно-советского официоза.....	43
Мотивация и интенция патетизмов советского официоза. Семантико-генеративный аспект	49
Борьба как мотив и как действие в составе исходной модели	62
Исключение и исключительность. Избирательно-организующий механизм патетического воздействия	66
Партия как эксклюзив	71
Вербализуемые проекции эксклюзива.....	82
Модулятивные распределения в семантике лексических единиц.....	92
Позиции и места в модели	98
Советское в противоположении не советскому на основе модели	107
Единицы проекции декструктива.....	113
Демократия трех (четырех) проекций	125
Особенности парадигматического устройства модели.....	131
Три пафосных составляющих советской истории	134
Патетизмы советского официоза в аспекте строения единиц	143
Описание мобилизующей части модели	151
Дифференциация видов моделей.....	163
Представление о вертикальной модели	168
Представление о горизонтальных моделях.....	200
О тоново-тематических маркерах модулятивной семантики.....	209
Некоторые проекции второй горизонтальной модели.....	218
Патетизмы советского официоза в их отношении к системе	241
Об эмотивной организующей парадигмосистемы.....	250
Представление третьей горизонтальной модели	251
О семантике частей состава и позиционных мест	258
Некоторые вербализуемые проекции одного из фрагментов	264
Смысловое и тоновое в модели и в патетизме	272
Следование по точкам устройства	280
О тоновом сопровождении точек частей.....	285
Модулятивная роль прилагательных	290
О тоновых проективах модели	295
О категоризирующем представлении модулятива	301
Итоги и обобщения	303
Литература	309

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 470 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, „Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, „Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”, „Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвопсихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs.” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвопсихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”. Научные интересы связаны с этнолингвопсихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой укус, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. Персональный сайт автора: <http://piotr-czerwinski.narod.ru>.

Пафос как форма вербальной семантики

Из всего возможного многообразия того языка, который был характерен для советской эпохи, объектом данного рассмотрения будет, пожалуй, его наименее любопытная часть, обозначенная как патетизмы официоза. Единицы подобного рода, скользя по поверхности привыкшего к ним восприятия, будучи стерты, излишне возвышенны и не конкретны, мало что говорят сознанию. Информирование, впрочем, и не лежит в основе такого типа высказываний, что отмечается целым рядом исследователей языка пропаганды [Bednarczuk 1981, 1984; Głowiński 1990; Bralczyk 2001; Богданов 2008]. Мало что говорят они, видимо, также и чувству, если под чувством таким понимать какую-то индивидуально и в данный момент проживаемую эмоцию. На такую эмоцию, впрочем, подобные единицы и не рассчитаны. Это эмоции коллективного состояния, не обязательно переживаемые и ощущаемые каждым в конкретно происходящий момент, их можно было бы определить как эмоции приобщения и причастности чему-то общему и совокупному. Эмоции, когда все встают, все хлопают, все кричат, когда шапки долой, господа, когда слушают гимн, почитают совместно память, нередко совсем не близкого и не знакомого, в том числе и не одного человека, а группу или какое-то множество лиц¹. В отношении рассматриваемого здесь языка подобного рода функцию принято определять как ритуальную и персуазивную [Bralczyk 2001; Богданов 2008]. Ритуальная ее часть,

¹ О стадионных и им подобных массовых эйфорических, суггестивных, демонстративных, панических, часто не осознаваемых, не вполне мотивированных и по существу асемантических, состояниях здесь не приходится говорить. Они отличаются от рассматриваемых по своему существу, хотя в каких-то специфических случаях коллективные ритуальные переживания способны в свои психотические формы переходить.

предполагающая отмеченное условиями повторение, опиралась бы на утверждение сложившегося положения вещей как существующего и приветствуемого. Приветствование при этом следовало бы из утверждения сложившегося как желаемого, а ритуализм полагался на представлении его всем и каждому, их сознанию и ощущению, и на поддержании существующего положения в его таком же длящемся существовании, по крайней мере, для сознания и ощущения участвующих. Персуазивная, связанная с ритуальной в данном случае, часть следовала бы из неуклонности все того же сложившегося и всеми приветствуемого положения вещей, опираясь в своей мотивации на приобретенность всех и каждого переживаемому общему состоянию, одновременно с этим ее, эту общность, приветствуя, утверждая и воспроизводя. Фактически это эмоция заявления, экспликации своей причастности к объявляемому как общее, существующее и желаемое, положение вещей.

Не будем входить в подробности подобного переживания применительно к советскому официально-пропагандистскому, а также и всякому, не обязательно унитарно организованному, персуазивному языку² (закрепившееся определение *тоталитарный* не вполне соответствует, как представляется, его природе и носит скорее коннотативный характер, но здесь не место обсуждать эту проблему). Коллективность советского

² На эту сторону языков политики и персуазии обращали внимание многие, начиная с работ Г. Лебона (1898), В.М. Бехтерева (1903), В. Райха (1933) и др. Речь идет в данном случае о психологическом механизме необходимости ощущения себя частью какой-то группы, объединения, социума, будь то этнического, профессионального, возрастного и др. Частью, имеющей в нем свое место и свое значение, ценной и значимой для чего-то и для других. Очевидным и неперменным условием подобного рода признания следует полагать принятие существующих правил игры, ее значений, форм, ритуалов. Все это, составляя основу одобрения и оправдания, внутреннего императива и компромисса, действует как основа поступка (об акциональности советского языка см. [Богданов 2008]) и затем мотивации своего бытия. Психологическую сторону, многократно к тому же рассмотренную, жизни и поведения человека в условиях режима, налагающего необходимость во всем руководствоваться высшими соображениями, неизбежно опустим. Пафос нас будет интересовать как особая форма вербальной семантики.

официоза (точнее было бы говорить задаваемая, создаваемая им как пафос и ритуал) будет интересовать нас не как мотивация индивидуального проявления и состояния, а как проективная форма, модуль языковой семантики. То и другое требует определения. Применительно к пафосу и модулятивности, прежде всего. Опустим понятия когнитивно-дискурсивной или логико-дискурсивной специфики советского языка (см. об этом [Ворожбитова 2000; Шапочкин 2009] с обращением к литературе вопроса), равно как его аксиоматичности и примате эмоциональности применительно к интересующему нас предмету, о чем говорится в целом ряде работ, начиная с А.М. Селищева (1928) [Николаева 1988; Гусейнов 1995; Булыгина, Шмелев 1997; Шарифуллин 1997; Богданов 2008], с тем чтобы не вдаваться в дальнейшие уточнения и дискуссии. Сложившееся более или менее общее представление о том, что язык советского официоза, советского официального дискурса, своего рода язык в языке, представляет собой кодовую ментально-языковую систему, со своими ограничениями, выборами, семантическими сужениями, расширениями и пр., внутри национального русского языка, вполне оправдано и соответствует определяемому так объекту. Примем его за исходное без обсуждения, с тем чтобы проецировать на материал, и обратимся к тем представлениям, которые будут иметь характер теоретических векторов предлагаемого анализа и подхода.

Начнем, может быть с несколько неожиданного, поскольку не теоретического, а внутреннего, проявленного в высказываниях, конца. С тем чтобы, присмотревшись к использованию, перейти затем к осмыслению. Единицы, названные в исследовании патетизмами, т.е. возвышенные, приподнятые, торжественные, отрывающие эмоционально от будничной повседневности (подчеркнем эту их сторону), определялись так как проективы советского официального пропагандистского пафоса. Отвлечемся на время от существующих определений значения слова и характеристики пафоса как риторической категории, попытавшись увидеть некую неслучайную знаковость в употреблении. Возьмем для этого только два высказывания – С.М.

Кирова, со словом *пафос*, и В.И. Ленина, в котором этого слова нет. Первое, приводимое в МАС, относится к периоду исторически достигнутой неотвратимости советского строя (Киров, Статьи и речи 1934). Второе, взятое из БСЭ-53, на подобное достижение в будущем лишь нацеливает (1902 г.).

Миллионы ударников горят подлинным пафосом социалистического строительства, болеют за ту программу, которую они выполняют. Киров, Статьи и речи 1934. [МАС 1984: III, 34]

В.И. Ленин в 1902 году писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого мучевого оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» (Соч., 4 изд., т. 5, стр. 345) [БСЭ-53: 32, 175]

Зададимся простым вопросом – что означает *пафос* в первом и что есть пафос и в чем он себя заключает в обоих случаях, если под ним понимать не то, что именно, и не то, ради чего с его помощью сказано, а то, что оно таким образом сказанное в коллективном контексте ритуально оповещает. Воспользуемся пока что такими не строгими представлениями.

В первом случае говорится о массовости охватившего всех состояния, определяемого как подлинное, т.е. искреннее и неподдельное. Состояние это связывается со строительством социализма, становясь в один ряд с состоянием *болеть*, т.е. принимать близко к сердцу, не быть равнодушным, переживать, по поводу выполняемой программы, ее осуществления и результата, т.е. того, что поручено, предоставлено, спущено сверху. Пафос в этом случае отмечает всех охватившее состояние втянутости в реализацию проекта, имеющегося как заранее подго-

товленный, существующий и себя осуществляющий план. Программа, которую выполняют, является необходимой ступенью этого плана, достижению которого должно способствовать ее выполнение. Проект, о котором речь, определяется как строительство, точнее построение, социализма в его достигаемой всеми участниками перспективе.

Итак, в данном случае пафос касается всеобщего состояния включенности (*миллионы ударников*, которые ведут за собой остальных) в деятельность, отмечаемую как необходимая и возможная в двух отношениях, взаимосвязанных и соотносимых, – открывающего начала и достигаемого в осуществлении результата. Первое предполагает произошедший, совершивший себя переход к тому положению вещей, которое предоставило такую возможность (октябрь 1917 г.). Второе – стремление как намечаемую данного положения вещей перспективу.

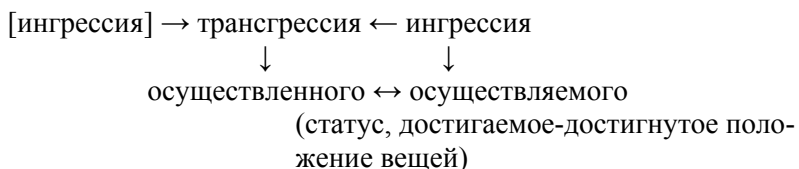
С этим первым, в контексте определяемого пафоса, соотносимо второе, исторически первое и предшествующее. Когда характеризуемое положение вещей еще не имело места и лишь намечалось к осуществлению как необходимое и желаемое. Необходимость его достижения подается как *ближайшая задача*, которую *история поставила теперь перед нами*. В контексте сказанного применительно к пафосу, о котором речь, важно и то, что *задача ближайшая*, и то, что *теперь*, и что *перед нами*, и то, что *история*, и что *поставила*. В следующем фрагменте она определяется *наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны* с соответствующими, выделенными разрядкой, акцентировками. Добавим к этим акцентам не менее важное *какой бы то ни было другой страны*. *Осуществление этой задачи* становится в один ряд и, тем самым, характеризуется как *разрушение* и далее опять с усилением и подчеркиваниями – *самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции*, что вновь, неизменно и как неизбежное следствие – *сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата*.

Применительно к сказанному и подчеркиваемому в цитате интересовать нас будут два следствия. Первое – это связь с патетизмом миллионов ударников, строящих социализм и болеющих за выполняемую ими программу. Второе – основания пафоса, который себя соответствующими акцентировками и выделениями отобразил.

Связь с патетизмом миллионов строителей 1934 г., в контексте ставящейся революционной задачи 1902 г., следовало бы представлять как провоцируемый переход к тому положению вещей, который, позволив достичь определенного состояния – *осуществление разрушения*, открывает возможность для проявления патетизма строителей в каком-то будущем. Речь идет в данном случае о замещении данного положения и обращении его в иное социальное состояние. То есть о смене, определяемой как *осуществление наиболее революционной из всех задач*. Непреemptивность прежнего состояния, замещение его иным отмечают идею преобразования, с уничтожением, деструкцией этого прежнего, своего рода общественно-исторический *rite de passage*, если воспользоваться этнологической терминологией. Назовем это свойство *трансгрессией*. Патетизм призываемого перехода в цитате 1902 г., тем самым, по своему характеру трансгрессивен. Но он же одновременно предполагает, интенционально, идею втягивания, действуя как призыв. Ту идею, которая в патетизме миллионов ударников (1934 г.) выглядит как объявляемая, – не интенциональное втягивание, а конституциональная втянутость. Назовем это свойство *ингрессией*. То и другое – две стороны, два проявления, два связанных отношения к общему, достигаемому, как намеченному к своему достижению или уже достигнутому, *осуществлению (наиболее революционной из всех ближайших задач)*. В не достигнутом, исторически первом, случае это необходимость осуществления перехода (трансгрессия), открывающего возможность собственно осуществлению – осуществлению осуществляемого, предполагающему ингрессию после осуществленного перехода, себя совершившей трансгрессии. Трансгрессии, таким образом, предшествует ингрессия, интенционально и конституционально, для того

чтобы было возможно *осуществление*. Ингрессии второго этапа, в первую очередь конституциональной, трансгрессия будет предшествовать, исторически и пресуппозитивно. Патетизм миллионов ударников, таким образом, ингрессивен, с трансгрессией в пресуппозиции.

Указанные соотношения того и другого, имеющего отношение к советскому пафосу, можно отобразить в такой схеме:

Обратимся теперь к уточнениям пафосных характеристик на основе подчеркнутых определений в приведенной цитате (1902 г.). Патетизм в ней сказанного обращается вокруг трех основных идей: значимости актуального времени (актуальность момента), фактически его уникальности – *История поставила теперь перед нами ближайшую задачу*; особенной революционности переживаемого положения – *которая является наиболее революционной из всех ближайших задач* и своей групповой исключительности – *пролетариата какой бы то ни было другой страны*. Дальнейшее, дополняя, усиливает производимое впечатление: *Осуществление этой задачи, разрушение* (революционность) *самого могучего оплота не только европейской, но также ... и азиатской реакции* (актуальность момента и уникальность своего положения) *сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата*. Выделенные характеристики не будут единственными для значений рассматриваемой патетики. Однако прежде чем их описать, уточним необходимое для нашей задачи понимание пафоса.

Если пафос воспринимать как подъем, приподнятость, эмоциональное состояние возвышенности, сопровождаемое страстностью, воплощаемой в речи, зададимся тремя вопросами:

1) что означает подъем, возвышенность и приподнятость применительно к пафосу; 2) что это за подъем и какова эта страстность и 3) если все это отображается в речи, сопровождая и характеризуя ее, то каким образом оно в ней отражается и как ее характеризует. МАС выделяет два значения у слова *пафос*, с существенными для нас оттенками в каждом из двух и не менее важным советским контекстом употребления: «1. Страстное воодушевление, подъем. || Чрезмерная приподнятость тона речи. 2. Воодушевление, энтузиазм, вызываемые какой-л. высокой идеей *Пафос созидательного труда. Революционный пафос.* || Высокая идея, вызывающая такое воодушевление, энтузиазм.»

Подъем, приподнятость тона, высокая идея, энтузиазм определяют пафос. Четыре названных составляющих связываются с переходом, переводом к высокому, к возвышению, вознесению, что их и объединяет. Первое предполагает отрыв, отход, переход от чего-то нейтрального, среднего, обычного, повседневного к тому, что над ним, помимо и вне его, тому, что не повседневно. Это порыв и прорыв к чему-то другому, иному возможному состоянию, положению, восприятию, бытию. К тому, что дает ощущение не всегда и не только реальной, меняющейся привычные представления, модальности. Модальности не обыденного сознания и бытия, ассоциирующегося с чем-то высоким, эмоционально приподнятым, страстным. Собственно говоря, это трансгрессия состояния, переход от привычного и повседневного, наблюдаемого, проживаемого постоянно, к тому, что таким не есть, освобождая и возвышая над будничным. ТСУ приводит такой ярко показывающий данное состояние пример: «*Пафос всегда есть страсть, выжигаемая в душе человека идею и всегда стремящаяся к идее – следовательно, страсть чисто духовная, нравственная.*» Белинский.» Страсть, состояние – возникающие и устремленные, вызванные идеей и устремленные, ею и к ней. П.Я. Черных в своем словаре характеризует это как «состояние напряженной восторженности, страстной приподнятости и возбуждения», «энтузиазм», «вдохновенная целеустремленность». Имеет смысл в данном случае говорить о модальностной составляющей пафоса.

Второе, приподнятость тона, характеризует речь, ее модуляции, интонирование, оповещающая формой произнесения, средствами языкового использования, осуществляемый переход в иное, не повседневное состояние. В данном случае перед нами формальная, модулирующая, тональная его сторона.

Третье, высокая идея, связывается с семантикой – как стоящей до, в интенции и пресуппозиции, так и содержащейся в самом сообщаемом, как воплощение, знак и символ значения, предполагаемого, переводящего в трансгрессивное состояние тех, кто свой, и для непосвященных сокрытого.

Четвертое, энтузиазм, затрагивает эмоциональную составляющую. Энтузиазм от пафоса, согласно определениям в словарях, отличается тем, что пафос связывается с высокой идеей, т.е. он семантичен, идея так или иначе присутствует в нем, в то время как энтузиазм, предполагая аналогичное возбужденно возвышенное, воодушевленное состояние, проявляется в деятельности, характеризуя прежде всего поведение. Пафос сопровождается энтузиазмом, т.е. *энтусиасмическим* проявлением и состоянием. То и другое не только связаны между собой, но и предполагают и переходят одно в другое. В древнегреческом ἐνθουσίασις, ἐνθουσιασμός означало «божественное вдохновение, восторг, одушевление»; ἐνθουσίαω «быть боговдохновенным», а также «быть в восторге, в исступлении, неистовствовать», непосредственно выводясь от божественной одержимости – ἔν-θεός, ἔν-θεός, букв. «в боге», θεός «бог, божество». Одержимости дионисийства и вакханалий, т.е. такого совместного, коллективного состояния транса, в котором единичное растворяется в массовом, нисходящим от божества, которое отрывает от повседневности, смещает сознание и представления, переводя, трансгрессивно, в другую плоскость и измерение, переживаемые бурно, страстно и всем существом. В энтузиазме, тем самым, первоначально, этимологически, заложена трансцендентная переходность в модальное пребывание «не от мира сего», воспринимаемое как возвышающее, отрывающее от повседневности бытия, от обыденности привычного и человеческого, поскольку оно, это состояние, «в боге» – ἔν-θεός.

В свою очередь, пафос первоначально возвышенности, собственно, не предполагал, связываясь со страданием и испытанием, скорее чувством, переживанием как таковым. В древнегреческом *πάθος* означало «соб.[ственно] все, что кто-л. претерпевает или испытывает: а) ос.[обенно] несчастье, страдание, горе; поражение; *μετά τὸ τῆς θυγατρὸς πάθος* после смерти дочери; *ἀνῆκεστον πάθος ἔρδειν* причинять неизлечимое зло. б) вооб.[ще] случай, приключение; *τὰ οὐράνια πάθη* все, что происходит на небе.» И только дальнейшим значением появляется «с) аффект, чувство, страсть, напр. *ἑρωτικὸν πάθος*; *διὰ πάθους* в страсти или страстно» и, наконец, четвертое и последнее «d) пафос (в речи), выражение, исполненное чувства или страсти.» Прилагательные *παθητός* и *παθητικός* также имели значением то, что связывалось с чувством как таковым и страданием в первую очередь: «способный чувствовать, страдать, чувствительный, восприимчивый, страждущий, подверженный страстям» и только вторым значением (*παθητικός*) «страстный, патетический, полный чувства». Того же корня глагол *πάσχω*, соб.[ственно] *πάθ-σκω*, лат. *patior*, также имел значением «страдать; терпеть, переносить», как дурное, так и хорошее. И, что показательно, без дополнительных уточнений, значение это либо неопределенно, либо, ситуативно и в обороте, очень нехорошо, ср.: *«πεπονθέναι τὸ τῶν πολλῶν πάθος* испытывать то, что толпа испытывает; *τί πάθω*, *τί πείσομαι* что будет со мною? что мне делать?» и очень скверное, как допустимо возможное, если прямо не ожидаемое: *«εἰ τι πάθοιμι, ἦν τι πάθω* если бы что-л. случилось со мною (подр.[азумевается] худого), т.е. если бы я умер, погиб.» [Вейсман 1899] Связь в этом случае с заимствованным из др.-евр. в греч. *πάσχα* «пасха, пасхальный агнец» видится не случайной и семантически мотивированной: пасхальный агнец – закалаемая жертва, он же страдающий на кресте Иисус, упомянутое лат. *patior*, *passus sum* «терпеть, переносить, терпеливо сносить, переносить», откуда *passio* «претерпевание», поздн., под влиянием христианства – страдание на кресте, переживание боли, страстотерпие, муки, страсти, в первоначальном значении (см. у Срезн., Даля – «страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь,

тоска; особ. въ значн. подвига, сознательное принятіе на себя тяготы, мученичества. *Страсти Христовы. Страсти св. мучеников. Страсти ради нищих и воздыхания убогих...*). Др.-евр. *pasakh* «пасха», образованное от глагола *pasakh* «миновал, проходил», отмечаемая в память выхода из Египта как освобождение от рабства, под минованием подразумевает то, что во время десятой казни поражения первенцев Всевышний миновал этой карой еврейские дома, отмеченные по дверным косякам кровью агнца-жертвы, проходя, пропуская их. Пасхальная жертва, тем самым, жертва крови и кровной связи с Ним, вместе с тем отмечает начало выхода – исхода и перехода, будучи по своему характеру тем, что собой отмечает *свое* (ингрессия, втянутость) и подготавливает его к намечаемому переходу (трансгрессия, оставление и минование как *exodus*, исход). Страдания, страсти казней и самой земли Египетской, таким образом, воплощает собою агнец, он же сам жертва псаха и в своем значении *псаха*.

В эстетике Аристотеля категория пафоса относилась к трагедии, трагедийному, а потому и высокому, переживанию, на основе прочувствуемых страданий героя, сочувствия и сопереживания, вызываемых эмпатией. Сходство с замещенностью приносимой страдающей жертвой в его лице, хотя бы и обращенное, ощутимо. Возвышенность пафоса можно воспринимать здесь как следствие чувств, приближающих к смерти, дающих возможность ее дыхание на себе ощутить. Это муки предчувствуемого рокового конца, которые, переживаясь героем, становятся основанием эстетическим – ощущения минования для себя и перехода, одновременно, к с о с т о я н и ю п о с л е (ингрессия → трансгрессия), после смерти, потери, утраты, проживаемых в герое, т.е. в другом. Неотвратимость происходящего, делаая напрасными всяческие, в том числе и героические, усилия (ср., как следствие, «подвиг, сознательное принятие на себя тягот и мученичества» у Дала в определении), подчеркивая слабость твоего бытия, ставя перед лицом неизбежного фатума, возвышенное заставляет искать в том, что вне человеческой жизни, что вечно, над нею, и что, возможно, ею руководит. Тем самым, возвышенность пафоса возникает как следствие трансцендентного

состояния, становясь, в отличие от непосредственной трансцендентности энтузиазма, результатом прочувствованной, сопережитой (в страданиях) и выведенной для себя на этой основе высокой идеи – идеи, в конечном итоге, неотвратимости смерти, с надеждой ее минования-перехода во что-то иное, в какое-то новое состояние для себя.

П.Я. Черных, отмечая сравнительно позднее появление слова *пафос* для русского языка (в словарях с 1859 г., в статьях Белинского с 1842 г.), указывает на значительно более раннее *патетический*, толкуемое у Даля в ряду с *патетичный* как греч. «трогательный, возбуждающий чувства, страсти». То есть семы возвышенности в толковании Даля нет. Возвышенность следует, может следовать из *страстей*, о которых уже говорилось, по Далю, как о, в первую очередь, муках, страданиях. *Страсть* в привычно современном как первом значении – «сильное чувство, с трудом управляемое рассудком» (МАС) у Даля дается четвертым: «душевный порывъ къ чему, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влеченье, необузданное, неразумное хотенье». И эта возвышенность патетического снова становится следствием *страдательного* (лат. *patior*, отсюда *passivum* и *patiens*) переживания. Переживания *страстотерпца* перед лицом наказующего эти страдания божественного и потому возвышающего конца.

В риторике пафос традиционно рассматривается в связи с такими понятиями, как этос и логос. Определяются эти понятия как средства воздействия и убеждения со стороны выступающего – этические (эмос), эмоциональные (пафос), логические, или рациональные (логос). Они же характеризуются как аспекты проявления личности говорящего в речи, делающие возможным установление отношения с аудиторией, необходимый контакт со слушателями, что предполагает уместность речи (эмос), воздействующее использование эмоций, эмоциональный инструментарий, формирующий общий смысл выступления (пафос) и, наконец, аргументирование, интеллектуальный набор, ресурсы аргументации (логос). [Волков 1996: 17-18]

Пафос, наряду с этосом и логосом, непосредственно связывается со смыслом, характеризуется как разновидность смысла речи, одна из выделяемых трех (вспомним высокую увлекающую идею в трактовке Белинского в ТСУ). Ю.В. Рождественский пафосом называет «намерение, замысел создателя речи, имеющий целью развить перед получателем определенную и интересующую его тему. ... этос создает условия речи, пафос – источник создания смысла речи, а логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса». [Рождественский 1997: 96] Фактически пафос определяется в этом случае как основа передаваемого смысла, собственно, если вдуматься, то сам этот смысл, ибо этос при таком понимании играет роль предваряющего обеспечения восприятия, благоприятствующей почвы, а логос – вербальной манифестации сказанного.

Другим, не менее важным, риторическим определением пафоса представляется его разделение на общий и частный. По замечанию А.П. Романенко, занимавшегося этой проблемой в связи с советской словесной культурой, «Риторический пафос, во-первых, определяет замысел речи, общую схему развертывания смысла в речевых произведениях. Это общий пафос, формирующий смысловую заданность речи, а значит, и ее стилистический регистр. ... Во-вторых, риторический пафос определяет состав и направленность речевых эмоций, формирует эмоциональную технику речи, эмоциональный образ предмета речи. Это частный пафос. Он реализует общий пафос, конкретизирует его. Вместе с этосом пафос создает модальность речи, модальность образа ратора, т.е. в применении к советской культуре – партийность. Пафос советского образа ратора (и общий и частный) основан на категории классовости.» [Романенко 2003: 74] Классовость далее характеризуется как основа дифференцирующего и нормативно-оценочного отношения, прежде всего, к человеку, позволяя делить всё и всех на своих и чужих, составляя ведущее основание для системы оценок, а тем самым, добавим, оценок и ориентаций в окружающем мире предметов, понятий, явлений, людей и вещей.

К высказанным в связи с риторическим восприятием пафоса положениям, относительно его как носителя и источника смысла, его характера, замысла, смысловой заданности, эмоциональности и модальности, связываемой с партийностью-классовостью для советского пропагандистского языка, мы еще обратимся, хотелось бы между тем кое-что обобщить.

Стоит обратить внимание на еще одну сторону пафоса, не затронутую, но, как представляется, дающую в нем нечто важное уловить. Речь идет о той стороне его лексического, по существу, значения, которую можно было бы определить как пафос несоответствия, или пафос излишества – неуместности, несогласия с этосом, если пользоваться риторическим языком. Обратимся опять к словарям. В МАС эта сторона его передается в примере к знач. 1. («Страстное воодушевление, подъем.») [Клим] *избегал пафоса, не позволял себе горячиться, а когда говорил то, что казалось ему особенно значительным, – понижал голос*. М. Горький, Жизнь Клима Самгина. Пафос подобного рода, страстного воодушевления, подъема, тем самым, может вызывать в человеке чувство неловкости и стыда. В оттенке этого первого значения в МАС сема несоответствия сопровождается тональностную характеристику пафоса: Чрезмерная приподнятость тона речи. И пример: [Горева] *играла всегда с захватывающим подъемом, горячо, но излишний ложный пафос, привитый ей в провинции, сильно вредил ее исполнению*. Юрьев, Записки. Не случайны здесь эти *излишний* и *ложный, привитый в провинции*, как показатели ненатуральности, не безыскусственности, напыщенной, не соответствующей значимости, недостаточной развитости и отсутствия вкуса.

Пафос в приведенных примерах связывается с горячностью, а также, во втором примере, с актерством, игрой. Пафос граничит с тем, что изображают, с тем, что не натурально, фальшиво, ложно, что не от себя. Во многих своих отношениях он может рассматриваться как проявление ролевое, в известном смысле он воплощенная функция, позиция, поза и роль.

ТСУ такую позицию пафоса выделяет особым, 4-м значением, трактуя ее как «Внешнее проявление одушевления, ино-

гда производящее впечатление фальши (неодобрит.)». В первых трех значениях в ТСУ пафос характеризуется страстностью, воодушевлением, энтузиазмом, вызываемыми чем-н., имеющими свое обоснование в идее, духовный свой, одушевляющий такое горячее проявление, источник.

Опираясь на первоначальное соответствие пафоса страданию, страсти, вследствие трагичности порождающего его эмоционального переживания, можно было бы предположить, что в подобном случае он воспринимается как не пострадавший либо недостаточно пострадавший, не связываемый со смертью и трансцендентностью состояния. С учетом выделенных нами двух его необходимых сторон – без ингрессии всеобщего массового порыва и трансгрессии модулятивного перехода к иному существованию и/или положению вещей.

Сказанное позволяет уточнить выводимое содержание пафоса, прежде всего в отношении, которое будет связываться с проекцией к единицам советского официоза. Выделенные в начале четыре его составляющих – подъем, приподнятость тона, высокая идея, энтузиазм – будут служить основаниями, соответственно, модальностного, тонового, концептуального и эмоционального проявления пафоса как трансгрессивного состояния втягиваемого (ингрессивного) перехода к иному статусному положению вещей. Пафос, тем самым, будет восприниматься по показателям статуса в модальностном переходе эмоционально сопровождаемой ингрессии, вызываемой тоново подключаемой концептуальной идеей. Определение предполагает семь компонентов – статус, модус (модальность), тон, семантему, эмоцию, ингрессию и трансгрессию, соотношениями и значениями которых характеризуется далее пафос. Ключевую позицию в общей фигуре строения занимать будет статус, то положение вещей, которое, отличаясь от данного как существующего, предполагается как устремление к чему-то иному (цель достижения). Трансгрессия, отмечая необходимый для этого переход, составляет основу предполагаемого осуществления, производимого массовым, общим, совместным усилием втянутого подключения (ингрессия) к движению, которое вызывается тоново оформляе-

мым (модуляция, тоновость) оповещением, заявлением (семантика утверждаемого, провоцируемая идея). Все это предполагает необходимый эмоционально сопровождаемый, эмоциями подкрепляемый и эмоциями пробуждаемый (эмотивность) страстный подъем, характеризуемый в рассматриваемом отношении как модус, или градусный, градуальностный переход в ожидаемое под действием тона и семантемы психологическое, ингрессивное по характеру, состояние, т.е. охватывающее и подхватывающее всех и каждого, участием, проявлением в общей духовной и эмотивной стихии.

Трансгрессия и ингрессия, таким образом, действуют в три стороны – в отношении всех и каждого из участвующих, в отношении осуществляемого и следуемого из этого эмотива и модуса, т.е. подъема, и в отношении предполагаемого статуса, намечаемого к достижению. В целом же пафос можно было бы определить как трансгрессив состояния, проявляющего себя как модуль по отношению к данному, или имеющемуся. Из этого следует представление о пафосном модулятиве и модулятивности той семантики, которая характерна для пафосных единиц, в отношении которых применимо определение особой концептуально-тоновой составляющей. Собственно пафосность, применительно к языковой, т.е. формально-смысловой, выражающей и сообщаящей своей части, вполне может быть определена как категория концептуально-тоновая. Прочие характеристики, составляя основу модальностно-эмоциональной и ингрессивно-трансгрессивной нацеленной к статусу рамки, так или иначе, передавались бы, воплощаясь, с помощью речи и слов.

О модулятиве советской патетики

Модулятивность связывается с понятиями модуля и модуляции. Под модулем (лат. *modulus* ‘мера’) в математике, физике, технике понимают некоторый существенный коэффициент, постоянный множитель – перехода от одного к другому, из одной системы в другую, добавим – от одного состояния к другому. Модуль также «условная единица в строительстве и архи-

тектуре (обычно размер одного из элементов сооружения), используемая для координации размеров частей сооружения и всего комплекса, приведения в гармоническое соответствие размеров целого и его частей». (СИС) И, наконец, модуль – составная часть прибора или конструкции, способная к самостоятельным функциям. Значения эти вполне применимы к тому явлению, которое нами определяется. Модулем будем считать то семантическое (пространство, сферу, область), которое порождается пафосом, поскольку оно отличается от существующего положения вещей, предполагая иную реальность или иное ее состояние. В этом отчасти отнюдь не случайное сходство с модальностью, но не полное, поскольку модальность, создавая категориальную рамку для восприятия сказанного – реально, желательно, вероятно, условно и пр., семантически не овеществлена, не конкретна. Модуль смысловых проявлений, модуль семантики – категория когнитивная, он может быть выведен, конкретизирован и определен, что будет предметом дальнейшего рассмотрения, модуль советского пафоса, точнее патетизмов советского официоза, предполагается вывести и описать. Модуль при этом сам обладает модальностью – императива и оптатива применительно к патетизмам советского официоза.

Модуляцией в музыке обозначают переход из одной тональности в другую, изменение высоты звучания (тональность – высота звуков лада, определяемая положением главного тона; в живописи – основной, преобладающий цвет, тон, объединяющий отдельные цвета в картине, ее колорит). Модуляция также «переливы, изменения высоты и окраски голоса, придающие выразительность речи» (СИС) и физ. «изменение характера колебаний высокой частоты, происходящее в соответствии с другими колебаниями более низкой частоты.» (МАС) Модуляцией для изучаемого нами предмета, соответственно, будет то, что способствует модулю, обращению, переводу к нему, т.е. тоновые и смысловые характеристики пафосного высказывания и единиц патетизма.

Модулятивность, тем самым, является сущностной определяющей пафоса, категориально связывающей в единое це-

лое все его семь составных частей. Определяя природу советского пафоса, точнее было бы говорить – специфику патетизмов советского официоза, следовало бы, таким образом, уточнить его модуль в значениях составных частей. То есть установить, что типично, свойственно, характерно для тона, идеи, модальности, эмоциональности, а также ингрессии и трансгрессии патетизмов советского официоза применительно к статусу предполагаемого достижения, о котором в нем идет речь. Одно будет связываться при этом с другим, устанавливая некоторую гармонию – «гармоническое соответствие размеров целого и его частей» и их значений, добавим, которое и будет величиной, определяемой нами как модуль семантики разбираемых единиц.

Порассуждаем на данную тему в избранном нами ключе применительно к специфичности советского пафоса. Интересно, что и ТСУ, и МАС советскую пафосность определяют отдельным, 2-м, значением, что получает дальше свое, уже не сугубо советское, отображение в определении БТС и Ефр. ТСУ (1. Страстное воодушевление, одушевление. С примерами из литературы XIX столетия): 2. Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-н., с примером из доклада Сталина 1933 г. «...мы сумели организовать энтузиазм, пафос нового строительства и добились решающих успехов». То есть это пафос не обязательно страстного воодушевления, но связываемый с энтузиазмом и вызываемый новым строительством, при этом его необходимо (суметь коллективно, поскольку *мы*) как массовое явление организовать и его мотивирует и поддерживает достижение в результате активных усилий (*добились*) решающих успехов, т.е. значимых, показательных и неотвратимых. МАС, при 1-м знач., «Страстное воодушевление, подъем.», с иллюстрациями из литературы (Горький, Юрьев), 2-м знач. дает, уточняя: 2. *чего* или *какой*. Воодушевление, энтузиазм, вызываемые какой-л. высокой идеей. С примерами типично советскими: *Пафос созидательного труда. Революционный пафос*. И уже приводившейся нами цитатой из речи Кирова 1934 г. о миллионах ударников, горящих *подлинным пафосом социалистического строительства*. Воодушевление, энтузиазм вызываются не просто чем-н., а

высокой идеей, которая, исходя из примеров, может быть по своему смыслу и с этим тоническому характеру *революционной, созидательного труда, социалистического строительства*.

Пафос, воодушевляемый высокой идеей, используемый для советской проекции, в БТС, толкуясь так же, как в МАС, и с теми же двумя оборотами (*созидательного труда и революционный*), дополняется *П. греческой трагедии* (т.е. советский пафос воспринимается в первую очередь, именно в этой связи, не случайными выглядят проведенные нами соотнесения). Словарь Т.Ф. Ефремовой, выделяя «Воодушевление, энтузиазм, вызываемый чем-л.» также 2-м знач., иллюстративного материала к нему не дает. РСС, нарушая идущую от ТСУ традицию, пафос с высокой идеей, чем-н. или чем-л., конкретно и прямо не связывает, передавая принятое всеми знач. 1. и добавляя к этому энтузиазм («Воодушевление, подъем, энтузиазм.») и то знач., которое в ТСУ и у Н.Ф. Ефремовой дается как 3. («Воодушевляющий, творческий источник, основной тон, идея чего-н.»), а в МАС и БТС непосредственно не отражено, уточняя его в литературоведческом отношении и подавая как термин: 2. «Выраженное в художественном произведении эмоциональное отношение автора к изображаемому. *Героический п. батальной живописи. Сатирический п. «Ревизора» Гоголя. Трагический п. поэзии Цветаевой.*»

Тот пафос, следовательно, который был свойствен советскому пропагандистскому восприятию, в отличие от пафоса с определением страстности и подъема в его традиционном и более общем значении, характеризуется, а) сопровождаясь энтузиазмом и б) связываясь с высокой идеей. Это пафос, идущий от греческой трагедии, т.е. близкий пафосу в представлении Аристотеля. Тем самым, этимологически, пафос высоких переживаний, связываемых со страданием в ощущении смерти и неизбежности рокового конца, предполагающих «подвиг, сознательное принятие на себя тягот и мученичества» (В.И. Даль) и трансцендентальность, с возможностью перехода в иное бытийное состояние. Освобождающее страдание, открывающее путь к умиранию в прежнем и возрождению в новом, исходящие не от

слабого человека, но от высших, вечных, могучих, руководящих сил, – это ядро, начало, источник пафоса, о котором речь. Семантическая модель его сохраняется, замещая характер высокой идеи, перенося ее из потустороннего в отдаленное будущее, к которому надо стремиться и которое приближать, придавая больше очеловеченности и оптимичности энтузиазму, а высшие силы полагая в их трансцендентности не в божественном и роковом, а в исторической неизбежности и учении, которое единственное всесильно, потому что верно.

Характеризуемый подобным образом пафос советского пропагандистского представления, будучи общим и частным, имея, тем самым, мотивационно-интенциональную и семантико-порождающую проективную часть, обладал к тому же фазовыми проекциями. Две из них – времени до *осуществления наиболее революционной из всех ближайших задач*, т.е. захвата власти, и после такого осуществления, имеет смысл рассматривать в их соотношении, как взаимосвязываемые отношением порождающего и мотивирующего. Первая порождает и мотивирует собой вторую, одновременно мотивируясь ею в необходимости реализации. Вторая, порожденная и мотивированная первой, определяет ее свое значение, акцентируя свою значимость, необходимость развития, усиления и перехода к дальнейшему, в корреляции и ретроспекции с ней. Наглядным отображением двух этих фаз было бы представление, передаваемое оборотами *революционный пафос*, в отношении первой, и *пафос социалистического строительства* для второй, переходящий затем, в период так называемого развитого социализма, в менее определенный *пафос созидательного труда*.

Прежде чем вывести соотношения того и другого, представив их в общей схеме, рассмотрим еще одну относящуюся ко времени до призываемого осуществления (1902 г.) цитату, содержащую важные смысловые участки разбираемого патетизма: *Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец – наконец! – выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатые*

ские силы. Ленин, Что делать? (МАС) В ней, как и в предыдущей, также 1902 г., прежде рассмотренной, внимание обращено в первую очередь на **значимость** актуального времени, его **исключительность** для предполагаемой революционной задачи – *именно теперь*. С вынесением в акцентированное начало и дважды, второй раз с подчеркиванием решительности осуществившегося во времени состояния, в его отличии от предшествующего, – *может наконец – наконец!* Задействуется также **революционность**, обращаясь на сей раз не к стоящей ближайшей задаче, а к осуществляющему ее субъекту – *русский революционер*, руководящему знанию для него, с подчеркиванием его настоящести – *истинно революционной теорией*, и его опору (ингрессия массовости) – также *истинно революционный* и также актуализирующийся ко времени в таком своем состоянии, поскольку *стихийно пробуждающийся класс*. К этим выявленным также и ранее трем – значимости и исключительности (момента), революционности, уточняемой в позициях обеспечения, назовем это **вооруженностью**, добавляются еще два – **полнота** ожидаемой в проявлении **силы** – *может* (ожидаемость, потенциальность) ... *выпрямиться во весь свой рост и развернуть все* (полнота) *свои богатырские силы* (сила). При этом сила и полнота предстают как значимые и исключительные (*во весь рост, развернуть все свои, богатырские силы*), подчеркивая значимость и исключительность осуществляющего задачу субъекта (*свой рост, свои силы, русский революционер*), призываемого (ингрессия) к ней (трансгрессия).

Ведущим тоном первой фазы советского патетизма, таким образом, следовало бы признавать революционность. На эту черту обращалось внимание многими. Большевизм формируется как такое течение, политической целью которого является захват власти и свержение существующего строя революционным путем. Партия нового типа, создаваемая В.И. Лениным и теоретически им обосновываемая, характеризуется как боевой авангард рабочего класса, задачей которого является пролетарская социалистическая революция и диктатура пролетариата: «Победа социалистической революции, победа диктатуры пролетариа-

та невозможна без П.н.т. [партии нового типа] – марксистско-ленинской партии, партии социальной революции...» [БСЭ-53: 32, 175] Партия нового типа, по определению далее, «есть часть рабочего класса, его передовой, сознательный отряд, вооружённый знанием законов общественного развития, законов революции и способный быть вождём, руководить борьбой рабочего класса.» Законы общественного развития становятся в один ряд с законами революции, уточняясь и конкретизируясь ими. Способности быть вождём, руководство непосредственно связываются с борьбой, понимаемой как классовая и революционная. А.П. Романенко, характеризуя образ риторика-большевика и выделяя в списке его качеств как объединяющее все остальные твердость (воли), отмечает, что следствием этого в советской риторике оказывается «примат пафоса над этосом и логосом (главное в достижении цели – воля).» Список свойств советского ратора, подразделяемый им на три группы, на первое место для пафоса выносит революционную страстность: «Революционная страстность, боевитость, оптимистичность характеризуют пафос. Коммунистическая убежденность (а также простота и правдивость собственно речи) – это логос советского ратора. Особое место в составе ОР [образа ратора] занимает партийность.» [Романенко 2003: 34, 35]

Советские, большевистские по своему характеру и происхождению, твердость воли, боевитость, оптимистичность, коммунистическая убежденность, простота, правдивость, партийность требуют, применительно к разбираемому предмету, своего отдельного рассмотрения, обратимся пока к рассмотрению революционной страстности.

Страстность, связываемая с сильным и пылким чувствованием, с трудом управляемым рассудком (МАС), горячностью, неравнодушием, увлеченностью, устремлением, порывом, мечтой, отрывающей от повседневности к необыкновенно сильно желаемому, нередко недостижимому идеалу, подобного рода чувство будет предполагать тональность для патетического. Страстность большевистски-советского типа социализирована и действенна, служа примером общественного горения, посвяще-

ния себя идее социального преобразования и революционной борьбе. Это страстность преданности делу рабочего класса, страстность партийности, высокой гражданственности, патриотизма, народности, приверженности идеалам социализма и коммунизма. Жар души и горячность сердца, взволнованность, неподдельная воодушевленность должны быть направлены и сопровождать резонансное чувство охватывающего всех и равно подъема в устремлении к общей цели революционного осуществления и перехода – к иному, новому состоянию всё тех же всех, подхваченных общим горячим и возносящим чувством, отрывающим их сейчас от повседневности и рутины, а затем и в дальнейшем также переносящим к другому, светлому будущему без угнетения и неравенства.

Тональность, тон подобного рода страстности, следовательно, модулятивны. Модуляции возвышения – устремленность, отрыв, порыв, высокое, идеалы, служат средством введения в действие, подключения всех и каждого к общему и направленному целеустремленно единому, с намечаемым, увлекаемым переходом к нему. Подобного рода страстность, будучи чувством не индивидуальным, а массовым, для каждого как представителя и составляющей части всех, переживанием причастного втягивания, по этим своим показателям ингрессивна. Ингрессию советского патетизма, тем самым, определяет совместная модулятивная страстность.

Революционность, с ней связываемая, служит основой трансгрессии, определяя ту составляющую, которая тяготеет к идее и определялась нами как семантема пафоса. Если страстность началом предполагает ингрессию с выходом к трансгрессивности в намечаемом идеале (ингрессия для страстности, следовательно, генеративная, а трансгрессия – мотивационно-интенциональная часть), то революционность взаимнообратна, трансгрессия для нее становится генеративной, а ингрессия – мотивационной и интенциональной частью.

Революционность, в контексте рассматриваемого, можно было бы определять как внутреннюю готовность и одновременно способность постоянного отклика на ингрессирующий при-

зв к осуществлению трансгрессии, – открытость к принятию для себя, освоению, повышающего эмотивную сторону общего действия, устремляемого к перевороту, переходу к модулятивному состоянию, которое подается авторитетно, верховно, как общественно благожелаемое и оптимизирующее начало.

Поскольку разбираемые признаки интересуют нас не как таковые и не как свойства, определяющие субъектов-носителей, а как семантические параметры единиц, охарактеризованных как патетизмы советского официоза, обратимся, прежде чем вывести и представить их в общей схеме, к способности их отражения в языке. Связывается это, так или иначе, с характером выбора средств. Так, если в тексте используются слова с мотивом архаики, типа *светоч, житница, закрома, песнопевец, воспеть, почин, зодчий, кормчий, корифей, факел* и пр., их смысловая неполная ясность, забытость, недостаточная понятность в первоначальном, не пропагандистском, употреблении служат эффекту отрыва, отвлечения от реального и существующего и увлечения в иное бытийное состояние, пребывание, проявление. Способствуют, тем самым, мотивационно, началу развертывания ингрессии: восприятие отрывается от повседневно привычного, получая возможность направиться к чему-то еще. Слова, хотя и знакомые, но также не повседневного представления, весьма далекие от него, такие, скажем, как *богатырь, исполин, гигант, непобедимый, неиссякаемый, животворный, нерукотворный*, либо подчеркивающие не повседневность, не будничность, необычность определяемого, типа *небывалый, невероятный, чрезвычайный, подвиг, жертва, колоссальный*, служат поддержке, приданию силы отрыву. Слушающий их, поднимаясь и отрываясь от повседневно его окружающего, несет волной, открывающей для него со своей высоты необычные горизонты – *высокие идеалы (идеи, мечты, искусство, подвиг, слова), с высоких трибун, величие наших побед, светлое будущее, светлый путь, всенародная поддержка, горячее одобрение, неограниченные возможности советского строя*, ведущих к освобождению от прежнего – *не напрасные жертвы, сбросить оковы, зажгли факел, дорогой отцов, героика поколений, неотвратимые изме-*

нения, к пробуждению ощущения нового, возможности перехода и достижения, т.е., в конечном итоге, к трансгрессии – глубокие перемены, неизбежность гибели капитализма, коммунистическое завтра, выдающиеся успехи, выйти на новые рубежи.

Страстность, в контексте сказанного, может передаваться и себя отражать в таких единицах, как *глубокие чувства, глубокая вера, глубокая и полная убежденность, беззаветная преданность, клятва верности, присягать, несмолкаемые аплодисменты, горячий привет (прием, отклик, патриот), с нескрываемым восторгом, а революционность – освобождение от оков, упразднение эксплуатации, полная и окончательная победа, необходимость борьбы, преобразование общества на новых началах, свержение, смести с лица земли, выкинуть на свалку истории* и т.д.

Необходимым при этом было бы обратить внимание на следующих три стороны, имеющих смысл для дальнейшего рассмотрения: 1) характеризующие единицы по-разному, в разных распределениях и соотношениях, принимают участие в ингрессивно-трансгрессивной направленности советского официоза; 2) каждая такая отдельная единица способна передавать семантику и направленность не одного выводимого, но, как правило, нескольких, двух и более, признаков, в зависимости от употребления и вне такового сочетающихся, хотя и не обязательно, иногда не проявленно, в каком-то комбинаторном порядке; 3) признаки, передаваемые патетизмами советского официоза в их совокупности, укладываются в систему, устройство которой предполагается далее в ее составляющих описать.

Патетизмы советского официоза как формы модулятивной семантики

Первое из указанных свойств анализируемых патетизмов назовем ингрессивно-трансгрессивной направленностью (в охарактеризованном смысле ингрессии и трансгрессии, определяющим их советскую характерность, последовательность кото-

рых может быть и обратной, в зависимости от фазы или стоящей задачи, о чем говорилось ранее). Второе свойство – комбинаторной определенно-неопределенной множественностью семантического состава. И, наконец, третье – их парадигматико-синтагматическим в своем наборе устройством, действующим как концептуально-тоновый модулятив, предполагающий и предопределяющий собственную модальность и эмотивность.

Ингрессивность и трансгрессивность концептуально-тонового характера, обеспечивающие производимый модулятивный эффект перехода в сферу семантики, иную по своему заряду и действию (так это будем определять), чем сфера не патетизированного (в советском значении) проявления, – эти ингрессия и трансгрессия, действуя в поле дискурса³, в языковом своем отношении создаются и достигаются с помощью средств, отбираемых как средства традиционного усиления. Действие их в общем поле, с одной стороны, создаваемом ими, с другой, с подключением к этому полю, воздействующему на них, дает основание определять и описывать их как языковые средства данного поля, выводимого, одновременно, на их основе и через них.

Попробуем показать это на примерах. Возьмем для этого два из уже приведенных ранее, из работы Ленина и выступления Сталина. Обратим внимание на глаголы в цитатах фразы 1902 г. – *выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы*, интересоваться будет глагол *развернуть*, и 1933 г. – *мы сумели организовать энтузиазм ... и добились решающих успехов*, глагол *добились*. *Развернуть*, в употребленном переносном значении, ‘проявить в полной мере, дать широко развиться чему-л.’, в МАС по счету 7-м, важен не только своим ин-

³ Дискурс в данном случае, при неустойчивости и неоднозначности употребления этого термина, прежде всего в российской лингвистике, о чем неоднократно писалось (см., напр., [Николаева 1978; Демьянков 1982; Ревзина 1999; Кубрякова 2000] и др.), будем представлять как «особое использование языка ... для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка ... особую грамматику и особые правила лексики. И ... в конечном счете ... создает особый "ментальный мир"» [Степанов 1995: 38, 43]

тенсивом ('полной мерой' и 'широко', ср. нейтральные в этом контексте все те же *проявить, развить*), но и теми оттенками, которые, будучи ощутимы в других значениях слова, составляют ассоциативный его ореол. Ореол этот, его смысловая и коннотативная оболочка, с одной стороны, обуславливает патетезированное использование, а с другой, обеспечивает ингрессивность и трансгрессивность, и, как следствие, модулятивность семантики целого. Складывается он, этот ореол, из по-разному взаимодействующих признаков, актуализируемых в других значениях и присутствующих внутренне в данном. В частности, из таких, как раскрытие скатанного, свернутого, сложенного (в длину и ширину – *развернуть рулон, ковер*), распускание, открывание (деревья *развернули* свои листья, цветки), освобождение (от чего-л. покрывающего, закрывающего, во что-то завернутого – *развернуть пакет, сверток*), разведение в стороны, распрямление (*развернуть плечи*), расположение в ширину по линии (*развернуть строй, ряд, эскадрон*), преобразование в более крупную единицу на основе более мелких (*развернуть полк из отдельных отрядов*), устройство, подготовка к действию, выполнению каких-то заданий (*развернуть госпиталь*), показ, представление с достаточной широтой, полнотой (*развернуть мысль, план, перспективу*). Раскрытие, распускание, открывание, освобождение, распрямление, разведение в стороны, ширину, полноту, преобразование, развертывание, с опорой на существующий собственный потенциал, – все это способствует при восприятии слова тому отрыванию, порыву, подъему, которые предполагают начало втягивания в ингрессию и переход к трансгрессии патетизма, обуславливая тоновую и смысловую его составляющие. Одновременно с этим в сознании фоном присутствует ряд поддерживающих и резонирующих сочетаний типа *развернуть знамя, флаг, транспарант; развернуть строй, ряды, шеренгу, колонны; развернуть агитацию, кампанию, пропаганду; развернуть борьбу, (социалистическое) соревнование, строительство*, – связанные с данным использованием и отчасти следующие в своей семантике из него. Помимо ингрессивного и трансгрессивного обуславливания модулятивности, в самом

возникающем модуле, в поле его семантики, *развернуть* анализируемого контекста будет иметь свое место, активизируя признаки ее внутреннего устройства – **полноты и устремленности** применительно к случаю. Выбор употребленного слова, тем самым, предопределяется осязаемым отношением к данному модулятиву, существующему и воссоздаваемому в соответствующих дискурсу контекстах. Слово в своей семантике и своем ореоле, с одной стороны, должно допускать такую возможность, одновременно с этим, с другой стороны, поворачиваясь, приспособливаясь в своей все той же семантике и ореоле к использующему его модулятиву, сообщая и ему от себя усиливаемый и поддерживаемый подобным употреблением смысл.

Добиться второго употребления, в цитате 1933 г., предполагая предшествующую полученному результату направленную и интенсивную активность действующего ради осуществленного достижения, содержит в модулятиве своей семантики представление о **силе и устремленности** к цели. В сочетании с *решающими* (необратимыми, очевидными) *успехами* (позитивно оцениваемый высокий и значимый результат) и в контексте дальнейшего, намечающего дальнейший переход-перспективу (трансгрессия отодвигаемого статуса осуществленного → осуществляемого: *Теперь это дело должны мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения новых заводов и новой техники, серьезным поднятием производительности труда, серьезным сокращением себестоимости.*), возникает картина модулятивного вознесения – эмоциональность, модальность, тон, смысл, – создаваемая дополнительно признаками необратимости-постоянства и неуклонности-прямоты *решающих*, высокой меры и значимости *успехов*, последовательностью в продолжении начатого и достигнутого в *освоении новых заводов и новой техники*, значимости и вооруженности в *серьезном поднятии производительности труда* и т.д.

Сказанное обнаруживает механизм придания патетизма (модулятивность семантики) не исключительно и не только советского пропагандистского типа, механизм этот общий. Советскую официозную его специфичность составляет набор, сочета-

ния, тон и характер признаков, которые могут быть выведены и представлены в их парадигматике и синтагматике.

Проанализированный материал дает основание для выделения следующих, характерных для патетизмов советского официоза признаков, укладываемых примерно в такую схему (некоторые из них уже были продемонстрированы):

Полнота – Исключительность – Постоянство-
Необратимость
Сила – Устремленность – Прямота-Неуклонность
Твердость – Страстность – Пронизание-
Проницательность
Значимость – Вооруженность – Продуктивность

Все это, нанизываясь, определяет охарактеризованные ингрессию и трансгрессию в их обращении к изменяемому статусу имеющегося в результате осуществившегося и осуществляемого далее достижения. Статус этот *осуществленного осуществляемого*, советским задействуемым участием, мыслится как неуклонно растущее социально-всеобщее благо (социализм для советских людей – народов социалистических стран – коммунизм как светлое будущее всего человечества). Смысл подобного блага, как всё возрастающего и расширяемого социального оптимума, предполагает три составляющих, связываемых а) с социально-всеобщим (генератив, или род, родовой массив, масса – людского пространства); б) с идеей растущего и расширяющегося распространения (градуальностный концентратив – мера-степень осуществляемого); в) с поступательной неуклонностью (регулятив – показатель разворачивающегося, движущегося вперед, к приближаемому будущему советского времени, неизменно коммунистическому в своем историческом достижении).

Генератив становится категориальным определителем первой колонки по признакам вертикали (полнота – сила – твердость – значимость). **Концентратив** – осевой (исключительность – устремленность – страстность – вооруженность). **Регу-**

лятив – правой (постоянство – прямота – пронизание – продуктивность).

Трансгрессию генеративизации в представлениях определяемого модулятива будет составлять накладываемый советским пафосом переход от единичного к социальному родовому всеобщему, предполагающий социализацию отношений, обобществление, на советских, т.е. огосударствливаемых, началах, как материально-физического, так и морально-духовного. Трансгрессия концентрации предполагает идею сгущения, мобилизации, внутреннего и внешнего скопления, накопления, подготовленности, сжимания – средств, способностей, силы, количества. Трансгрессия регулятивизации имеет смыслом переход от единично-случайного, спорадического, к закономерно-необходимому, общему как неизбежности и обязательности.

Три обозначенных категории вертикали обеспечивают внутренним смыслом идею повышения смыслового тона, предполагаемого в пафосе. Переход от единичности «я» к социализированному составу (в генеративе) организуемого, иерархизируемого множества (в концентративе) с подтверждением закономерной необходимости (в регулятиве), составляя основу производимого действия, мотивирует тон и смысл обоснованной, убежденной уверенности, надежности и защищенности в отношении всех и каждого как представителей социального множества, коллектива (*воля, собранная в кулак*, откуда и большевистская *твердость воли*).

Втягивание в социально-иерархизованной массово осуществляемой ингрессии и перенос вверх и вперед в равнозначной оптимизирующей, поступательно нарастающей и продвигающейся (градуальной) трансгрессии реализуются с помощью названных признаков, имеющих своего рода регистровый (повышения смыслового тона) характер, а потому также действующий ингрессивно и трансгрессивно на семантику единиц. Втягивание и перенос предполагают *п р о н и з ы в а н и е*, осуществляемое в отношении обозначаемых объектов, признаков, действий, участников, пространства, времени, предикативов, модальностей, тех, кто воспринимает, и пр., – что и составляет

смысл производимой модулятивности в рассматриваемой системе. Обретенное состояние (осуществившееся) определяет себя в итоге как результат ингрессируемого (действующего как втягивающее на всех) перехода (трансгрессии) в значениях категории **обобщения, закономерной необходимости** (неслучайности) и **концентрации** – как состояние длящегося, продолжающегося достижения и неуклонно растущего всеобщего (социального) блага, утвердившегося в произведенном начале движения к нему. Так примерно можно было бы обозначить идею определяемого патетизма.

Ингрессия, отмечая задействованную включенность, вхождение в сферу необходимого проявления для участвующих, в отношении совершаемого ими осуществления предполагает запуск в действие, инициирование движения. Сочетанием задействуемых с иницируемым ими и далее осуществляемым проявлением в действии формируется смысл причастности (*partitiva*), реализуемого в своих значениях в горизонтالي, составляемой в параметрах внутреннего – сила (устремленность, прямота), твердость (страстность, пронизывание-проницательность) и внешнего – полнота (исключительность, постоянство), значимость (вооруженность, продуктивность).

Смысл первой строки, проявления внешнего, реализуемого в признаках полноты (генератива), исключительности (концентратива) и постоянства-необратимости (регулятива), составляет идея объема, величины, числа и количественности. Обозначим его как мера, мета производимой ингрессивной трансгрессии – в человеке, массиве всех действующих (задействуемых) участников, а также действию, времени, обозначаемых признаках, объектах, пространствах и пр. Осевую, концентратива и исключительности для первой строки, будет формировать идея, определяемая как *предикат* в отношении *аргумента инициации* правой колонки, генератива и полноты, и *аргумента проекции* левой, регулятива и постоянства-необратимости. Значения предиката и аргументов последующих строк, соответственно, будут другими, при совпадении категориальных генератива, концентратива и регулятива.

Вторая строка, проявления внутреннего, может быть охарактеризована как управляемый ресурс, обуславливающий направляемость, кинематичность, действуя как источник, исходящее, проявляемое изнутри вовне: сила – устремленность – прямота-неуклонность.

Третья строка, также внутреннего, представляет потенциал, способность, заряд, охватываемость: то, что внутри, является средством для освоения внешнего, проявляясь как твердость – страстность – пронизание (проникание вдоль всего и насквозь, сюда же как вид – пронизательность).

Четвертая строка составляет идею ценности, достоинства, определим ее как достоинство, валюатив, реализуемый в аргументно-предикатных признаках значимость – вооруженность – продуктивность.

Закладываемый в идее осуществляющегося ингрессивно-трансгрессивного продвижения оптимум, как состояние неуклонно растущего всеобщего социального блага – статус, в показателях меры-степени (неуклонного роста), времени (в отношении такого же градуально улучшаемого будущего), массы людского пространства, также градуально включаемого и расширяемого, оптимум этот, следовательно, можно определять как градуальностный, генерализируемый, социальностный. И как таковой он предполагает и требует такой же всеобщей и расширяемой акцептации, аккомодации, адаптации, принятия и причастности – партитивность – со стороны включенных и адаптированных *своих*, с исключением, выводом за рамки (дезакцептации, исключения), пределы (в том числе и внутреннего, внутри себя) всего другого и *не своего*. Данное представление составляет основу советского официозного пафосного акцептива, поддерживаемого понятием проецируемого социального блага-оптимума – как предикатной частью, центральной и осевой; социальной, советского строя, иерархизованностью – как частью левого аргумента, инициальной, в его интенции и мотивации; и классовостью-партийностью – как аргумента правого, проективного и валюативного, определяющего оценку и выбор, отделение *своего* от *несвоего*.

Осевое понятие блага-оптимума характеризуется также тремя основаниями:

1) отнесенности к данному социуму – обществу, классу, общественной группе как исходное и тем гарантированное и достаточное (вхождение, включение, приобщение, левый, иницирующий, аргумент, определим его как *позиция*);

2) равенственностью взаимного (братство всех членов, участие, разделение, осевой предикат – *партиция*);

3) достигаемым обретением предполагаемого, предлагаемого, желаемого обладания (предназначенный и одобряемый выбор каждого, правый, проецирующий аргумент, он же *опция*).

Социально-нормативный оптимум, предлагаемый к обязательной акцептации всех и каждого как условие, также распределяется в трех отношениях: *иницирующего осуществленного* (генеративизация левого и мотивирующего последующее и данное состояние аргумента – *завоевания советской власти*); *производимого как осуществляемого* (требующего необходимой для этого концентрации производительных сил – *строящийся социализм, концентратив и партитив осевого и предикатного*); *проецируемого к должному осуществлению*, а потому выступающего как правый аргумент и регулятив – *коммунистическое будущее всего человечества*.

Представленные в схеме названия двенадцати признаков имеют условный характер, их не следует воспринимать как слова с их семантикой, это мотивы смысла, его директории и, в каких-то случаях, векторы. В зависимости от реализаций в употреблении они могут быть оборачиваемы той или иной своей стороной, что составляет особенность патетизмов советского официоза как сферы тоново-смысловой. Описываемая в этих признаках, модулятивная по своей природе, семантика потребует дальнейшей своей разработки и уточнения.

Представленная, в связываемых категориально, предикатно и аргументно признаках, парадигматическая система действует как слаженный механизм, основу которого как внутренне и неосознанно, так и объявляясь и внешне, в инициальной и мо-

тивирующей, лево-аргументной, части, как было отмечено, составляет социализированная иерархизованность, увязываясь предикатом социального блага-оптима с партийностью правой части. То и другое, т.е. левое и правое аргументное предикатного осевого, охарактеризованного для нашей задачи, следовало бы в связи с этим также несколько уточнить.

Об иерархизованности как средстве советского социального, идейного и политического состояния писалось неоднократно⁴. Поскольку нас это будет интересовать лишь в пафосно-модулятивном своем развороте, обратим попутно внимание только на одну его сторону. Устраиваемая в общественном и индивидуальном сознании, внедряемая в него разными средствами, общественная гармония, точнее представление о ней, становится средством, с одной стороны, компенсаторного довосполнения того, чего нет в социальной реальности (о подмене социальной реальности реальностью текста [Богданов 2008]), но того, что в ней с неизменной неотвратимостью будет, потому что организуется, строится и неуклонно растет, и средством, как следствие, обеспечения стабильности статуса и безопасности существующего и своего положения, с другой. Положения тех, кто у власти и наверху пирамиды⁵, а потому непосредственно заинтересован в этой стабильности, и положения тех, кого такая стабильность по разным причинам устраивает (по согласию, одобрению, по незнанию, непониманию, из опасения худшего и т.п.). Сила привязанности к иерархической действующей пирамиде также пирамидальна и градуальна. В наиболее выраженном и себя выражающем отношении в пропаганде и официозе это себя проявляет и обнаруживает как настойчивое, в связи с обеспечивающим сохранность системы, эксплуатирование модели иерархизованности с помощью соответствующим образом

⁴ Наглядно и со знанием дела см. об этом, напр., [Восленский 1991], конкретно и в применении к лексике русского языка, как постановку задачи [Zaslavsky, Fabris 1982].

⁵ Пирамиду советской структуры общества, определяемой как коммуникативная система советской семиотической культуры, хорошо представляет А.П. Романенко [2003: 28-31].

организованных патетизмов, подчиняемых в том числе и этой, столь важной, задаче. Достигнутая социализированная социалистическая гармония, пусть и не совершенна, однако стремится быть таковой, являясь одновременно необходимым средством и обеспечением такого ее достижения – ингрессивно-всеобщего перехода в наблюдаемо-производимой трансгрессии. В этом пафос советского пропагандистского официоза.

Правым и проецирующим аргументом предиката всеобщего социального блага-оптимума в советском его представлении следовало бы признать партийность. Определявшаяся как пронизывающая собой, всеохватывающая черта всего того, что считалось советским, признак-критерий, сводящийся к дифференциации и оценке, с отделением своего от не своего⁶, руководящий принцип, вводящий классовость и классовую борьбу в гуманитарную сферу: «Искусство не только отражает борьбу классов, но и само является средством классовой борьбы.» (БСЭ-53, т. 32: 170-171), – так понимаемая партийность, «обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [Ленин-ПСС, т. 1: 418-419], проявляет себя как прямая и открытая интенция и мотивация для высказывания. А.П. Романенко говорит о ней как о модальности: «Партийность – это модальность речи и речевого поведения, жестко заданная партийным документом и исключаящая любую другую модальность», «Вместе с этосом пафос создает модальность речи ... т.е. в применении к советской культуре – партийность.» [Романенко 2003: 40, 74] К сказанному следовало бы добавить тональность советского патетизма, реализующую себя в оформлении как ощущаемом привычно звучании и смысле, который важен не столько своим содержанием, известным и повторяющимся, сколько модуляти-вом, переводом в сферу своей обустроенной парадигматики. В этой сфере, будучи право-аргументной частью ее ведущего предиката, партийность можно было бы определить как направленную устремленность в будущее (вперед и вверх, предикатного

⁶ Об этих свойствах партийности как о значимой категории, единой для всей речевой деятельности советского общества также см. [Романенко 2003: 35-42].

блага-оптимума) иерархизованно организуемого своего (по принципам демократического централизма, с пирамидой в своей основе, левого аргумента) при градуируемом категориально исключении всего другого. Партийность, тем самым, действует как впускающая и изгоняющая, регулятивная по своему характеру, составляющая всей парадигмы.

Основу такого ее представления, которое следовало бы охарактеризовать как сигнификативно-коннотативную часть, составляет идейно-психологический механизм, общий для всякой действующей детерминантно системы, политической ли, мировоззренческой, религиозной, клановой, половозрастной, социально-групповой, обусловленной выбором и отбором, совместными представлениями, занятиями, интересами, увлечениями, будь то приверженцы какой-то идеи, последователи какого-то толка или чего-то еще. Жесткость оценок, следующая из необходимости реализации целей, действующая как средство организуемой ради этого идентификации себя и своих, предполагает направленную устремленность на эти цели, а следовательно, на сохранение и выживание, с отделением себя от других. Иерархизованность своего и градуальное, по категориям, исключение при этом другого также не составляют специфики советской партийности по сравнению с чем-то аналогичным. Специфику следует видеть в денотативно-референтной части, уточняющей это свое, характер его организуемой иерархии, представление о будущем и желаемый тип направленной к нему устремленности, с определением групп, категорий, другого, с градуированием их исключения и предписываемого характера обращения с ним. Не вдаваясь в более или менее известные на данную тему подробности, к чему, возможно, придется впоследствии обратиться, анализируя материал, хотелось бы обратить внимание только на две стороны. Речь идет о том типе партийца-большевика, с переносом его на советского человека, который составлял образец отношения и поведения, формулируясь в категориях преданной непримиримости (делу рабочего класса, революционной борьбе), боевитости, коммунистической убежденности и т.д. и т.п., включая ненависть к врагам и идейным

противникам, смысл и образ которого (партийца-большевика) складывался из обоснования партии нового типа как спаянной единством воли, теоретического знания и практического действия организации, призванной к разрушению прежнего миропорядка и устройению своего. Речь идет, тем самым, о коммунистической и большевистской партийности. И тогда, применительно к приведенному нами определению, все эти свойства можно было бы распределить в показателях их не равного и комбинаторного отношения к направленности, устремленности, будущему, иерархичности, организуемости, своему, другому и несвоему, градуируемости и категориям его исключения – как параметрам требуемого для партийца-большевика, советского человека и регулятива партийности отношения. Это первое, способное быть развернутым и показанным при анализе материала.

И второе. Признаки, определяющие ее, партийности, денотативно-референтную часть, в силу самого ее свойства жесткой привязанности к нормативному (желательно последнего времени) партийному документу, с расчетом на однозначность интерпретации [Романенко 2003: 40], имеет смысл разделять на часть постоянную и переменную, при не всегда обязательном и прямом, открытом и пропагандистском, их различении. В данном случае можно было бы говорить о таком, впрочем, явно себя обнаруживающем проявлении, как смещение акцентов с революционной на созидательно-трудовую задачу, с пожара мировой революции на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, с рабочего класса на весь советский народ, с колхозного крестьянства на советских тружеников села, с партийца-большевика на советского коммуниста, с пролетарского интернационализма на советский патриотизм, не называя более тонких переходов – с непримиримости и нетерпимости ко всем и всяческим врагам и оппортунистам на бдительность и чутье по отношению ко всему, что развращает, мешает, что иностранное, не советское, не свое, не родное и пр. Постоянное и переменное в денотативно-референтной части определения правого аргумента (партийности) разбираемой схемы во многом строится не столько на прямом отрицании предыдущего, сколько на его ней-

трализации и наложении нового, смещении, а не замещении. Новое, актуализируясь, затягивает, отодвигает предшествующее, прямо не отрицая его, извлекаясь или используя в ряде случаев для каких-то пропагандистских, политических, догматических, дидактических, диалектических целей, продолжая быть для них актуальным. На этом основывается та черта, которая определялась как расщепление советского сознания и мировоззрения⁷ и которую мы будем связывать со свойством его всё пронизывающей прагматической иерархизованности, организуемой, социализированной и гармонической, модулятивной и тоново-смысловой по своему существу и характеру.

Схема двенадцати семантических признаков модулятивной семантики патетизмов советского официоза, в связи с введенными уточнениями охватывающих и включающих их в себя параметров и показателей, выглядела бы в своем табличном представлении следующим образом:

⁷ Раздвоение, растроение, умножение – одно делается, другое говорится, третье думается и т.п., но при этом разное по разным идейным, общественным и политическим поводам также и думается. Впрочем, возможно, это не сугубо советизированная черта, остроту ей задает унитарная жесткость пропагандистской системы. Иерархизованность, постоянное ее ощущение и необходимость отображать лежит, по-видимому, также в основе особенности советского официоза, на которую обратил внимание П. Серио, определив это как семантический парадокс. Ю.С. Степанов так характеризует это явление: «огромное количество понятий в конечном счете оказывается как бы синонимами друг друга, чем и навевается идея об их действительном соотношении в "жизни", о чем-то вроде их "тождественности". П. Серио приводит такой список сочиненных понятий для иллюстрации парадокса [Seriot 1985: 95]: партия = народ = ЦК = правительство = государство = коммунисты = советские люди = рабочий класс = все народы Советского Союза = каждый советский человек ... и т.д. » [Степанов 1995: 39]

<i>внешнее</i>	полнота	исключительность	постоянство	<i>мера, мета</i>
<i>внутреннее</i>	сила	устремленность	прямота	<i>ресурс</i>
<i>внутреннее</i>	твердость	страстность	пронизание	<i>потенциал</i>
<i>внешнее</i>	значимость	вооруженность	продуктивность	<i>достоинство</i>
	<i>генератив</i>	<i>концентратив</i>	<i>регулятив</i>	

В С Е О Б Ш И Й О П Т И М У М

<i>позиция</i>	<i>партиция</i>	<i>отция</i>
<u>нерархизованность</u>		<u>партийность</u>
ингрессия > трангрессия		
МОДУЛЯЦИИ		МОДУЛЯТИВ
МОДУЛЬ		

Модулятивная доминанта партийно-советского официоза

Поскольку ведущим регулирующим принципом советской идейной партийности можно считать механизм акцептации партийно одобряемого своего с дезакцептацией всего не такого, тоново-смысловая и модулятивная демонстрация была характерна для очень активных и актуальных патетизмов советского официоза (известное *одобряем-с, единодушная поддержка, всенародное осуждение, всеобщая заинтересованность, широкий отклик* и т.п.). Покажем это на примере *несмолкаемых бурных и продолжительных аплодисментов, переходящих в овацию*, вставлявшихся в выступления советских руководителей в местах, существенно важных с партийно-политической точки зрения на данный момент.

Несмолкаемые аплодисменты и бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию представляют собой модулятивы высокого уровня, ибо, связываемые с ведущими проявлениями статуса, во всех его составляющих, с подчеркнутым выражением отнесенности к данному социуму (вхождение, включение, приобщение – *позиция*), демонстрацией равенственного участия и разделения общего (*партиция*) и одобряе-

мым выбором каждого (*опция*), они отмечают существенный для характеризваемого модуля тоновый смысл. Определяется он показателями ингрессии, осуществляемой в происходящий момент, как своего рода прямое и непосредственное проявление желаемого патетизма с идеей всеобщности на глазах проживаемого оптимума, демонстрирующей осуществленный как продуктивный, достигнутый, регулятивный момент. Собственно говоря, это не что иное, как модулятивное, пафосное выражение партийности, как регулятива и опции, в направленной устремленности вперед и вверх блага-оптимума, иерархизованной организуемости своего, с пирамидой в основе, при исключении всего другого.

Не случайным и показательным в отношении тона и смысла, в их повышении, порыве, отрыве от повседневного и обычного, выглядит слово *овация*, происхождением и заряженностью (внутренней формой, не осознаваемой, но чувствуемой) связанное с чем-то подобным, тем состоянием ингрессивной трансгрессии, модулятивного перехода в сферу иного эмоционального, смыслового и модальностного переживания, которое оно отмечает. *Овация*, лат. *ovatio* ‘овация’, или ‘малый триумф’ – торжественное вступление полководца-победителя в Рим верхом или пешком (не на колеснице, в отличие от триумфатора), от *ovo, ovatum* ‘торжествовать, ликовать; быть встречаемым овацией’, одного корня с *euo interj.* = *euon* (*эван! эвоэ!* – ликующий возглас в честь Вакха). Патетизм овации, от *эван, эвоэ*, тем самым, связывается с восторженным состоянием охватывающего всех унесения, приветствующих существо трансцендентного мира, дающего им возможность приобщенного в трансгрессивном экстазе переживания, приближающего для них в ощущениях этот более совершенный и иначе устроенный мир.

В своей семантике *несмолкаемые* проецируют признаки постоянства и пронизания в отношении меры и потенциала (см. табл.), тяготея, тем самым, к правой, регулятивной части. На последующем уровне возникало бы представление о силе и значимости (ресурс и достоинство) для генератива. Третий уровень дополнял бы картину страстностью и устремленностью (ресурс-

ный потенциал) концентратива. Другие лексемы рассматриваемого патетизма можно было бы представлять примерно в таком порядке по уровням:

1 уровень: *бурные*: страстность – полнота (мера-степень, масса); *продолжительные*: постоянство – силы (время, регулятив – масса); *аплодисменты*: страстность – сила; *переходящие*: постоянство – твердость; *овация*: исключительность – полноты – постоянства;

2 уровень: *бурные*: устремленность – сила – пронизывание; *продолжительные*: пронизывание – страстность – полнота; *аплодисменты*: устремленность – значимость; *переходящие*: прямота – устремленность – значимость; *овация*: страстность – прямота – сила;

3 уровень: *бурные*: исключительность – значимость; *продолжительные*: вооруженность – прямота – значимость; *аплодисменты*: полнота; *переходящие*: продуктивность – вооруженность – твердость; *овация*: устремленность – пронизывание – значимость.

Используемые в советском официозе вербальные средства и единицы, как было ранее сказано, отображают в себе проявления семантики статуса осуществляемого-осуше-ствленного в его неуклонно растущем социально-всеобщем включенно-равенственном обладании, по-разному организуясь в отображении этого. *Аплодисменты-овация*, как выражение одобрения и восторга бурными продолжительными рукоплесканиями, ритмично и длительно скандированно-синкопически повторяющимися, в сигнализирующей реализации данного проявления очень значимы, занимая свою позицию в общей модулятивной картине. Позиции этой картины, места в ней, равно как и ее самоё, в их отражениях патетизмами в дальнейшем можно было бы описать.

Основу описываемого устройства, таким образом, составляют охарактеризованные ранее ингрессия с переходом в трансгрессию (ингрессия > трансгрессия), отображаемые в двенадцати точках схемы и пронизывающие собой самые разные

составляющие ее референтного, сигнификативного и коннотативного воплощений. Лексический отбор патетизмов производится по основаниям ингрессивности – способности втягивания в систему модулятивной семантики соответствующим образом заряженных тоновых смыслов. Тон происходит, мотивационно и интенционально, от статуса *осуществляемого осуществленно-го* – неуклонно растущего социально-всеобщего блага. Отсюда пафос, патетика, связываемые с обеспечивающим данное состояние общественным строем.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть тоново-смысловой, а не логико-рациональный и референтно-сигнификативный характер описываемой модулятивной семантики. Из чего следует та особенность, которая не то, чтобы делает малосущественной референтно-сигнификативную часть, сколько ее себе подчиняет, втягивая и модулируя в патетизм отрыва и перехода. Смысл при этом существен присутствующим в нем осязаемым зарядом и тоном, способным обеспечивать производимые модуляции и переход. Одновременно с этим, в употреблении, в тексте, описываемая в представленных признаках, категориях и параметрах модулятивная парадигма действует и проявляет себя совмещенно, в аккордах и при аккомпанементе, если воспользоваться музыкальными ассоциациями, для данной области не случайными. Подобная совмещенность, с одной стороны, предполагает реализацию, если не всех, то многих из тоново-семантических признаков, делая их выделение для отдельного слова в тексте мало что говорящим для целого и довольно условным для него самого. С другой стороны, эта же совмещенность является свойством и может рассматриваться как особенность действия и устройства описываемой модулятивной семантики в отношении патетизмов советского официоза. Идея, смысл и роль ее состоит не в том, чтобы что-то назвать и определить, сообщить и проинформировать, а в том, чтобы перенести в состояние необходимого патетизма от переживаемого эмоционального состояния приобщенного участия в продвижении ко всеобщему социальному благу. Реа-

лизации такой задачи и служит разбираемая парадигма в соединении своих частей и сторон как единое целое.

Мотивация и интенция патетизмов советского официоза. Семантико-генеративный аспект

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на порядок подачи – не интенция и затем мотивация, а наоборот. Связано это с представлением, отраженным в устройстве рассматриваемой семантики. Центром ее явилась идея социального оптимума, понимаемая как максимум достигаемо достижимого для трудящихся масс, а в них и для них – для всех, с заложением идеи к дальнейшему распространению на всё человечество, т.е. на всех без исключения людей. Мотив подобного побуждения содержит в себе две взаимно противоположные и дополняющие одна другую модулятивных тенденции – к распространению, со своим пробуждением к выходу, на всех и на всё (универсум-амплификация) и к очищению, исключению всего того, что не может быть в это всеобщее включено (компрессум-экстракция). Первая, открыто и непосредственно объявляемая, действует как ведущий, всех и вся увлекающий и охватывающий мотив, регулятор и механизм возможного проявления. Вторая, ее поддерживающая и направляющая, объясняет и мотивирует реализацию и ее характер для первой. И первая, и вторая, связываясь с идеей вселенского братства, взаимодействуют в ней таким образом, что первая более связывается с мотивом вселенскости, вторая – братственности для них обеих в этом охватываемом и подключаемом всём.

Прежде чем пояснить, продемонстрировав, сказанное, имеет смысл вернуться к заявленному в начале порядку – почему мотивация предшествует интенции, а не наоборот. Уточним для этого возможное понимание того и другого, применив его в отношении характеризваемой сферы. Мотивация, связываемая с понятием и представлением мотива (фр. *motif* ‘повод, побудительная причина к действию’, а также ‘тема, основная мелодия, сюжет, лейтмотив’, т.е., в конечном итоге, ведущая нить), определяет собой побуждающую, приводную сторону вероятного

проявления в затеваемой деятельности и действии (лат. moveo, motum ‘двигать, приводить в движение, шевелить’). Интенция, переводимая как намерение, замысел (фр. intention, нем. Intention < лат. intendere ‘затевать, замышлять’ [ТСИС]), выводится из представления о натяжении, натягивании – лука, струны, тетивы, о напряжении, напрягании – голоса, воли, жизненных сил, дарования, способностей, мышц (лат. in-tendo < tendo ‘тянуть, напрягать; расставлять’). Понятие мотивации связывается вместе с тем с представлением о причине и следствии, причинно-следственной связи между действиями, явлениями, поступками [ТСИС], об объясняющем, обосновывающем что-л. в отношении чего-то другого, т.е. фактически с представлением о каузации – тем, что выводит, причиняется, провоцирует, побуждает к какому-то проявлению (ср. понятие каузатива в лингвистике).

Интенция может предшествовать мотивации как намерение, замысел, предполагающий выход в следующем за этим побуждении к действию как его основанию и причине. Однако в характеризуемой сфере, вызываемой к жизни стоящими за нею мотивами и перспективами, подобное соотношение видится обращенным. Мотивация, а тем самым и мотивационная часть, сторона, представляется как обоснование, повод и побуждение к следующим за этим намерению и натяжению, напряжению предполагаемых к проекции в действии сил. Необходимым при этом виделось бы более точное определение мотивации и интенции, а также, как следствие, и более полное определение изучаемой сферы.

Сфера советского патетизма представляется отражением такого эмоционально-ментального, тоново-смыслового по своему проявлению, состояния, которое связывается с ощущаемым в себе и каждым движением втягиваемых в концентрируемый поток подключаемых масс к направленному продвижению к поставленной цели. Отвлечемся от обозначения всех этих составляющих, безусловно важных, в том числе и для данного описания, обратив внимание только на модулятивную сторону всего перечисленного. Ощущение каждым в себе – как составном элементе, участнике и представителе, подхватываемо-

втягиваемого, всеобщего и сводящего к общему, концентрируемого (эффект воронки, закручивающей в себя) движения-продвижения масс, с переходом и переносом вперед и вверх этих самых масс и с ними в них каждого, к освобождающему и очищающему в устрояемом теми же массами, как едином и целостном, в будущем лучшему, а потому желаемому, опять же всеми и каждым, состоянию. Ощущение это, как состояние, тон и тонус души, резонирующее и по своему характеру, как модулятив, интегральное, связываемое с ощущениями причастности-приобщения (себя как элемента и части), подхвата и втягивания, с всеобщим продвижением к всеобщему и т.п., выглядело бы мотивом (лат. *moveo, motum*), побуждающим и пробуждающим стимулом, темой, подхватывающим порывом, толчком.

В неразрывно-составленной сложности данного ощущения-состояния, при охватывающей неразделенности слитых в единое представлений я и не-я, всеобщего и единого, подхватывания и втягивания, движения как продвижения и, как переход-перенос, освобождения и очищения, будущего в настоящем и настоящего в будущем, – во всем этом видится не до конца рефлексивируемая, но бьющая в душу надежда на достижение, мотивирующая интенцию напряжения к тому, чтобы, прилагая усилия, стараться его, это обрисовываемое состояние, всеми и каждым достичь. А поскольку всеми и каждым, а каждым только если со всеми и всеми, то и необходимо из этого следующее резонирование для себя и подключение к этому по возможности всех и каждого, как ведущий мотив. С интенцией – как переходом, распространением напряжения «я», одного, на напряжение всех таких же других и каждого (диффузия, или, точнее, инфузия – вливание на других и каждого). Мотив переходит в интенцию, которая переходит в мотив намечаемых к реализации проявлений воздействия и подключения.

Сложность переживаемого состояния в его не различаемых и переходящих одна в другую составляющих имеет смысл и вид мотива – того побуждающего, внутренне возникающего, хотя спровоцированного извне, порыва, который, распространяясь, подымлет и поднимает переживающего на что-то

решительное, новое и обещающее, открывающее бесконечные перспективы и ведущее за собой. Состояние, подобное описанному у Г.Р. Державина – *Разверзлась бездна звезд полна, Звездам числа нет, бездне дна*. Н.С. Лесков, прочувствовав и ощутив своей писательской интуицией, отнюдь не случайно в романе «На ножах», о безоглядности устремления к власти, одну из частей назвал *Бездна призывает бездну*. Разверзание бездны в ее неисчисленности и полноте, имея исходно пространственно-временную природу внешнего и космически-нечеловеческого, того, что способно захватывать, но и пугать, начиная переноситься в сферу общественно-исторического, очеловечиваясь в массах, ее воплощающих, и приобретая характер того, что способно к мобилизуемому и направляемому проявлению в действиях, притягивая, подхватывает и увлекает.

Таков примерный механизм того запущенного и эксплуатируемого патетического состояния и переживания, исходным пунктом которого был неопределенно пугающий *Призрак*, который *бродит по Европе*, бодряще-призывающее *Пролетарии всех стран, соединяйтесь* и, наконец, прямое обращение-призыв *Вставай* (к заклеянным проклятьем), *Весь мир* (но только голодных и рабов), *Купит* (наш разум и – *возмущенный*) и *в смертный бой вести готов*. С призывом полного, до основания, разрушения мира, который насилья, и построения нового, с переворачиванием *Кто был ничем, тот станет всем* (и также в противоположном движении). Актуализация переживаемого времени как исключительного, по духу, в своей неотвратимости, грозящей смертным концом, для нас, тех, кто здесь и сейчас, со всеми, готов на всё до конца, – *Это есть наш последний И решительный бой*, – порождая пафос трагизма, мотивирует состояние и обнадеживает, разрешает его, таким же подъемом всего человечества: *С Интернационалом Воспрянет род людской!*

В таком же тоновом и смысловом ключе разворачиваются призывные и канонические «Смело, товарищи, в ногу!..», «Варшавянка», с ее угрожающими и неопределенно-гуманными *Вихри враждебные веют над нами*, *Темные силы нас злобно гнетут*, и затем снова *В бой роковой мы вступили...* и *Нас еще*

судьбы безвестные ждут. Но мы подыдем гордо и смело Знамя борьбы ... знамя великой борьбы всех народов За лучший мир и т.д. С грозным припевом На бой кровавый, Святой и правый, Марш, марш вперед, Рабочий народ! С призывом к смерти тиранам, к крови врагов, которой обагрим троны, уже залитые кровью, но кровью народной. Или Вставай, подымайся... Вставай на врагов... Отречемся от старого мира, Отряхнем его прах с наших ног! («Рабочая Марсельеза») и др. – все это, так или иначе, направлено к тому же самому, пробуждению того переживания и состояния, о котором речь, – для каждого, в каждом как в представителе массы и в этой массе, как в массе, для всех.

Смысл и характер этого эмотивного (как направленного к проявлению в движении-действии, к пробуждению и толчку) переживания-состояния подобен в своем начале, использует, мотив призыва, побуждения и подъема к бою, сопротивлению, поединку, возможно совместному, целой группы, а в ней в отношении к каждому – *Бейся! Вперед! На врага! К бою! Готовьсь!* и т.п. Однако структурный его вид, закладываемая парадигматическая модель, находящая затем свое выражение в синтагматике, имея такое же обусловленное развертывание и продолжение, в своем устройстве сложнее. Сложнее как в отношении актантов, так и предикатов.

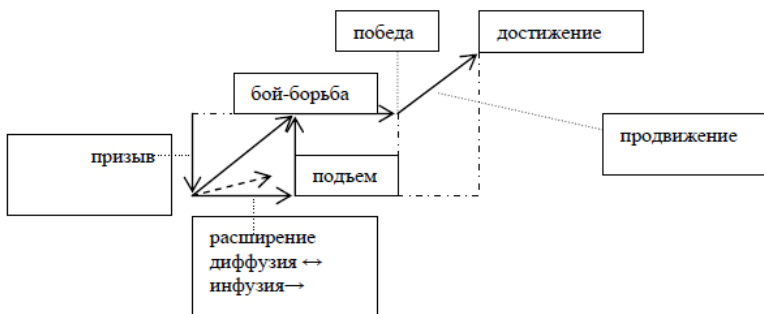
Прежде всего, имеется некая исходная точка, источник призыва-толчка, далеко не всегда называемый, но по умолчанию и не по умолчанию, известный и определенно-неопределенный – партия, вождь, и он же и здесь же народ, рабочие, рабочий класс, угнетенные массы, коллектив. Тот и те, которые всегда правы, за которыми правда, которые всему и начало, и выход, и следствие, и результат, и конец, – как носитель идеи, исток и исход, мотиватор и мотивирующее. Эта точка становится двигателем, мотивом (как нитью, ведущей темой и лейтмотивом) всего остального, за этим следующего. А также тем, по чему и с чем сверяются действия и проявления, контрольно-пропускной сферой и регулирующим звеном, высшей инстанцией, носителем высшего смысла и оправдания всему, непререкаемый авторитет. Поскольку его значения могут быть переменными, к тому

же меняющимися имевшийся и придаваемый поначалу смысл, при постоянстве и несомнительности его самого как наличия, источник этот имеет характер неопределенной определенности и потенциальной рассеянной множественности.

Точка эта действует на второго актанта – задействуемого, подключаемого, реагента-участника, «я» представителя всех, или массы, от которого производится предполагаемое и желаемое распространение, расхождение запущенного пробуждения-толчка, на всех остальных, как указанные перед этим диффузия и инфузия. Каждый при этом и все действуют сообща-заряжаемо, заряжаясь от всех, от себя изнутри и заряжая этим зарядом других, тех, кто еще не заряжен, тех, кто мало заряжен, равно как и тех, кто достаточно полно, индуцируя в них и от них, усиливая всеобщий, охватывающий всех и каждого, подъем и охват.

Это все предполагает смыслом и выходом, через охват и подъем, к следующей точке в проявлении-действии всех и каждого, которым становится столкновение с противоположными, темными, силами, т.е. бой и борьба, которые, в свою очередь, должны себя разрешать, завершаясь в победе. Неизбежность, неотвратимость ее, сопрягаясь и вызываясь совместными, всех и каждого, действиями и усилиями, через отказ самоотречения и возможные жертвы и смерть, служит средством поддержки и усиления всё того же всеобщего продвижения, запущенного в своем истоке призывом. От этой точки дорога ведет к достижению в будущем, задуманному как конечный всего результат, – построению нового, лучшего, справедливого мира, равно опять же для каждого реагента-участника, а в нем, через него, диффузией и инфузией, от него для всех.

Так примерно выглядел бы мотивационно-интенционный механизм исходного патетизма, в советском официозе затем получающий равно как эту исходную, так и далее в своих составляющих фазами уточняемую, но не меняемую структурно и схематически форму, которую можно было бы изобразить как-то так (с учетом объемной сферичности недвумерного отражения):

Модель, изначально формившись, начинает действовать в своих составляющих на все возможные элементы, используемые как средства отображения в советском официозе. То есть, иными словами, на все входящие в него, им производимые и в нем используемые патетизмы как составляемые единицы модулятивного языка.

Призыв обращения и затем расширение предполагают, однако, уже изначально некую избранность и исключение-исключительность (эксклюзию и инклюзию, с выведением не подобающего и включением подобающего в организуемую массу). Не вообще всех и не каждого, а только тех всех и каждого, кто соответствует закладываемому значению цели для собираемой массы-числа. Движущим мотивом такого призыва и затем расширения является стягивание, сведение всех в одно, создание и получение монолита, способного далее к подъему на прокламируемую борьбу. Движение это предполагает, внушением исключения и исключительности, создание нацеленной и очищенной массы, способной к действию всеми и каждым. Монолит достигается очищением, освобождением от всего остального как вне, так и внутренне. Собираение массы в кулак, осуществляясь через отрыв, отсекание от другого, в этом другом, если оно представляет к тому же угрозу, может также увидеть организуемость и монолит. Противоположному и исключаемому, иными словами, приписываются те же мотивы и свойства. Действует

механизм соперничества, отторжение не просто требует жертв и самопожертвования, оно обосновывается и выводится из таких же мобилизующих устремлений у исключаемых, обратно направленных и противоборствующих. Отсюда, в частности, открытая и пропагандистская ненависть к кулаку, на этапе того расширения, которое предполагало особый акцент на эксклюзиву в условиях уже вроде бы собранной и очищенной массы, но еще не того монолита, который необходим. *Кулаком* называется внутренний враг, которому также внутренне, психологически, приписываются намерения и действия, стоящие как очередные – сжатие, концентрация, сведение всех и вся к одному, соби- рание массы в кулак.

Борьба и победа, предшествующие желаемому достижению, оказываются возможны лишь при условии стягиваемого, сжимаемого расширения. Пространственно это можно представить как ограничиваемую беспредельность, а пользуясь современными определениями, – как организованный беспредел. Динамически – как концентрируемую в общем усилии воодушевленную массу (сжатие мышц для направленного удара и предполагающегося за этим продвижения-толчка). В основе модели, тем самым, лежит расширение, сопровождающееся исключением (очищением, освобождением, разрывом), как условиями необходимо следующего за этим перехода и достижения, обладания:

расширение – исключение – переход: достижение, обладание

Складывается все сказанное из двух, в том числе и в первую очередь исторических, фаз: первой – ведущей к борьбе и отмеченной ею и второй – от борьбы и победы к предполагаемому всеми и каждым участвовавшими обладанию как результату и достижению. Если первая фаза, в провоцируемой борьбе и достигаемой победе, отмечает в модальности оптата советскую предысторию (до 20-30-х годов XX века), а в модальности индикатива – ее историю (до конца XX века), то вторая фаза, существуя в разных акцентах модальности оптата, в индикативе, а потому и наглядно и ясно, представлена не была. Чем и каким может быть реальное, достигнутое всеми и каждым

в отдельности, обладание, открываемое переходом после победы, осталось без разрешения. Об этом свидетельствует также и материал патетизмов. Однако прежде чем перейти к его рассмотрению с распределением в представленной схеме имеет смысл обратить внимание на еще один важный, характеризующий, признак фазы, той и другой, связанный с осью подъема, в той точке, центральной по своему смыслу и роли, которая была обозначена символом *бой-борьба*. Точка эта, связываясь едва ли не с ведущей идеей советского патетизма, реализует себя в первой, прежде всего предысторической, фазе (о чем уже говорилось) модулятивной позицией *пафос революционной борьбы*. И она же затем, во второй, переходит в *пафос социалистического строительства и созидательного труда*. Борьба и революционность, вступая в соотношение, координируясь, с одной стороны, со строительством и трудом, а с другой, с социалистичностью и созидательностью, должны иметь или подразумевать в себе, в рассматриваемой модулятивной семантике патетизмов официоза, нечто общее и переходное. Переходящее одно в другое, трангрессивное, согласно принятому о ней представлению. Эксклюзивность, как свойство, сопровождающее вектор движения к расширению, освобождение, переделывание (преобразующая природа революционного перехода к новому состоянию, с избавлением от предыдущего), – это свойство действует и в языке, очищая значения, обновляя и преобразуя их. На эту особенность внимание еще будет обращено при анализе материала, рассмотрим пока что преобразования и трангрессивность семантики в центральной точке.

Начнем с представления *борьбы*, причисляемой А.П. Романенко, на основе частоты и регулярности употребления, к так называемым архетипическим ключевым словам (АКС) советской словесности, общим условным числом 20, в котором *борьба* занимает очень высокое положение. АКС понимаются им, что показательно, не только как слова и даже «не только как семантические гнезда, но и как семантические поля». [Романенко 2003: 89] Нас, однако, *борьба* будет интересовать как явление модулятивной семантики советского патетизма и в аспекте

трансгрессии, т.е. в способности перехода к чему-то другому, ее замещающему и коррелирующему – (*социалистическому*) *строительству* и (*созидательному*) *труду*, с учетом общей позиции и контекстов.

В интересующем нас значении в МАС (2-е изд., 1981) *борьба* толкуется следующим образом: «**2.** Активное столкновение противоположных общественных групп, противоположных направлений, интересов и т.д., в котором каждая сторона стремится получить господство, перевес. *Классовая борьба. Острая идейная борьба.* ◇ *Новое рождается в борьбе со старым, отжившим, косным.* Катаев, О новаторстве.» В ТСУ (1935) подобное представление, видимо до конца не оформившись для осознания, в отдельное значение не выделяется, даваясь оттенком значения и обобщенно, как проявление классовых противоречий в действиях, без прорисовки семантических признаков и их отношений: «**1.** Схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого. ... || Проявление, сознательное или стихийное, классовых противоречий в действиях. *Б. политическая. Б. партий. Б. классов. Классовая б.*» В БТС (1998, 2000), в свою очередь, что не менее показательно, *борьба* в интересующем нас, даваемом как 1-е, значении, определяется через глагол, отходя от искомого уточнения и становясь в ряд с другими (утрата признака эксклюзивности, о чем будет далее): «**1.** к Бороться. *Победа в борьбе с захватчиками. Б. с предрассудками. Б. за выход в финал. Б. идей, мнений. Предвыборная, идеологическая б. Внутренняя б. Развернуть, возглавить борьбу против чего-л. Сдаться без борьбы. Жизнь – это б.*» Глагол, к которому отсылается определение, также не проявляет в своих дефинициях идейно отмеченных признаков моделируемого в своей семантике патетизма, явно от этого отходя, ср.: «**1.** (*с кем*) Схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки. ... **2.** *за что.* Состязаться в чём-л., стараясь одержать победу. ... **3.** *с кем-чем, против кого-чего, за что.* Активно действовать против кого-, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. ... **4.** *за кого-что.* Отстаивать кого-, что-л., добиваться чего-л. *Б. за мир, за власть. Б. за свою идею, кандидату-*

ру. ... 5. Вступать в противоречие, сталкиваться (о чувствах, стремлениях). ...» Представляется возможным, тем самым, выделить в отношении той семантики, которая проявляет себя модулирующей в патетизме, с точки зрения порождения и восприятия, мотивации и интенции (заявленный семантико-генеративный аспект), по крайней мере, три проявления: 1) не осознаваемое и не сформулированное, но используемое и уже действующее (времени ТСУ); 2) осознаваемое и сформулированное (времени МАС) и 3) утрачиваемое либо сменяемое в своей эксклюзивности для актуального состояния языка (постсоветского времени БТС).

Поскольку наиболее полно и четко интересующая нас и используемая в модулятиве семантика находит свое выражение в МАС, рассмотрим подробно, с определениями позиций и соотношений выделяемых признаков, представленное в нем 2-е значение. Задача будет состоять в том, чтобы на основе смысловых показателей дефиниции вывести схему *борьбы*, действующую в дискурсе советского официоза и актуальную для исследуемой семантики. Данная схема по этой причине будет иметь ориентированный вид, с позициями соотношений в едином устройстве. Решаемый вопрос, таким образом, состоял бы в том, чтобы определить структуру, в которой 'активное', 'столкновение', 'противоположных', 'общественных', 'групп' и т.д. из определения могли бы занять свое место в устройстве включающего, проявляющего себя как организующий в отношении изучаемой семантики смысл. После чего можно было бы обратиться к сопоставлению полученного в такой структуре значения с тем, которое подается как первое и исходное, т.е. не ориентированное. В результате можно было бы вывести и затем говорить о признаках, составляющих то, что было названо эксклюзивностью – отрывом значения от его предыдущего состояния с трансгрессивным его переводом в другое, с тем, чтобы получить модулятивно желаемое в патетизме. Тем самым, язык с составе своих значений, как средство и материал, подвергается тем же преобразованиям, сводимым к ингрессии и трансгрессии, что и

человеческий, в своих единицах и массе, средство-материал к достигаемой цели.

Определяемая в отношении 2-го значения *борьбы* структура строилась бы на основании всё того же трехчастного соположения левого (генератива), осевого (концентратива) и правого (регулятива) компонентов. Трехчастность общей идеи борьбы в принципе очевидна. С одной стороны, имеются предварительные позиции в борьбе участвующих, т.е. левая составляющая. То, что предполагает и предваряет, будучи основанием интенции, как намерения, и мотива, как движущей, побудительной силы толчка, отсюда идея генератива. К этой части относятся 'группы', 'цели' и 'интересы', также связываемые позиционными отношениями между собой. С другой стороны, предполагается некий всего затеваемого результат, то, к чему оно направляется и стремится – правое, с идеей регулятива. В нем группируются признаки получения, 'господство', 'стремление', 'перевес'. И наконец, осевое, то, что левое с правым объединяет как проявление в действии, собственно 'столкновение', с идеей концентратива.

Получаемую в результате модель в ее левой части можно представить, с учетом всего последующего, таким образом, при котором роль и позицию центра занимали бы 'группы', руководимые 'целями' и направляемые 'интересами', определяемые, с одной стороны, как 'общественные', а с другой, как 'противоположные'. Позиция центра для 'групп' полагает их в схеме как то, что действует, проявляя себя в последующем, как организующее и организуемое для этого проявления. Все остальное в названном проецирует смысл их дальнейшего воплощения. В этом случае 'цели' служат идее мотива, а 'интересы' – того основания, которое запускает участников намечаемого столкновения. То, что группы эти определяются в МАС как 'общественные', предполагает своим уточнением идею *генеративного*, родового (по роду и классу), т.е. правого, основания, выводящего их во внешнее, делающее их и производимую ими борьбу показателем, признаком общественных отношений как большего по отношению к ним и их включающего. То, что группы характе-

ризуются признаком ‘противоположные’, можно рассматривать как мотивацию столкновения, левое, генератива, по отношению к нему и правое, регулятива, по отношению собственно к ‘группам’. В итоге выстраивается схема из пяти составляющих генератива, переходящих к последующим пяти концентратива и пяти за этим регулятива (см. схему ниже). Генератив составляется типом заряженности (интенциями и мотивацией) характерных для данного устройства общественных групп, проявляющих себя в соответствующей идейной и политической деятельности, определяемой как *борьба*. Концентратив – проявлением этой заряженности в столкновении. Регулятив – получаемым из этого результатом, предполагающим в отношении борьбы победу одних и поражение других из вступающих в столкновение.

Заряженности взаимного исключения (мотивации и интенции)			Столкновение (реализация)		Разрешение	
	цели		активность		стремление	
обществ.	группы	противоп.	действие	конфликтн.	достижение	одоление
	интересы		взаимность		получить	

Концентратив, соответственно, можно было бы описать как ‘действие’ (проявление противоборствующих общественных групп в каком-то виде акциональности), характеризующееся ‘активностью’, с одной стороны, и ‘взаимной направленностью’ для действующих, с другой (столкновение предполагает такое взаимное действие). ‘Действие’ в этом случае было бы центром схемы, а ‘активность’ – ‘взаимность’, давая о нем представление, уточняли его в основаниях верха и низа, как то, что динамизирует, запускает сверху его характер, придавая ему соответствующий вид (‘активность’), и как то, что держит его собой, составляя его исходное и основание (‘взаимность’). Для понимания того же ср. идею хлопкá и известный парадоксально-неразрешимый вопрос в традиции дзен о хлопкé одной ладонью, – и здесь ‘активность’, ‘взаимность’ и ‘действие’ для достижения звука удара в результате стыковки ладоней и их столк-

новения-толчка распределяются в том же порядке и виде. 'Активность' – как то, что собой запускает и сопровождает осуществляемое действие, своего рода его неизменная оболочка. 'Взаимность' – как то, без чего невозможно осуществление, его позиция и основание. И собственно 'действие' – как реализация, центр производимого действия.

Левым, генеративным, производящим и вместе с тем связывающим с собственно генеративом 'групп', компонентом для 'действия' было бы правое по отношению к ним признака 'противоположные'. В то время как правым, регулятива, вводящего собственно регулятив 'достижения', – 'конфликтность', которая бы в 'достижении', как центре регулятива, и разрешалась.

'Достижение' правой части модели, определяясь сверху мотивом 'стремления' к тому что, снизу поддерживаясь признаком 'получить', разрешало бы себя в идее 'одоления', осуществления, согласно МАС, того господства и перевеса, ради которого все это и было пущено в ход.

Борьба как мотив и как действие в составе исходной модели

Сравнение выведенной модели 2-го значения в МАС с тем значением, которое в нем дается как 1-е, дает возможность представить отображение в слове обозначенных ранее расширения и сжимания, предшествующих переходу к намечаемому достижению и обладанию. Иными словами, того, что было определено как ингрессия и трансгрессия применительно к модулятиву. Расширение и сжимание действуют одновременно, как начало избирательно-организующее и выносящее. Избирательно-организующее – в отношении включаемого, признаваемого, одобряемого, *своего*. Выносящее – из пределов другого противоположного и отвергаемого, чуждого и чужого, в пределы и за пределы иного – лучшего, высшего, достигаемого и поставляемого как цель. Слова, для того чтобы обладали способностью в таком направлении действовать, сами должны содержать в себе

признаки избирательно-организующей и выносящей активности, с тем, чтобы, заряжая, организовывать и поднимать. На примере сопоставления 2-го значения *борьбы* с 1-м попытаемся установить эти подхватывающе-сжимающие и отрывающе-выносящие признаки патетизмов.

В 1-м своем значении в МАС *борьба* определяется как «Рукопашная схватка двоих, в которой каждый старается осилить другого.», с такими оттенками: «|| Вид спорта, заключающийся в единоборстве двух спортсменов по определенным правилам. ... || Состязание, соревнование в чем-л. ... || Сражение, битва.» Оттенки рассмотренного 2-го значения проецируют признаки 'деятельность', 'направленность', 'преодоление', 'уничтожение', 'достижение', 'цель'; 3-е определяется в признаках 'столкновение', 'противоречивость', 'стремление', 'усилия', 'перевес'. Поскольку сами эти определения для поставленной нами задачи, как таковые, интереса не представляют, обращаем внимание только на отображенные ими признаки. Смысл производимого сопоставления будет предполагать выявление дополнительно приобретаемых признаков у 2-го значения а) по отношению к значению 1-му и б) по отношению к тому набору, который можно воспринимать как необходимо достаточный для *борьбы* как лексемы в составе ее семантема. Эти признаки, дополнительно приобретаемые, далее можно будет установить в их отношении к тому, что было названо расширением и сжатием, действующим как единый амплификативно-экстрагирующий, отбирающий из широко понимаемого нужного, механизм. Тот механизм, который составляет основу советского патетизма в его ингрессии и трансгрессии к модулятиву всеобщего социального оптимума.

В представленном 1-м значении имеется модель активного и взаимного действия двух противоположно ориентированных участников (каждый действует за себя, в свою пользу и против другого), физическим приложением сил (конкретизация обстоятельств реализующего себя конфликта), стремящихся к достижению цели осилить другого (получение, одоление). Тем самым, значение опирается на составляющих реализации и раз-

решения (концентратив и регулятив представленной схемы), не затрагивая генеративной, мотивационно-интенциональной, ее стороны. Отличие, позволяющее искать интересующие нас признаки компрессирующего амплификатива, в первую очередь, в этой части. Справедливости ради необходимо сказать, что мотивации и интенции генератива должны предшествовать реализации рукопашной схватки, однако тот или иной их характер в отношении 1-го значения *борьбы* ничего не меняет. Мотивации и интенции, допускаясь любыми, тем самым, оказываются не важны.

Первый оттенок 1-го значения, уточняясь по элементам ‘вид спорта’, ‘спортсменов’ и ‘по определенным правилам’, прорисовывает мотивационно-интенциональную часть. ‘Спортсмены’ могли бы занять место ‘групп’ в представленной ранее схеме, ‘вид спорта’ заместить позицию для ‘общественные’, а ‘правила’ – ‘интересы’. Последующие два оттенка того же значения (состязание, соревнование и сражение, битва) подразумевают, но не акцентируют, не отмечая конкретно, какие и что, позиции мотивационно-интенциональной части, отличая характер борьбы рукопашной схватки от борьбы состязания и сражения, в первую очередь, видом участников, все остальное возможное и различное оставляя без представления. То же самое будет касаться оттенков 2-го значения, а также значения 3-го. Различающей смыслом в лексеме, тем самым, оказывается ее генеративная часть, которая, далее отражаясь, способна менять представления в двух последующих – концентратива и регулятива.

Интересующий нас механизм, таким образом, можно представить (по крайней мере, для данного случая) как действующий на общей основе: вариации последующих значений и их оттенков осуществляют себя в позициях генератива, однако без уточнения, отмечаясь попутно (спортсмены, вид спорта, правила) либо подразумеваясь как общепонятные или любые, а потому и не обозначаясь (в состязании, соревновании, битве и пр.). В связи с этим имело бы смысл обратить внимание на характер их преподнесения в рассматриваемом нами 2-м значении.

Приведем его для этого еще раз полностью: «Активное столкновение противоположных общественных групп, противоположных направлений, интересов и т.д., в котором каждая сторона стремится получить господство, перевес.» По сравнению со всеми другими определениями подчеркиваются ‘активность’, ‘противоположность’, при этом дважды – в отношении групп и их направлений и интересов, указывается характер участников (‘общественных групп’), отмечены ‘направления’, ‘интересы’ с расширением к ‘и т.д.’, акцентируется идея ‘каждая сторона’, а также ‘стремление’ к ‘получению’ и, наконец, едва ли не самое главное, – ‘господство’ и ‘перевес’. Имеет смысл, в связи с разбираемым, привести также схему, с тем чтобы увидеть в ней позиции дефинитивного усиления (выделены подчеркиванием):

Заряженности взаимного исключения (мотивации и интенции)			Столкновение (реализация)		Разрешение	
	цели		<u>активность</u>		<u>стремление</u>	
<u>обществ.</u>	<u>группы</u>	<u>противоп.</u>	<u>действие</u>	<u>конфликт</u>	<u>достижение</u>	<u>одоление</u>
	<u>интересы</u>		<u>взаимность</u>		<u>получить</u>	

Полужирным подчеркиванием отмечены те позиции, которые оказались особенно важными, по причине их вынесения в начало (‘активность’, ‘столкновение-конфликт’), повторения (‘противоположность’), распространения (‘направления, интересы и т.д.’), подчеркнутого уточнения (‘каждая сторона’ – разведенной и различаемой взаимности), усиленных эмотивных характеристик (‘стремится’, ‘господство’ и ‘перевес’ в отношении ‘одоления’). В представленной схеме не получили своего выражения, как само собой разумеющиеся, ‘цели’ и ‘достижение’, а ‘общественные’, ‘группы’ и ‘получить’ использованы как строевые и информативные. Насыщенной, таким образом, оказалась концентрированная, осевая, часть, от которой в неполной симметрии распространилась левая, генеративная, важная в своей мотивирующей основе (‘направления’ и ‘интересы’), подчеркнуто

разводимой в 'противоположностях', и правая, в ударных 'господстве' и 'перевесе' в 'стремлении' к 'одолению'.

Указанные подчеркивания предполагают внутренней целью отрыв с отделением «я» от всего, что вокруг. Своего рода экстракцию, целью которой является осознание «я» в отношении себя и другого (призыв и отказ). Со следующим за этим подъемом через обретение того, что объединяет «я» со сходственными ему другими (группы, общественные, их и его интересы), с выводом к открывающемуся после этого совместному применению сил в активном действовании и затем достижении. Грозящее столкновение погашается более сильными, в случае неучастия или не в полную силу, господством и перевесом противоположных других, что имеет внутренней целью мобилизацию «я» к ожидаемому проявлению в действии. Прорисовка 2-го значения, значительное распространение его на фоне других, имея идеологический смысл (толкование как ключа и важной для официоза идеологемы), содержит также и этот избирательно-организующий, экстрагирующий и ингрессивный смысл. Вкручивающая в себя воронкой ингрессия, с отрывом, подъемом и переходом, действует также в не полностью симметричном расположении акцентных позиций в схеме, вращаясь в сознании и ощущении по оси центрального, с захватом правым, более сильным и важным, как результирующим и возносящим, и левым, генеративным и мотивирующим, сильным своим «подбирающим» низом, крылом. Поскольку речь в патетизмах идет о воздействии эмотивным и тоновым модулем через смысл, такое его представление не должно быть воспринято как неуместное. Скрытые механизмы рассчитанного на идеологический пафос воздействия вполне способны так себя проявлять.

Исключение и исключительность. Избирательно-организующий механизм патетического воздействия

Существенным для понимания производимого модулятивного преобразования в семантике было бы представление ее

в отношении эксклюзивности с подключением к выведенной модели советского патетизма. То и другое, будучи взаимосвязано, действует как единый в своей направленности механизм. Изменения в семантике, привычно связываемые с идеологизацией, или подтягиванием значений к нуждам воздействия и пропаганды, в анализируемом поле модулятива могут быть интерпретированы как придание им исключительности в отношении перехода (трансгрессии), отрывающего их от *другого* и притягивающего в *свое* с возвышающим их, тем самым, включением в пронизывающую всех и вся модель эксклюзива. Характеризуемый переход сопровождается отделением от общего и от всякого прочего с включением к рассматриваемому нами модулятиву в его позициях.

В целом действие по перераспределению смыслов не выглядит слишком сложным, вопрос только в том, от каких своих составляющих освобождается это включаемое и в какие позиции в отношении модели затем подключается, с тем чтобы действовать в общем тоническом, тоново-смысловом, проявлении. То, что принято называть дискурсивным как функциональным и узуальным (будучи закрепленным и узнаваемым в использовании), для разбираемых патетизмов будет выглядеть как модулятивный по своему характеру переход. С отказом от прежнего, здесь и теперь для него не активного, смыслового (и тонового как следствие) позиционного состояния и подключением к активно действующему (поскольку воздействующему) общему своему. Отказ этот скорее следовало бы представлять как нейтрализацию, погашение, не совершенное исключение, фоном где-то присутствующее, прежнего в нем состояния, а подключение – как не до конца очевидный в своих смысловых последствиях, но эмотивно значимый и поддерживаемый общим и постоянным воздействием механизм. Новое и очищаемое от посторонних значение, не полностью ясное и не вполне очевидное в составляющих, должно, скорее, при восприятии и затем в сознании, фонить и звучать, особым патетическим образом, не столько готовя и не столько ориентируя, сколько настраивая и подключая к общему проявлению.

Механизм этот, поскольку в семантике не вполне очевидный и в основном эмотивно значимый, с опаданием, скажем так, этого общего тона и фона, перестающий как-то также и действовать в языке при его другом или новом, последующем, использовании. Отчасти с этим могут быть связываемы эффекты, с одной стороны, одновременно не прямо соотносимого употребления одних и тех же заряженных и не заряженных модулятивно слов, а с другой, постепенного освобождения их от не отмеченного официозом непатетичного состояния. При этом в обоих случаях необходимы, видимо, такие перераспределяющие смысл условия, которые, проявляя себя в речевых ситуациях и контекстах, отодвигая слово от модулятива, не дают возможности его, этот модулятив, в нем ощутить. Вопрос этот в целом можно было бы ставить шире. Ангажированное, задействованное, отмеченное каким-то общественно значимым проявлением (дискурсивное) употребление слова, запечатлеваясь в нем, предполагает нередко не просто снимающее, но внутренне отодвигающее, если не прямо опровергающее, употребление. В условиях, следовало бы добавить, не изменившейся или еще не сменившейся концептуально-языковой парадигмы. И потому имело бы смысл обнаруживать и определять такие отмеченные употреблением значения не в их отдельности и не сами в себе, а в отношении и прямой связи с семантикой их порождающей парадигмы.

Попробуем показать такое включенное и не включенное проявление на примерах лексических единиц советского патетизма и официоза. Рассмотрим для этого слово *партия*, отвлекаясь на время от необходимости вписывать его смысл в структуру общего с демонстрацией места в получаемой модулятивной картине, что будет предметом дальнейшего определения. Опора на существующие словарные дефиниции будет исходным пунктом предполагаемого представления, существо которого сводится к установлению в семантике слова того, что в ней появляется с погашением элементов, мешающих подключению к характеризующему модулятиву.

Явление, о котором речь, связывается в современном языкознании с представлением о семантических процессах в лексике, сопровождающих смену идейно-общественных ориентиров с их отображением в языке. В его общественном и публичном использовании, следовало бы добавить, актуализированном к нуждам социального времени, отрезку национальной истории в ее политизированной проекции и таком же ключе. По этой причине процессы эти, связываемые с общественно-историческим состоянием языка, таким же образом интерпретируют и развитие самого языка, его наблюдаемую на глазах эволюцию. Вполне понятным и обоснованным выглядят и объяснения происходящих общественно-семантических изменений в лексике и, если шире, словарном составе нового или данного состояния языка, определяясь как деактуализация значений [Ермакова 2000: 33], отражающих советские реалии (с соответствующим ко времени уточнением), как семантическая архаизация либо обновление, предполагающие сужение либо расширение значения [Валгина 2003: 84-85], утрату либо, напротив, приобретение семантического приращения. Находит все это свое выражение в том, что происходящее связывается, так или иначе, с перераспределениями, трансформациями [Какорина 2000: 67] в лексике языка, в его активном, актуальном к данному времени, и пассивном, связываемом с выходом из активного употребления, своем проявлении, а также в его различении функционально-коммуникативных сфер, с усиленным переходом от социолектов к общему просторечию и к литературному языку. [Швейцер 1993: 54]

Сдвиги поэтому неслучайно воспринимаются как смена узуального состояния в отношении нормы, позволяющая, в частности, говорить о таком явлении, как семантические советизмы (а затем архаизмы), определяемые как «новые общественно-политические значения и оттенки значений изначально нейтральных, неидеологизированных слов» [Мокиенко, Никитина 1998: 10], что, соответственно, сопровождается приобретением, с идеологизацией, либо, напротив, утратой, при деидеологизации, такими значениями идеологических и политизированных

смысловых компонентов. „В связи с концом однопартийности в нашей стране слово *партия* утратило компонент «коммунистическая». Это слово употреблялось без семантического приращения только по отношению к зарубежной действительности. Ср., например, прежние контексты: Он *член партии* (теперь обязательно – какой); Он *вступил в партию* и т.п. Соответственно изменилась семантическая структура слов *партийный, беспартийный*. У слова *беспартийный* актуализируется значение «не состоящий ни в одной из политических партий» и деактуализируется – «не состоящий в партии коммунистов».” [Ермакова 2000: 33-34] Интересующее нас различие, таким образом, связываясь с актуализацией и деактуализацией компонентов в семантике слова, обнаруживает и проявляет себя в отношении того, о чем говорится (проекция к модусу), и в отношении того, как это делается, с помощью каких средств (речевой контекст и лексико-синтаксическое окружение).

Попробуем подойти к этому вопросу с еще одной стороны – с позиции эксклюзивности, своим очищающим от предыдущего состояния действием на семантику и коннотацию слова подключающей его к модулятиву и парадигме советского официоза. Действие это будет затрагивать в своем результате генеративно-перцептивную базу исследуемого языка в его эмотивном и тоново-смысловом проявлении. Речь пойдет, таким образом, не о дискурсивно-функциональной и узуальной его стороне как явлении, а о той стороне, действующей как внутренний модуль и императив на сознание, речь и язык говорящего (в основном как слушающего и как носителя), которая специфическим образом ориентирует его ментально-эмоциональное состояние и ощущение. Для создания, возбуждения, вызова в нем такого состояния и ощущения должны быть запущены в ход механизмы, способные, как уже говорилось, вырвать и подключить – вырвать из прежнего, другого и исключаемого, а подключить к формируемому привлекательно общему своему. С этой указанной стороны и будет производиться анализ семантики некоторых из отобранных слов.

Партия как эксклюзив

Итак, слово *партия* в ТСУ и МАС в первом своем значении определяется как «политическая организация, представляющая собой часть какого-н. класса и защищающая его интересы» (ТСУ), «являющаяся высшей формой организации какого-л. класса и представляющая собой наиболее активную часть этого класса, защищающую его интересы в достижении определенных целей и идеалов» (МАС). С этим первым связывается второе значение, характеризующее, соответственно, как «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» (ТСУ) и «Коммунистическая партия Советского Союза» (МАС). Определим для начала те связи и отношения, которые заключаются в слове *партия* вне сужаемого далее прикрепления к партии коммунистов СССР. Это, прежде всего, идея части какого-то общего, какого-то целого, большего и включающего по отношению к ней, следующая из происхождения слова (лат. *pars, partis* ‘часть’, а также ‘участие, доля’, откуда *партиципация, партиитив* и т.п.), но части организованной и связанной с политической деятельностью, объединяющей членов.

Уточнения требуют, таким образом, 1) понятие части – какая часть и чего; 2) характер организации, но с этим могут быть трудности, важные для понимания типа определяемой партии и не столь важные для стоящей задачи в отношении патетизма и эксклюзива; 3) предполагаемый характер деятельности, которая воспринимается как политическая и объединяющая. В этих трех составляющих попытаемся вывести то, что отличало бы партию коммунистов СССР от других каких-либо партий и что составляло бы смысл и тон привлекательности (с позиций советского патетизма и официоза) ее эксклюзива.

Существенным применительно к (1) представляется ряд выстраиваемых иерархически соотношений советского представления об устройстве классовых обществ: общество в целом – классы – организации классов – партии – активы партий (в значении группы активных членов) – их руководство – вождь (вожди). Та часть общественного устройства, которая связывается с представлением о партии, становится шагом закладываемым

мого устремления от общего, не отмечаемого специфической ценностью, т.е. целого как существующей данности, к воспринимаемому как высшее, обладающее максимально возможной силой и полнотой (вождь той партии, которая будет у власти). Дополнение существенное, но не на данном этапе.

Эксклюзия в этом месте рассматриваемого фрагмента представления о партии (еще не единственной) действует до момента «активы». Партия воспринимается как организация политическая. Важно то, что общество, подвергаясь делению на классы, детерминируется, сгущение признаков каждого, приводит к распределению в нем. Это первый этап отделения и исключения – с е п а р а ц и я : не все, но часть, и часть эта должна быть затем привлекательна. Привлекательностью, по-видимому, обладают такие классы, которые предполагают некий общественный максимум, наибольший потенциал для возможной реализации своих представителей. При неравенстве в классовых обществах это классы, определяемые как высшие и имущие, или верхи. Понятия верха и обладания как понятия статические и статуса, существующего в данном обществе в данный момент положения вещей, следует, таким образом, заменить на понятия динамические, и не статуса, а перспективы. Так, чтобы имущие и верхи в их привлекательности могли быть замещены на такие, общественный максимум и потенциал которых привлекал открывающимися возможностями при условии активного действия к изменению существующего положения вещей, сначала революционному, переворотному, а затем, по его достижении, поступательному, накапливаемому – с е п а р а ц и я к о н в е р с и в а и к у м у л я т и в а (*нафос революционной борьбы*, переходящий в *нафос социалистического строительства* и затем *созидательного труда*).

Тем самым, уже на первом этапе запущенного в сознание устремления (сепарация) закладывается идея, связываемая с представлением обращенного отделения, избранности к тому, чтобы оставаться и быть при совершающемся общественном перевороте, не будучи уничтоженным или отброшенным, т.е. исключенным, и к тому, чтобы в этом движении быть приоб-

шенным к дальнейшему увеличению (динамика и перспектива), имея возможность к участию в общем действии – партиципации. То есть быть частью той части, которая в осуществляемом ею переворотном и кумулятивном (накапливаемом и постоянно растущем) движении обладает единственно допускаемым потенциалом, исключив (экслюзия) всё другое.

Вернемся, однако, к дальнейшему рассмотрению партии в переходе от классов к организациям классов и затем к такому их типу, который связывается с представлением об организациях политических, к которым относятся партии, имеющие свою отличающую их специфичность и в этом ряду. Коммунистическая партия СССР, необходимо добавить, имела бы свою специфичность и в этом последнем ряду – других партий как политических организаций. Этапы сужения-перехода от общества к классам (и лучшему классу и обществу), организациям классов (и лучшего класса и общества), политическим организациям (также лучшего класса и общества и затем далее, соответственно), партиям как политическим организациям классов в обществе, коммунистической партии в данном обществе и, наконец, Коммунистической партии СССР, – эти этапы, являясь этапами экслюзива, т.е. исключения (для отвергаемого и другого) и исключительности (для избираемого своего), каждый, должны обладать привлекательностью включения, втягивания (ингрессия) в совместное, партиципируемое движение-переход, определенные как трансгрессия в модулятиве советского патетизма.

Привлекательность организации в классе, к тому же избранном классе (к своей социальной и политической, переворотно-строительной, роли), состоит в подключении к совместности, предполагающей нацеливание и проекцию к деятельности с распределением ролей. Этот этап можно было бы определить как партициптивный аффирматив (лат. *affirmo* ‘поддерживать, подкреплять, укреплять, утверждать’). В определенном смысле лучше в какой-то организации быть, чем не быть, это уже не только знак и отмеченность принадлежности большему (классу), как на первом этапе, но и знак приобщенности общему совершению, проекция к деятельности, имеющей выхо-

дящие за рамки индивидуальной идею и цель. Постоянно подчеркиваемая в советском официозе общественная значимость и осмысленность индивида опирается на механизм ощущения им собственной нужности и необходимость наличия экзистенциального смысла, предполагающего способность как можно более полной самореализации.

Организация в избранном классе, к тому же избранная и исключительная по предназначаемой ею общественной роли (эксклюзив в эксклюзиве – механизм кумуляции, накопления положительных черт), если к тому же эта организация политическая, на третьем этапе сужения, должна быть тройне привлекательной.

После этого, далее, на четвертом этапе, возникает и втягивает, все более сужаясь к переходу в трансгрессии, идея не просто организации (в избранном классе и исключительной), но организации политической. Политика, как сфера деятельности и проявления индивида, должна обладать для этого привлекательностью, а организация предоставлять такую возможность. Занятие политикой должно иметь для того, кто ей занимается, свой ощутимо оплачиваемый результат, не в одном только общественном, но и личном, осуществлении. Возникает идея приобретения и обладания. Но как связать это с советским представлением о политике? Официозное представление о ней выразительно двойственно. Политика вне коммунистической партии – это одно, политика коммунистической партии (но не в коммунистической партии для индивида) – совсем другое. Первое, связываясь с политиканством, интригами, завышенными амбициями, аморализмом, корыстолюбием, нечистотой, не могло обладать привлекательностью, намеренно и сознательно исключая ее. В условиях СССР к тому же было и невозможно. Второе, в общем-то, не предполагает политики как таковой, как сферы для тех, кого принято представлять как политиков. Политика прочно связывается с деятельностью совершенно иного рода. Это *политика Коммунистической партии, Советского государства, внутренняя и внешняя политика КПСС и Советского государства, политические цели и идеалы советского общества, новая*

экономическая политика (НЭП) в свое время в истории, но опять-таки как установка и направление усилий всего советского общества с коммунистической партией во главе, *политика мира, разрядки, мирного урегулирования, добрососедства, сотруди́чества* и т.п.

Освобождаясь в своем эксклюзиве от идеи соперничества и борьбы за власть для достижения возможности реализовать свои цели, в этом своем значении политика становится сферой «внутригосударственного управления и международных отношений, определяемая классовыми интересами ... власти, партии, группы», согласно представлению в МАС. Единственной власти и партии применительно к СССР. Привлекательность, таким образом, следует из приобщения к аппарату государственного управления, к организации тех, кто руководит, кто стоит во главе, от кого всё зависит. Партийный аффирматив на этом этапе приобретает потенциально черты распорядителя – *д и с п о з и т и в а*. Потенциально, поскольку не находящийся в узком кругу руководства рядовой коммунист, даже если он член партактива, выступает в роли, прежде всего, исполнителя и проводника, а не полноценного распорядителя. Компонент ‘политическая’ при ‘организация’, обозначая реально ответственность и повышенное участие (интенсив партитива), помимо идеи отмеченной избранности, сопровождаемой ощущением собственной значимости и приобщения к высшим (действие компенсаторности), применительно к обладанию, имеет свою привлекательность в манящем диспозитиве, на этом, четвертом, этапе подхватывающей трансгрессии реализуемом как *д и с т р и б у т и в* – отношение к распределению (материально-духовных общественных благ). Это последнее, однако, вне сферы официоза и патетизма, а для него – в устремлении к благу общественного достижения через усиленно-приобщенное участие во всё возрастающем деле его созидания (*а д д и т и в к р е а т и в а*).

Нереализованность диспозитива этапа политической организации в отношении партии, компенсируясь, согласно определению в МАС, представлением ее «высшей формой» и «наиболее активной частью», с существенным уточнением рабоче-

го класса (для партии коммунистов), т.е. революционного и создающего, за которым перспектива и будущее, – эта нереализованность во втягивающей трансгрессии предполагает поиск и продолжение в идущей навстречу и в параллель, индуцируемой, перспективе к оптимуму общественного устройства и достижения (рабочий класс – коммунизм) такого же оптимума общественного положения и реализации для себя. Поскольку «высшая форма» и «наиболее активная часть», в приложении к возможностям и устремлениям втягиваемого во всё это индивида выкладывается этот потенциальностный суперлатив в идею того, чем может быть и что есть это высшее и наиболее активное – как обладающее оптимумом предоставляемых обществом материально-духовных благ и как реализующее себя, способное реализовать, с максимально возможной для диспозитива в данных условиях полнотой. Для партии коммунистов, в условиях происходящего под ее руководством общественного строительства, такой единственной формой трансгрессии будет вхождение в круг ее руководства и избрание (эксклюзив всех предшествующих эксклюзивов) в еще более тесный круг вождей и верховного в этом круге вождя. Трансгрессия коммунистической партии, следовательно, предполагает заложенное в ней сужающееся градационно подхватывание эксклюзивных проекций: (весь) советский народ – его рабочий класс (как факультативно желательное распространение, для этапа построенного в целом социализма, и только рабочий класс, если в исторической фазе до этого) – организация – политическая (рабочего класса в СССР, и здесь мы имеем дело с понятием ‘партия коммунистическая’) – партийный актив (партактивы) – руководители партактивов – партийное руководство (руководители партии, и народа, и государства, вожди) – верховный вождь.

Устройство этих проекций в своих позициях комплементарно, с возможным подразумеванием, опущением либо выдвиганием компонентов в парах (1) советский народ и рабочий класс, (2) организация и политическая, (3) партийный актив, партактивы и руководитель, руководители, (4) партийное руководство, вожди, и верховный вождь. В отношении первых двух

их позиционная комплементарность уже отмечалась. Что касается партийных активов, то их идея не связывалась в действующей своей актуальности с представлением о руководителях, хотя они, несомненно, имелись, присутствуя и существуя, в виду. В свою очередь руководство партии и народа, ее и его вожди, и верховный вождь в разное время могли иметь и имели разную распределенность. Либо верховный вождь, заслоня собой остальных, делал из них свое продолжение, ореол и фон, либо, напротив, идея коллегиальности, коллективного руководства делала верховного, или первого, генерального, одним из многих, равного среди равных, хотя и главного среди них. Распределение это, впрочем, как, скажем, во время брежневского правления, могло быть и обозначенным, с четким соподчинением мест и ролей.

В итоге, тем самым, та часть, идея которой исходно заложена в представлении о партии, для партии коммунистов в СССР, первоначально большевиков в России, в своей исключительности связывается с понятием промотивного партитива (лат. *promoveo, promotum* 'двигаться вперед'). Тоновый и кумулирующий смысл его проявляет себя в отношении приобщения к той части общества, которая имеет возможность, в условиях осуществляемого первоначально переворота (промотив конверсива), выдвигаясь вперед, открывать для себя перспективу дальнейшего продвижения в общественно-историческом времени и социальном устройстве.

Первое, связываясь с идеей необходимости качественного изменения общества в заложенном в нем эволюционно стремлении, допуская и даже предполагая насильственно-переворотный характер подобного изменения, вбирает в качестве составляющей сенситив выживания. Общественно и физически выживет тот, кто является частью включаемых, а не исключаемых из хода общественно-исторического развития социальных слоев. Принадлежность к ним открывает возможность дальнейшего продвижения, при условии дальнейшего, аффирмативного, партитива – вхождения в организацию, идея которой для характеризуемой партии связывается с мотивом жи-

мающего, втягивающего и выталкивающего воздействия. Сжатие предполагает отказ-исключение, выведение, экскрецию, всего, что мешает, что лишнее, с ранжированным упорядочиванием, мобилизующим свертыванием (собрание в кулак) того, что должно быть задействовано. Компрессия эта необходима для проявления фузии и инфузии (лат. fusio 'истечение', перен. 'излучение, эманация', от fundo, fusum 'лить, выливать, течь', 'струиться', 'расточать', 'распространять', infusio 'вливание', от infundo, infusum 'вливать, наливать', 'наводнять: infusus populus 'собранный во множестве народ' [ЛРС]), имеющих амплификативный, характер, предполагая распространение, втягивающий переход (ингрессия + трансгрессия партитива и промотива). Определяемую организацию коммунистов, тем самым, на этом этапе отмечает то, что можно было бы на основании выделяемых признаков обозначить как фузионно-инфузионный амплифицируемый компрессив (аффирмативно-супремативного⁸ партитива, с добавлением от предыдущего, с его продолженным развитием также в последующем).

Характер деятельности организации, определяемой как политическая, следовало бы на основании сказанного воспринимать как способность участия в государственном и общественном управлении, с распределением мест, позиций, материально-общественных благ и ролей (дистрибутивно-позиционный диспозитив посессива). Для этапа начала, до обладания властью, способность потенциальная, перспектива которой становится осуществимой через идею социальной конверсии (борьба и революционный переворот). Для этапа победы в этой борьбе, с приобретением власти, способность реальная. Модальность условности и желательности, конъюктива и оптатива, переходит в модальность индикатива и проектива (оптатива и конъюктива дальнейшего), оставаясь в значениях своих признаков соотно-

⁸ Супремация (высшего, лучшего) в данном месте и проявлении, т.е. для партии коммунистов, как преобразование признака социальностно-темпорального оптимума – общественного материально-духовного высшего блага в коммунистическом будущем всего человечества (остающегося после его, исключирующего партией коммунистов, преобразования).

симо-координативной – сходной по основаниям и уточняемой, последовательно-проективной, по достижению фаз.

Проективность как свойство обнаруживает себя не только в потенциальном и фазово-временном отношении (перспективы достигаемого по этапам социального будущего), но и в отношении реализации к настоящему, внешней и внутренней, всех и каждого, духовной и материальной, общественной и психологической. Совместность, как признак, связываемый с идеей объединения в общее целое, партийно-общественный коллектив (партии класса и затем народа), способна трансдуктивно и трансгрессивно, во внутреннем и во внешнем, в настоящем как будущем, переводиться и переходить в совмещение и совмещенность. Заложенное в определяемую организацию представление единства, связи, взаимной зависимости и обусловленности, предполагает, по тому же, но трансдуктивно преобразуемому, основанию возможность смещения. Перспектива потенциального будущего, обладает скрытой способностью стать перспективой реализуемого настоящего, социальное индивидуальным, достижение и приобретение всеми достижением и приобретением для себя и отодвижением и смещением к последующему и дальнейшему для всех. Признак этот в своих открывающихся проективных возможностях, в скрытом заряде, допуская способность замены, смещения и замещения, обладает, объединяясь с пронизывающей все эксклюзивностью, большой привлекательностью, связываемой с идеей способности к продуцированию, порождению желаемого, преобразованию общего и совместного, на основе объединения и единства, в свое для себя. Политическая, по своему характеру, деятельность при рассматриваемой организации становится внутренне деятельностью приобщено-смещенного, "объединяющего" консекутивно диспозитива (лат. *consequor, consecutus sum* 'следовать, идти за', 'достигать', 'постигать'), на разных этапах, для разных возможных и допустимых ее проективностью форм, способного по-разному, но допустимым образом, себя проявлять.

Общим смыслом, вводящим понятие коммунистической партии СССР в модуль определяемой эмотивной семантики,

могло бы быть представление об эксклюзиве ее проективной генеративной способности (в объединении потенциальности и потентатива – способности как возможности и как силы). Втягивание в ингрессии и преобразующий переход-перевод (трансгрессия и трансдукция) претворяются по этому основанию в идею устремленного вверх и вперед к своему обретению в реализации супрематива, к высшей точке единственного и единичного, для данной и исключенной отдельности, оптимального социального достижения.

Признаки, выведенные для этой определяемой в ее единственности и исключительности партии, отличающей ее от других, вписываются своими значениями в представленную раньше модель последовательно сужающего(ся), через призыв к достижению, компрессива:

- > фузия и инфузия фазы **призыва** (выделение, эксклюзия, рабочего класса из всех остальных с изведением, исключением, не подходящих других – фаза избираемого к роли и проявлению социального ‘класса’, этап перехода от общества в целом к классам и в них рабочему классу), эта первая фаза переходит (преобразуется) в
- > фузию и диффузию амплификации **расширения** (этапа от классов к организациям классов, от рабочего класса к организациям и организации рабочего класса – фаза ранжирования, упорядочивания и кумуляции необходимо-желательных свойств), эта вторая фаза открывает возможность перехода к последующей
- > этапа собственно партии (и ее партактива) как «высшей формы» организации рабочего класса (его «наиболее активной части» и в ней, в этой части, еще более активной, самой активной – нарастание признаков, их кумуляция и компрессия) – фаза **подъема** и компрессив приобщения-партитива, что на последующем за этим этапе открывает возможность для проявления на
- > этапе дистрибутивно-позиционного диспозитива – фазы **борьбы** и **победы** (партийное руководство), с переходом к

> этапу дальнейшего, а также единственного в своей исключительности (эксклюзив эксклюзива), *достижения*, с осуществившим себя *продвижением*, в диспозитиве консекутивно-супремативного посессива (вожди и верховный вождь).

Полученная в результате модель может быть определена по основанию сжимающе-втягивающего, последовательно сужающего своим эксклюзивом, движения-перехода к единственной высшей точке (трангрессия-унификатив супрематива). Реализуется эта модель для партии коммунистов СССР в двух осознаваемых проекциях – к реальному (для партии как таковой, как политической организации рабочего класса и народа советской страны трех первых этапов-фаз) и допустимо возможному, потенциально-потенциальному (для руководителей и вождей, а также единственного вождя двух этапов последующих). *Партия*, тем самым, в своем модулятивном определении, как единица для патетизма и официоза, может быть отнесена вершиной своего проявления к позиции фазы подъема в модели (компрессив приобщения-партитива), с двумя предыдущими, призыва и расширения, как подводящими, и двумя последующими, борьбы-победы и продвижения-достижения, как уточняющими. Будучи связана в первую очередь с фазой подъема, тоново-смысловой, эмотивный и сенситивный заряд ее как единицы советского восприятия проявляет себя в соответствующем модулятивном ключе, мотивируя к подъему, мобилизации и организации. В смысле ранжирования, упорядочивания, втягивания и устремленности к очередным рубежам. Упорядочивание и втягивание, с сужающим расставлением по местам общественно-позиционного и социотемпорального, в смысле истории общества, проявления, воплощая идею гармонической иерархизованности, становятся формой и способом, с одной стороны, подчинить и направить, в нужное русло усилия отдельного человека и масс, а с другой, сообщить ему ощущение безопасности скрытой идеей совместной гармонии и порядка (реализуясь для данного случая в партии). Гармоническая иерархизованность, запускаясь и действуя

как механизм, воспринимается и представляется как неизбежность и необходимость – хода истории отдельных обществ и всего человечества. По этой причине, сопровождая значения модели в целом и ее единиц, пронизывая собою их смыслы и тоны, придает им характер единственной данности в ее неизбежности и эксклюзиве. Из этого следует внутренняя эмотивная сила и сенситивный заряд единиц таким образом формируемой семантики.

Вербализуемые проекции эксклюзива

Рассмотренные для партии признаки, модулятивным ходом своего проявления, будут действовать и в отношении других таких же преобразуемых когнитивных и языковых единиц. Отсюда генеративность характеризуемой модели применительно к втягиваемым в ее орбиту значениям. Попробуем показать это на ряде примеров.

Неоднозначными (не в единственной данности эксклюзива) вне контекста типично советского, в официозе и пропаганде, употребления могли бы предстать единицы типа *народ*, *демократия*, *патриот*, *отечество*, *подвиг*, *герой*, равно как и *национализм*, *космополит*, *оппортунизм*, *оппозиция*, *ревизия* и др. Смещение с нейтрализацией нежелательных признаков и ассоциаций, разрешаемое с помощью уточняющих определений и подключений по принципу (*весь советский народ*, *народ и партия (едины)*, *единство партии и народа*, *вместе с народом*, *подлинная (настоящая, социалистическая) демократия*, *демократия развитого социализма*, *уроки демократии*, *учимся демократии*, *советские патриоты*, *социалистическое отечество*, *беспримерный подвиг (советских людей)* и т.п., – это смещение, характерное для языка пропаганды⁹, определяемое также как идеологизация единиц языка, будет интересовать нас в ином ключе, с точки зрения смыслового и позиционного отношения в исследуемой генеративной модели.

⁹ См., напр., работы [Пароятникова 1987], [Стриженко 1980], [Стриженко 1982], [Мирошниченко 1995] и др.

Так же как коммунистическая партия СССР, будучи единственной в своем представлении политической партией, отличной от всех остальных, а потому и не партия в общем значении, так же и многие другие, не менее важные для советского пропагандистского пафоса, единицы, подвергаясь преобразованиям, становятся единицами иного мотива и восприятия. Преобразующее воздействие на их исходный, не модулированный, смысл имеет при этом характер не обособленный, а парадигматизированный. Это действие общего представления и системы. По этой причине, скажем, *народ*, как ментальную единицу советского официоза, следовало бы воспринимать в ее отношении к таким единицам, как *партия, массы, рабочие массы, Отечество, Родина, трудящиеся, трудовой коллектив (коллективы), советские люди, советские граждане, социализм, строительство, строители, коммунизм* и т.п. Не просто воспринимать, но и ставить в позицию, понимать ее место, в соотношении с другими и в общей связи. Вписывать, иными словами, в парадигматику целого, созданной, создаваемой и постоянно воспроизводимой в текстах официоза ментальной картины. К изучению и описанию мест и значений ее как парадигматической сферы обратимся несколько позже, на данном этапе попробовав охарактеризовать единицы в их отношении к выводимой модели с позиции эксклюзива – избирательно-организующего, подчиняющего закладываемым мотивам и целям, воздействия на язык, семантику слова, человека, его сознание как на средство и материал полагаемого данными целями достижения.

Итак, народ, в его обусловленной таким восприятием перспективе, предстал бы в первую очередь как амплификатив, т.е. то, из чего вырастает, в своем компрессивном подъеме, партия, на что направляется и что достойно и с пониманием, воспринимает призыв, что также испытывает затем и вследствие этого фазу подъема, ведущего на борьбу к достижению через победу. Народ в этом смысле выглядел бы как своего рода пространственно-временной континуум человеческого родового массива, ограничиваемый тем, что в нем составляет идею, мотивы и цели 'советского' или 'рабочего' (*рабочий народ*) для

предшествующего своего состояния. Иными словами, это был бы пространственно-временной континуум такого человеческого родового массива, который обладает реактивной способностью перцептива и генератива (реактивный амплификатив) – восприятия (отклика) и производства из себя и собой мобилизующих, организующих, втягивающих и преобразующих, переводящих (ингрессия и трансгрессия) воздействий в направлении к достигаемому в этом общем движении, продвижении, к своему же функциональному оптимуму (супрематив общественного развития и устройства). В сжатом виде это можно представить как реактивный амплификатив генерирующего массива направляемой к достижению цели закладываемой ингрессивной трансгрессии. Из этого следует привлекательность данной ментально-языковой единицы в контексте советского патетизма. Идея расширения, раздвинутости, открытости, выхода на простор в массив из границ, ограниченных тем, что «мое» и что «я» (подъем и отрыв, отделение от узкого с подключением к широкому, множественности открывающегося участия и совместности сил), совмещаясь с идеей реагирования, как подвижности и готовности в осмысленном далее созидании, с проявлением творческих сил, награждаемом с их поступательным достижением в единственно возможном и допустимом в будущем оптимуме, – эта идея побудительно и мотивирующе действует на сознание, по крайней мере, задумана как таковая.

Народ, как слово в своем значении вне этих модулятивных воздействий, можно было бы определить как континуум, пространственно-временной, человеческого родового массива, определяемый далее в признаках государственной, коммуникативной, этнической, социальной, духовно-культурной своей принадлежности, объединяемой условиями общего существования. Однако вне мысли, как таковой, о способности к реагированию и распространению в своей массе некоего воздействующего и побуждающего включения для генерации в общем участии некоего материально-экзистенционального продукта, ведущего к достижению какой-то определенной и заданной трансгрессивной цели (построение социализма и коммунизма). По-

добная мысль, если и появлялась, свидетельствовала всякий раз о политических целях ставящих их перед своим народом вождей, рассчитывавших при этом на его соответствующий отклик, участие и поддержку. Скажем, римский народ (плебеи, жители Рима) для Юлия Цезаря, французы как нация для Наполеона, немецкая нация и немецкий народ для Гитлера. В модулятиве рассматриваемой семантики, таким образом, с подключением языковых вербальных значений в модель, происходит далее их преобразование, связанное с активизацией, заряджением компонентов состава, имеющих возбуждающий, электризирующий смысл. Массив (народа), становясь подключенным, воспринимается как массив реагирования с приобретением необходимых и придаваемых свойств, способных далее действовать и производить, устремляясь в движении с переходом к цели. В этом и состоит идея и смысл рассматриваемого эксклюзивного освобождения и отрыва семантики – от пассивно не подключенного состояния, не предполагающего необходимого в патетизме подъема.

Демократия, подключаясь к рассматриваемой модели, могла бы быть определена как прокламируемый регулятив агента – объявляемая система общественных регуляций, побуждающих к желаемому реактивному действию всё тот же амплификативный массив в его репрезентантном составе. В своем значении апеллируя к равенственности прав и участия, открывая возможности не препятствуемого, внешне и изначально, проявления каждого в совокупно-совместном общественном действии, *демократия*, как слово, сама по себе обладает зарядом, если не полностью мобилизующей, то во всяком случае располагающей к внутренней акцептации, привлекательности (признанию для себя как значимой и одобряемой, поддерживаемой и защищаемой ценности). Отсюда необходимость ее отделения и исключения, эксклюзивного очищения в модели советского патетизма, состоящего а) в отличении демократии, характеризующейся как *подлинная, (истинно) народная, социалистическая*, от демократии, так не определяемой (скажем, как историческая форма правления), и б) в противопоставлении ее демократии,

называемой *ложной, формальной и буржуазной*. Эта первая, та, что *народно-демократическая*, как форма общественных отношений (отсюда *страны народной демократии*, идущие по пути строительства социализма и коммунизма), в отличие от демократии исторической (античной, средневековой) и *буржуазно-демократической*, не предполагающих такого пути, должна, имея с той и другой нечто общее, как-то по-своему себя проявлять. Определить предстоит, таким образом, не демократию как таковую, а народную демократию, с нею, далее, как организующий принцип, также принимаемую и признаваемую демократию внутрипартийную (входящую далее в представление «демократический централизм»). Определение при этом будет иметь, в контексте поставленных задач отнесения к патетизму, не столько лексико-семантический, сколько модулятивный характер, хотя второе неизменно включает и первое.

Избыточное, на первый взгляд, уточнение ‘народная’ при ‘демократия’, объясняемое исследователями советского новояза с позиции усиления коннотативно вводимого позитива, имеет смыслом отнесение к тому представлению о народе, которое связывалось с амплификативом и реактивом в модели. Народная демократия в этом контексте становится формой апеллятивной, как то, что содержит в себе идею привлекательно равноценного участия (демократии как таковой), однако далее в том, к чему призывается и на что направляется в своем организующем и продуцирующем действии-продвижении весь ‘народ’. Ее по этой причине следовало бы относить в модели к проекции тематического мотива подъема (от темы призыва через мотив расширения) – на предполагаемый бой-борьбу (понимаемые здесь, скорее, в контексте ‘строительство’, ‘труд’) к победе и достижению. Народная демократия, тем самым, может быть определена как дистрибутивно-сингулятивный мобилирующий когерентный медиатив, действующий на сознание всех и каждого (задуманный как таковой) мотивом способности проявления, складывающегося равно участвующими в их общее, а потому и объединяющее, связывающее (когеренция) и сообщающее (медиация), направленное к общему достижению, осуществление.

Особенность определяемых значений, как можно заметить из проводимого описания, заключается в том, что каждое из них, относясь в каком-то вершинном своем представлении к проекции того или иного мотива из возможных семи (призыв – расширение – подъем – бой-борьба – победа – продвижение – достижение), одновременно с этим включает в себя и все остальные. При восприятии патетических смыслов, тем самым, в контексте официоза, запускается в ход постоянно все та же и в полном своем составе модель, проигрываемая семью ее составляющими мотивами вся целиком, с выдвиганиями тех и других, проецируемых к значениям уточняющих общее действие признаков, своим составом и комбинаторикой связываемых с семантикой слов, преобразуемой и подключаемой к мотивам и темам модели.

Та демократия, которая не определяется как народная или определяется как ложная и буржуазная, не вписываясь в модель, оказывается вне отнесения к мотиву подъема в модели семи составляющих. Вне значения, иными словами, дистрибутивно-сингулятивного мобилизующего к достижению поставленной цели медиатива, когерентного с тем значением и патетическим смыслом народа, о котором уже говорилось в связи с ампликативностью его проявления в той же модели. Находясь вне значений, мотивов и тем семичастной модели, проецируемой к необходимому осуществлению в социально-историческом массовом оптимуме созидаемого завтра, такие, используемые вместе с тем в советском официозе вербальные единицы, как *ложная, буржуазная, античная, средневековая демократия* и т.п., должны получать в нем свою соответствующую трактовку и толкование. Как отвергаемое, исключаемое, выводимое из своего за пределы, как осуждаемое, не одобряемое и противопоставляемое этому своему. Одно дело пассивно-нейтральное пребывание не заряжаемых отрицательно, хотя и не включаемых в модулятив, единиц. Таких, как, скажем, *народ* в каких-то других своих, не патетизируемых и не специально советских значениях. Или *нация, государство, общество, его организации, институты, движения* и т.д. И совершенно другое, когда отношение

этих вне модулятива внешне оказывающихся, им отрицаемых и исключаемых из себя единиц, становится не нейтральным, а негативно заряженным. Из этого следует неизбежно проблема характера их не нейтральной и, как правило, значимой исключенности (эксклюзии изведения). Как противопоставляемой, полярно и не полярно, так и не противопоставляемой, но не безразличной в своей мотивации и в своем представлении для всё той же модели (модулятива) советского патетизма.

Проблема определений семантики слова сводится, таким образом, к установлению ряда последовательных соотношений парадигматического (к модели, внутри модели) включения, не включения, исключения, изведения, противопоставления. С представлением далее вершинной и подводящих позиций в модели, с уточнением их комбинации и возможных значений для оперативов включения. И вероятного, если не необходимого по каким-то отнюдь не случайным условиям, представления позиций и смысловых компонентов для тех, которые не включаются, исключаются или противопоставляются. Для этих последних в особенности. Заряд напряжения советской модулятивной патетики в немалой и значимой степени не просто зависит от них, но обуславливается и формируется ими. Модель, таким образом, существует и воплощает себя в своих проекциях и значениях в позициях и в оппозициях к некоей общей, обобщенной для восприятия генеральной модели и к моделям и антимоделям частного, уточняемого и противоположаемого отображения. В самом таком утверждении ничего неожиданно нового нет, в этом основа советской унитаристской идеологии. Важно увидеть, представить и описать то, каким образом это реализуется и воплощает себя в семантике слова и языка, в их значениях и парадигматически моделируемом устройстве.

Анализируемый эксклюзив, имея, как уже отмечалось, две стороны – исключительности и исключения, одного для себя, своего, того, что необходимо-желательно, и другого, обратного, для всего остального, этот эксклюзив обоюдодействующей в своем проявлении эксклюзии необходимо таким же образом в обе стороны для семантики слова и изучать.

Нечто ментально-языковое, некая единица в своем значении и коннотациях, используемая в советской патетике как свое, как работающая на общее производимое дело, проходит в своей обработке два эксклюзивных этапа, два вида, две формы эксклюзии – исключение (погашение, нейтрализацию, отодвижение на второй, задний план) не существенных, мало существенных либо сомнительных и нежелательных смысловых компонентов и включение в поле другого включенного как своего и исключительного. Первое предполагает эксклюзию изведения, осаживания и пассивизации с перемещением к периферии и возможному далее постепенному исчезновению, уходу, утрате, выводу из обращения и забвению – амиссии. Второе – эксклюзию подключения, приобщения, втягивания (ингрессия > трансгрессия) с активизацией, подчеркиванием, выдвиганием одних и фузионным проникновением, адсорбируемым вхождением, приписываемых и придаваемых либо переоформляемых и подвергающихся трансформации, других смысловых и оттеночных компонентов. Действует это второе, тем самым, в две стороны – от включаемого слова в его коннотациях и значении на общее в его устройстве как целого и в составах и от этого общего, как целого и в составах, на включаемое слово, также в его значении и коннотациях. Одновременно с этим нечто другое ментально-языковое, другая какая-то единица в ее значениях и коннотациях, не используемая в советской патетике как свое либо используемая в ней как не свое, либо выводится как таковая из обращения, подвергаясь эксклюзии отодвижения, с перемещением к периферии, либо предполагает, включаясь (в контексте эксклюзии подключения) активизацию, усиление каких-то одних, приписывание, придавание каких-то других и трансформацию, переоформление каких-то еще дополнительно третьих семантических и оценочных признаков.

Покажем это на ряде примеров. Рассматривавшийся *народ* в своем переходе к амплификативу и реактиву для патетизма в этом значении заряженного употребления отодвигает на периферию, не подключает такие структурные компоненты смысла, которые не связаны с представлением продуктивной

способности, организуемой массы для произведения общественных ценностей собой, из себя, для себя. Для того чтобы увидеть эти не подключаемые, равно как и подключаемые далее компоненты, проанализируем для примера четыре значения этого слова, определяемые в МАС:

«НАРО́Д, -а, м. 1. Население, жители той или иной страны, государства. *Советский народ*. ◇ *Всюду в них [городах и поселках страны] трудятся и обитают люди, разные, самобытные, со своими нравами, характерами и стремлениями. Вместе они составляют народ – могущественный, богатырский*. Кочетов, Журбины.

2. Нация, национальность, народность. *Народы древности. Народы Африки*. ◇ *[В нашей стране] объединились в тесный союз русские, украинцы, белорусы, грузины --- и многие другие народы*. С. Вавилов, Советская наука на службе Родине.

3. *только ед. ч.* Основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующими классами). *Трудовой народ*. ◇ *Старик Златовратский любил приютить у себя талантливую молодежь из народа, из рабочих*. Телешов, Записки писателя. *Большинство из нас уже понимало, что настал час и для переустройства театра, отныне призванного служить интересам нового хозяина – народа*. Юрьев, Записки.

4. *только ед. ч. (род. п. -а и -у)*. Люди. [*Корнелов:*] *Загуляли мы у градского головы, – разный народ был: учителя, чиновники из семинаристов*. А. Островский, Трудовой хлеб. *Домашний кабинет Лутонина был полон народу: сам, жена, Домна Борисовна, Иван Титыч, Орешков, Тохпан, Миша Коков*. А. Кожевников, Живая вода. – *Зови народ, – сказал он Ныркову. Люди быстро собрались у головной машины*. Чаковский, У нас уже утро.»

Из приведенных определений и иллюстративного материала к ним для общего представления о семантике слова можно вывести признаки, связываемые с такими дескрипторами (дадим их без различения значимости и отношений порядка): население, жители, страна, государство, всюду, большое и малое (города и поселки), трудиться, обитать, люди, разность, само-

бытность, нравы, характеры, стремления, вместе, могущественность, богатство, нация, национальность, народность, единство, наше, свое, многое разное (множества), основное, основа, трудовая масса, угнетаемость, хозяин, призвание служить ему, его интересы, люди как совокупность, собрание разного в каком-то месте.

Общее представление о народе складывалось бы на основе соотнесения с множеством человеческого родового этнического, различаемого в своих представителях психологически, объединяемого территориально (страна) и политически (государство), характеризуемого (все)охватностью места присутствия-обитания-жительства, способностью в результате совместных усилий производить нечто значимое, могущественное, неординарное, определяемое близостью своего в отношении всех и каждого, разностью (дифференцированностью) единого как экзистенциальной основы, объектной инструментальностью (угнетение), потенциальной субъектностью массовой воли (идея служения и интересов народа) и совокупного обладания (хозяин).

Данное представление само по себе уже советизированно, включая такие подчеркиваемые основания, как могущественность, самобытность, разность во множестве, объектная инструментальность (угнетение), единство нацеленных трудовых усилий и пр. При переводе к модулятиву на первый план выдвигаются признаки, ориентирующие семантику слова к проекциям семиэтапной модели (призыв – расширение – подъем – борьба – победа – продвижение – достижение), с вершинным соотнесением к расширению. Происходит перераспределение перечисленных признаков, выдвигаются те, которые связываются с мотивом амплификатива и реактива – единство, массовость, продуктивность, потенция силы, могущественность, свойскость. Признаки, связываемые с представлением о человеческом родовом, объединяемом территориально и политически, местом и жильством, разным в едином и совокупном, становятся базой и фоном для восприятия и понимания первых. Признаки представления об этническом, психологически сходно-различном,

вездесущности пребывания, экзистенциональности общего и отдельного основания бытия, инструментальной объектности, субъектности массовой воли, совокупности обладания, – эти признаки, не отрицаясь и не исключаясь в общем составе, в определяемой модели отодвигаются на последующий план. В контекстах употребления они могут быть также использованы, что следует из приводимого иллюстративного материала.

Возникает, тем самым, проблема отбора и выдвижения признаков не только в отношении слов, модулятивом включаемых, не включаемых и противопоставляемых, но и используемых патетическим официозом как одобряемое и свое для каких-то целей. Проблема, в одном случае решаемая выдвижением-отодвижением, как для слова *народ*, во всех своих определяемых значениях позитивно воспринимаемое, в другом случае может выглядеть как-то иначе.

Модулятивные распределения в семантике лексических единиц

Задумавшись над этой проблемой на основе семантики нескольких слов, прежде чем обратиться к уточненному разграничению трех не случайно используемых в советском языковом представлении (а с этим официозе) *демократий* – народной, исторической (античной, средневековой) и буржуазной (фальшивой, ложной), а с ними, как дополнение, внутривнутрипартийной. На примере этих трех можно будет увидеть включаемое в модулятив и одобряемое в нем как свое (экслюзия подключения), не включаемое не свое (экслюзия не включения) и используемое в нем как не одобряемое, отрицаемое, осуждаемое (экслюзия исключения-противоположения). На примере четвертой, в сопоставлении с первой, – увидеть соотношение различаемых признаков для включаемого своего, в соотношении со второй и третьей, – вывести признаки дифференцирующего обособления и подчеркиваемого контраста.

Возьмем для подобного обсуждения возвышенно и позитивно заряженные слова, с одной стороны, и неодобительно и негативно, с другой. Выбор при этом не будет каким-либо ори-

ентированным или специальным, впрочем, и не вполне безразличным. Критерием станет некое внутренне ощущаемое сходство, позволяющее сопоставлять, а также не вызывающее сомнений использование в патетике официоза. Возьмем для этого такие слова, как *отечество, подвиг, герой, патриотизм, патриот*, для первой группы и *национализм, космополит, оппортунизм, оппозиция, ревизия* для второй. Поскольку задача сводится не к описанию как таковому, а к сопоставлению на основе различного действия эксклюзива, семантика и коннотации слов не будут предметом подробного представления, показываясь и обобщаясь в той мере, в какой это может быть необходимо для целей предприняемого рассмотрения.

Первое, на что следовало бы обратить внимание, отвлекаясь от времени и с ним идейных и политических ориентиров, уточняющих смыслы и коннотации взятых слов (одно дело 20-е и 30-е годы, другое 40-е или 70-е), это на то, что, будучи в несомненном противопоставлении как свое / не свое, слова эти прямо и непосредственно связываются референциально с чем-то их объединяющим общим. Это их общее вместе с тем имело бы отношение не прямо к стоящей задаче осуществления через достижение социального оптимума в коммунизме, чего бы они могли быть средствами достижения либо препятствия (ср. рассмотренные ранее в этом контексте *партия (коммунистов в СССР), (советский) народ, народная демократия*). Их общее имело бы отношение к представлению своего как советского в отношении народа-страны для слов первой группы и своего как советского в отношении его и ее (народа-страны) идейного и политического сплочения, того, что составляет основу совместного, организованного и нацеленного на достижение, существования для второй. Объединяющим было бы, таким образом, представление о духе, морально-нравственном облике и убеждениях советских и не советских людей, что обуславливает далее необходимо-желательное либо, напротив, отнюдь не желательное, равно как совместное, массовое, так и индивидуальное, проявление, влияющее на достижение все той же стоящей перед народом и обществом цели.

Номинативно позиции различения того, что будет предметом нашего рассмотрения, можно было бы выразить с помощью определяющих уточнений типа *отечество* и *наше советское Отечество*, *патриотизм*, *патриот* и *советский патриотизм (патриот)*. Равно как и *подвиг*, *герой* контекстом и ситуацией предполагают стоящим за ними советского человека. Подобное себя обнаруживало при соотношении представлений *партия* (как таковая, любая, как политическая организация) и *партия* (коммунистов в СССР), *народ* (как таковой, любой, всякий) и (свой, советский) *народ*. В лозунге *Народ и партия едины*, как, впрочем, едва ли не в любом официальном контексте, то и другое, не называясь, ясно и определенно относилось к одному народу, советскому, и одной только партии, коммунистов в СССР. Уточнений, скорее, требовали другие значения этих слов. Тем самым, употреблением слова в модулятивном контексте накладывается изначальное, также модулятивное, ограничение, ориентация его смысла и коннотаций. Достаточно в этой связи представить себе общий референциальный модулятивный контекст – свое, родное, советское, нашей советской страны (или равным образом – не свое, не советское), с тем чтобы те или иные встречающиеся в нем регулярно слова дальнейшего представления своих значений, оценок и коннотаций не требовали. В этом смысл и действие признаков, определяемых в последнее время как дискурсивность¹⁰.

Однако в связи с поставленной перед этим задачей отнесения семантики слова к позициям и мотивам модели, с установлением позиционных и семантических соотношений с другими словами, интересоваться должен не только этот общий референциальный контекст. Но и то, чем отличается, скажем, отечество, которое просто отечество или отечество не свое, от Отече-

¹⁰ Ср., к примеру, следующее замечание в связи с подходом к изучению идеологизированного дискурса: «...непосредственный когнитивный анализ дискурсов предполагает а) выявление мыслительных операций, задающих порождение самого текста; б) установление ключевых понятий, в терминах которых осуществляется категоризация действительности в определенную эпоху, их концептуального содержания и ценностной иерархии.» [Лассан 1995: 59]

ства (или отечества), которое референциально советское и свое. Равно как и подвиг, герой, патриотизм, патриот или также заряженные каким-либо отношением к своему национализм, космополит, оппортунизм, оппозиция и ревизия.

В связи с этим попутно и неизбежно возникает проблема возможных и допустимых для языка и сознания корреляций (сознания и языка советского официального словоупотребления). Если можно представить в одном ряде случаев что-то свое или не свое, и при этом также не негативно окрашенным, то в другом ряде это окажется весьма затруднительным. В таких единицах, как *Гете по-настоящему любил свое отечество, подвиги Геракла, античный герой*, менее вероятное что-нибудь вроде *Линкольна можно считать патриотом своего отечества*, не свое положительно. Невозможным в принципе было бы представление на месте Гете или Линкольна кого-то оцениваемого отрицательно и без кавычек. Сомнительным в то же время было бы что-нибудь типа *Линкольна (Гете) характеризовало высокое чувство патриотизма*. Тем самым, *патриотизм* и *патриот* оказываются в официальном употреблении не симметричными (при возможном одновременно *квасной патриотизм, квасной патриот*). Если патриотизм привычнее и понятнее как едва ли не только свое, то патриот может быть воспринят и в отношении чего-то другого. Заряженность, степень ориентированности и вхождения в модуль определяемой семантики, тем самым, могут быть разными даже у близко воспринимаемых слов, что зависит не только от их отношения к актуальному центру в модели (таких, к примеру, как *партия* или *народ*), но и от более тонких отличий.

И особое отношение возникает в модели к словам негативно окрашенной группы. В этом случае то, что советское и свое, сразу же перестает им быть, обращаясь в какую-то значимую вместе с тем противоположность. К этой группе относятся выбранные *национализм, космополит, оппортунизм, оппозиция* и *ревизия* (в еще большей степени *ревизионизм*, чем *ревизия*, ср. корреляцию *патриотизм – патриот*).

Выбранную нами группу позитивно окрашенных слов можно было бы отнести в модели к тому, что связывается с обоснованием идеи боя-борьбы (ср. расширение для *народа* и подъем в отношении *демократии*), с той существенной оговоркой, что, если *подвиг*, *герой* способны увязываться с представлением равно как революционной борьбы первой фазы, так и борьбы по защите достигнутого и его укрепления в строительстве и созидании в фазах дальнейшего, то *отечество*, *патриотизм* и *патриот* – со вторым без первого. Оставим пока что без рассмотрения эти важные соотношения того и другого, предполагающие в первую очередь более точное представление самих этих фаз в их существенном для нас воплощении в модулятиве. На данном этапе анализа попытаемся выявить то, что связывается в модели с отображением и представлением а) своего и не своего как другого и б) своего как одобряемого, поощряемого и позитивного, а не своего как ему противопоставляемого, осуждаемого и негативного.

Если свое, в отличие от не своего другого и не своего противоположного, характеризуется признаком конструктивности в отношении модели, через ингрессию в ее устремлении к трансгрессии, то не свое другое таковым не обладает, а не свое противоположное определяется признаком противоположным, который можно определять, соответственно, как деструктивность. Не включение некоторых употребляемых в модулятиве, возможных или даже не редких в официозе слов и значений слов для называния не своего, в позиции характеризуемой модели (не обязательно при этом имеющих, а часто и не имеющих, к ней отношение) не означает отсутствия в них соответствующего смыслового и тонового заряда. Об этом заряде и будет речь применительно к выбранным для подобного представления единицам.

Отечество, которое не свое, не связываемое с советским народом, его государством-страной и движением к им создаваемому будущему, т.е. не будучи в отношении всего этого базой и основанием, не обладая признаками креатива и конструктива для прилагаемых ради этого необходимых сил, ведущих к

трансгрессии ожидаемо закладываемого социального и исторического перехода через ингрессию, втягивание в этот процесс всех и каждого и всего, другое, иными словами, отечество, – какими чертами в ориентированном официально мышлении такое отечество должно обладать? Чтобы, с одной стороны, оставалось в таком мышлении тем, что следует воспринимать как *отечество*, а с другой, отличалось бы ясными свойствами от *отечества*, которое есть советское и свое.

Такое отечество, вне креатива и конструктива, служащих основанием отнесения в модели к бою-борьбе и победе и затем достижению через призыв, расширение и подъем, такое отечество можно было бы воспринимать как место возникновения, появления на свет и проявления в этом свете кого-то, кто, как один, так и не один, позитивно себя проявляет или уже проявил в этом свете. В отношении этого предполагаемого агента отечество выступает его своего рода защитной, поддерживающей и облекающей формой, оболочкой его бытия, дающей возможность для существования и проявления в действии, придающей этому действию и существованию некий универсально-медиативный смысл. Тот смысл, который, будучи связан с обратным воздействием (медиативным и сообщающимся) агента на его оболочку, через нее предполагает медиативное и прогрессирующее, продвигающее вперед, воздействие на всеобщее (универсум), которое из таких отечеств, в конечном итоге, и состоит.

Трактовка подобного рода не может и не должна содержать в себе ничего неожиданно нового, естественно следуя из значения слова, интересует нас в ней лишь возможная ориентация и отношение, альтернативное и(ли) контрастирующее к модели, их характер и вид. Тоновый смысл отечества, которое не свое, на основе сказанного может быть выведен, с опущением дополнений и опосредований, как потенциальностный конструктив, могущий быть реализуемым при условии ингрессивного подключения к рассматриваемой семичастной модели. Из этого следует невозможность в принципе восприятия отечества в противопоставленном деструктиве.

Соответственным образом также и выбранные *подвиг, герой, патриотизм, патриот*, в обозначении к не советскому и не своему, трудно представить, не предполагая иронии, употребленными в деструктиве. Внутренний их заряд, будучи каким-то существенно значимым образом положительным, предопределяющим подключение к модулятиву в отношении советского и своего, препятствует одновременно использованию в отнесении не просто к не своему, но не к своему негативно оцениваемому и осуждаемому. Характер и вид этого внутреннего заряда, воспринимаемого в слове до модулятива, а затем вне его, имеет смысл рассмотреть в последующем, в связи с референциальным устройством определяемой семантики. В данном месте предмет рассмотрения сводится к соотношению коррелятивных значений советских и не советских подвига, героя, патриотизма и патриота.

Видимо, трудно себе представить все это вне отношения в модулятиве к рассмотренным ранее представлениям значений *отечества* и *народа*, к которым добавить бы следовало, применительно к советскому своему, также *партию* (коммунистов в СССР) и (*народную*) *демократию*. В результате сложилось бы представление о некотором фрагменте, моделирующем в соотношениях своих составляющих необходимое знание о природе затрагиваемых в этом фрагменте вещей, с установлением мест и позиций друг к другу. Попытаемся выявить этот фрагмент, сравнив его в отношении и в отличии все того же советского своего и того, что им не является.

Позиции и места в модели

Все выбранные для определения в указанном отношении положительные слова характеризуются обязательной отнесенностью к чему-либо очень важному, значимому и высокому (как, впрочем, и негативные также). В этом закон патетического, не предполагающего для себя обращения к мелким и несущественным темам. Поскольку это значимо важное и высокое для советского официоза определяет себя в отнесении к построению социализма и коммунизма в СССР, все заряженные в нем слова

будут так или иначе себя обращать в своих внутренних соответствиях вокруг этой идеи. Тем самым, если *подвиг, герой, патриотизм, патриот*, вне советского официоза могут что-то то и другое обозначать (как, впрочем, равным образом и все остальное), то в нем они будут привязаны к чему-то определенному, отображающему в своих значениях указанную идею. Причем касается это как своего и советского, так и не советского и не своего. Иными словами, можно было бы получить три соотносимых в определенном смысле проекции семантического (и тонового) воплощения лексической единицы в интересующем нас отношении – общеязыковую литературного языка, официозную советского своего и официозную не советского не своего. Если, согласно с определением в МАС, *подвиг* – это ‘героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях’ или (*чего*) ‘самоотверженный поступок, поведение, вызванные каким-л. чувством (*подвиг любви, подвиг страсти*)’ и *мн. ч., разг. неодобр.* ‘похождения, проделки’, то в официозе будет использовано и соответствующим образом модулятивно преобразовано и уточнено только первое представление. Аналогично и в отношении других слов, для *героя* – из пяти возможных значений (1. совершивший подвиги мужества, самоотверженности... 2. привлекающий внимание к себе... 3. предмет поклонения, восхищения, образец для подражания, 4. воплощающий в себе характерные, типичные черты своей эпохи... 5. главное действующее лицо в романе, пьесе, фильме...) основным будет 1, при возможных 3 и 4, сомнительном 2 и не существенном 5. В свою очередь для *патриота* (‘любящего свое отечество, преданного своему народу, родине’, а также *чего* ‘преданного чему-л., горячо любящего что-л.’ – *патриот Ленинграда, патриот своего завода*) и связанного только с первым *патриотизма* также оказывается правомерным вопрос об отличии их общеязыкового значения литературного языка от модулятивной семантики в официозе.

Помимо общего представления об отнесении всего этого к построению социализма и коммунизма в СССР, необходимы будут дальнейшие уточнения, как в отношении самих этих со-

относящихся слов, так и в отношении их значений к идее объединяющего коммунистического строительства. Оттолкнемся в этом определении от двух последних – *патриотизма* и *патриота*, без уточнения для начала интересующей нас модулятивной семантики. Патриотизм, определяясь в МАС как ‘любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу’, иллюстрируется тремя показательными в интересующем нас отношении примерами: *Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств.* Ленин, Ценные признания Питирима Сорокина. *Мы должны воспитывать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей Родине.* М. Калинин, О коммунистическом воспитании. *Общеизвестно, что большой патриотизм начинается с малого, – любви к тому месту, где живешь.* Леонов, В защиту друга. Если первый пример можно рассматривать в отношении патриотизма не советского и не своего, второй – своего и советского, оставаясь при этом в границах модулятивной официозной семантики¹¹, то третий был бы примером употребления общезыкового значения литературного языка. Показательны также отличия *патриотизма* от *патриота*, выразившие себя лексикографически в том, что если *патриотом* чего-нибудь (*Ленинграда, своего завода* и т.п.) можно быть, и все это для модулятива официоза, то патриотизм к Ленинграду, заводу и чему-то подобному все же не приложим. Так же как не возможен в официозе патриот чего-то, что бы не вписывалось в представление о не просто высоком, но о высоком в советски значимом, пусть и позитивном, и не осуждаемом, отношении (патриот своей квартиры, семьи, соседей, приятелей или компота, слив, музыки, чтения книг и т.п.). Хотя и здесь появляется мысль о большом и малом патриотизме – можно ли быть патриотом своего дома, сада, огорода, любимого дерева, скамейки, парты, будучи патриотом так называемой малой родины, т.е. города или села, но уже не его околицы, лесов, полей, берез, со-

¹¹ Советской риторики, по определению А.П. Романенко – образа ратора (ОР, соответственно ОР1 и ОР2, для ленинского и сталинского риторического периодов). [Романенко 2003]

ловьиных рощ, городских садов, парков, улиц, набережных, реки, новостроек?

Из этого неизбежно следует вопрос о том, что именно вписывается в это представление о высоком как таковом, о высоком советском своем и о высоком, но не советском и не своем, равно как и то, что составляет семантику того, другого и третьего в их различении. Патетика, обращаясь к общественно, политически и гражданственно значимым (греч. *politeia*) представлениям – человеческого общего родового и социального естества, если снисходит в своем обращении к частному и отдельному, неизменно дает его как обобщение и образец. По этой причине трудно себе представить патриотизм, как «одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями», в применении к чему-то меньшему, чем оно достойно того. То есть родины, народа, отечества, при этом без отнесения, в силу его всеохватности, к тому, из чего они состоят. Патриот же, как единичное воплощение данного чувства в отдельном лице может быть соотнесен, но в каких-то при этом границах, к тем составляющим родины и отечества, которые включенно взаимодействуют с родиной и отечеством всех, но близки и по рангу соотносимы как проективы этого общего к частному. Иными словами, то, чего может быть патриот, должно быть не только одним его только личным и только его затрагивающим, но таким его, которое с ним и через него выступает и связывается в сознании с отечественно всеобщим. Отсюда можно быть патриотом своего завода и Ленинграда или своего города и села – как значимых составляющих локусов для построения социализма и коммунизма в СССР, но нельзя быть чего-то другого, что прямо не вписывается в эту модель. Из чего неизбежно следует необходимость более точного определения также и этой модели.

Уточнение на данном этапе, применительно к разграничению советского своего и не советского не своего, предполагало бы выведение характера соотношения семи сочетающихся позиций для группы выбранных слов, с определением состава, далее, семантических признаков каждого для советского и не советского. Следовало бы, тем самым, определить характер

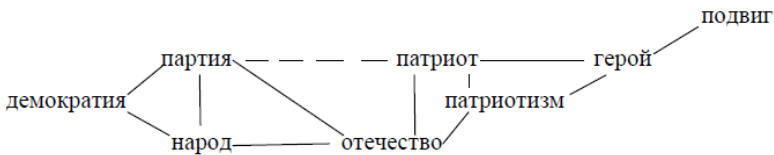
комбинаторной конструкции, составляемой оборачиваемыми друг к другу значениями слов *подвиг, герой, патриот* и т.д., в ее отношении к семичастной модели, для советских, затем не советских другого в его проекции к модулятиву и для значений этих же слов как единиц литературного языка вне модуляций. Для упрощения этой задачи попробуем решать ее в трех названных проявлениях в единстве соотносящихся слов, определяя, чем является одно по отношению к другому, третьему, четвертому и т.п., а всё это в своей совокупности ко всему остальному как целому – для советского своего, не советского не своего в модулятиве, и то же как общее литературного языка вне модулятива.

Выведем для начала в отношении первого (советского и своего) комбинацию мотивирующих одно другое значений, с тем чтобы далее ее уточнить в составляющих. Такая структура была бы мотивационно-генеративной и выглядела бы, с одной стороны, корреляцией смыслов отечества – патриотизма – патриота – героя – подвига и партии – народа и его демократии, с другой. Добавить к этому следовало бы, что народ, становясь в позицию к смыслу отечества, составлял бы такую же генеративную и мотивирующую основу патриотизму со всем из него последующим, а отношение героя и подвига, соотносясь с патриотом, каким-то, хотя и разнотипным образом, одновременно следовало бы в своей мотивации из него. Партия в этой структуре, связываясь с народом, внешне входила бы в общее построение через него, регулируя свои отношения с ним демократией. В результате получаем конструкцию, складывающуюся из троек (партия – народ / демократия; народ – отечество / патриотизм; патриотизм – патриот / герой; патриот – герой / подвиг, с основанием в виде партия – народ – отечество) и пар (партия – народ; народ – отечество; партия – демократия; народ – демократия; отечество – патриотизм; патриотизм – патриот; патриот – герой; герой – подвиг). Отношения внутри этих пар и троек можно было бы вывести как модулятивно значимые и взаимные. Целостный вид конструкции в определяемой проекции был бы следующим:

Описываемую конструкцию можно показывать в ее отношении к семичастной модели (1), как фрагмент парадигмы целого (2) и в значениях семантических признаков составляющих компонентов (3). Первое давало бы представление о мобилизующем действии, второе – об идейно и концептуально направленном, третье – о мотивирующем, применительно к модулятиву определяемого пропагандистского патетизма.

Для этого первого, с наложением конструкции на позиции семичастной модели, ‘партия’ получала бы роль того, что стоит в начале, запускает дальнейшее в ход, воздействуя на ‘народ’, обращаясь к нему и мотиву ‘отечества’ через него, с ‘демократией’ в запускаемом движении как средством воздействия на народ в его целом и каждом его представителе, с ‘патриотизмом’ – как мотивирующим в этом всех и каждом его ‘патриота’ к геройству ‘героя’ с его проявлением в ‘подвиге’. Тем самым, можно было бы получить примерно такое распределение в представленной ранее схеме:

‘Партия’ в этом случае оказывается в позиции источника призыва, реализуемого с помощью ‘демократии’, с расширением в левой (‘народ’) и правой (‘отечество’) части своего основания, ‘патриотизмом’ в позиции мотивирующего подъема на бой-борьбу, реализуемую в ‘герое’ с победой в

‘подвиге’. Две позиции завершения (продвижение и достижение) – в подразумеваемой перспективе.

Как фрагмент парадигмы целого рассматриваемая конструкция может быть определена с различных сторон. Место ее в отношении этого целого зависело бы от аспекта общего смысла. Выбранный нами для представляемого описания разворот, опирающийся на идею стремления к достигаемому социальному оптимуму в направляемом партией к этому продвижению формируемых народных масс в составе всех и каждого из ее представителей, не единственный, но вполне допустимый, предполагает такую возможность определения. ‘Партия’ и ‘народ’ с его устанавливаемой партией для него ‘демократией’, характеризуемой как народная для отличия от других, играли бы роль медиаторов в семантике определяемого фрагмента, т.е. связок с чем-то другим и со всем остальным в парадигме целого. В отношении комбинаторного объединения пяти остальных компонентов в представляемой схеме они же выступали бы в роли predispozиторов, управляющих данным их смысловым проявлением, с вершиной в ‘подвиге’ и основанием в ‘отечестве’. ‘Подвиг’, тем самым, был бы тем характеризующим общий смысл, мотивирующим которого становилось ‘отечество’. Учитывая партию и народ, составляющих левое направляющее, можно было бы получить, для контекста указанного устремления к социальному оптимуму (строящийся социализм и коммунизм), допустимо желаемый как образцовая норма партиципированной готовности посвящения всех и каждого создаваемому совместно общему – агентивный экстремум ‘подвига’, порождаемый внутренним императивом не личностной, но интегрирующей и инкорпорирующей эксклюзивности в советском ‘герое’ (императив готовности экстремального проявления, побуждаемый и пробуждаемый чувством не личного, а социального своего превосходства (корпоратив-эксклюзивия в сопоставлении с не такими другими), создаваемого партией в народе и для народа, с ощущением неразрывности единения с ним: вхождение и приобщение ингрессива причастности). Мотивирующие ‘патриотизм’ и ‘отечество’ выступали бы как связующие данно-

го императива – для сферы агента (субъектной сферы репрезентанта, ‘патриотизм’) и сферы его же как партиципанта и приобретенного генеративно-экзистенциальному массово-целого (субъектная сфера народа-инкорпоранта, ‘отечество’). Идею описываемого фрагмента в его отношении к семантике общего и включающего можно было бы представлять в результате как паттерн управляемо формируемого партиципирующего эмотива в его ингрессивно-инкорпорирующем и трансгрессивно-вводящем генеративе.

Советское во всем этом целом и его составляющих, таким образом, следует из особенностей парадигматико-комбинаторного насыщения единиц, с подключением их к парадигме целого, ее смысловым и тоновым управлением, составляющим проективную функцию характеризуемого модуля (патетизмов советского официоза), с его позициями и валентностями.

Значения заявленных ранее семантических признаков составляющих определяемую конструкцию восьми компонентов, на основе всего рассмотренного и с учетом позиционно-валентностной их соотношенности, можно представить примерно следующими (начнем с вершинной точки, идя к началу, т.е. от ‘подвига’ к ‘партии’):

Подвиг, следовательно, может быть определен (точнее было бы говорить введен, поскольку в модуль, его конструкцию и фрагмент) как то, что представляет собой конвертив (преобразующий, переводящий) участника общего созидаемого дела в разряд особо отмеченных, выдающихся, выделившихся, на основе и в результате его такого же трансгрессивного агентивного проявления, в продолжение мотива эксклюзии, обусловливаемой в данном случае также и темой экстремум характера обстоятельств. Повторяющиеся семантические определители, такие, как партиципация (участник, участие), общее и совместное (корпоратив), созидаемое, формируемое (креатив, форматив), дело (продуктив, финитив), особо, отмеченность, выдающийся (эксклюзия, эксклюзив), трансгрессия, агентивность, проявление (проекция, проектив), обстоятельства (ситуатив) и пр., составляя

основу семантики определяемого модуля, встречаясь в других комбинациях для других значений, имеют парадигматико-категориальный и экспликативно-актуализируемый характер. Иными словами, могут использоваться как общие грамматические определители для семантики всех включаемых в разбираемый модуль смысловых единиц (категориальность), так и при описании каждой из них в отдельности (актуализируемость), выступая одновременно мотивационными основаниями создаваемого патетизмом модулятивного тона ингрессивно-трансгрессивной отрывающе-возносящей, вверх и вперед, эксклюзивности (исключения всего остального другого и себя от него с сопровождающей всё это исключительностью избираемого своего).

Герой, соответственно, будет представлен как то, что реализует себя как агентив готовности к проявлению себя в эксклюзиве отмеченных обстоятельств (экстремум ситуатива), способствующих либо, напротив, препятствующих (как правило, значимо) осуществлению трансгрессии в оптимум инкорпоратива.

Патриот – как то, что характеризуется как эмотив состояния связанности и привязанности к включающе-общему (народ) и генеративно-экзистенциальному (отечество), способный стать (эмотив) мотиватором, каузирующим агентивное проявление инкорпорирующе-поддерживающего, а тем самым, и трансгрессивно-финитного достижения (продвижения в социальностный оптимум).

Патриотизм, соответственно, как то, что определяет внутренний императив, выступая регулятивным мотивом состояния указанной ингрессивно-трансгрессивной привязанности (чувства вхождения, приобщения, включения в значимо порождающее, поддерживающее и облекающее экзистенциальное большее, стремящееся, направленное и направляемое к трансгрессии своего достижения).

Отечество определялось бы в данном контексте как то, что выступает как форматив, охватывающий и вбирающий (инклюзия, инклюзив, ср. с неизбежным затем исключением,

экслюзивом, из этого) объединенного целью и креативом действия к продвижению общего (инкорпоратив), мотивирующий необходимость агентно-партиципирующего проявления совместно всех и отдельно каждого в направляемой трансгрессии общего достижения.

Народ, соответственно, как инкорпоратив, *демократия* – мотивирующий регулятив, а *партия* – интенциональный директив всего того (чтобы коротко), о чем уже говорилось, в его мотивах и темах, в различных своих соотношениях и связях в зависимости от стоящих контекстуальных и пропагандистских задач.

На основе представленных определений объяснимыми в модулятиве становятся обозначенные ранее для рассматриваемой конструкции пары и тройки (героя и подвига, патриота и патриотизма, патриота – патриотизма – отечества, отечества и народа, народа и партии и т.п.), а единицы в их конкордансе воспринимаются как смысловые и тоновые реализации модулятивного общего. Связи того и другого могут определяться с опорой на выведенные категориальные признаки, с уточнением их как в отношении компонентов в парах и тройках, так и в получаемых на их основе конструкциях.

Советское в противоположении не советскому на основе модели

Показанные в модулятиве значения можно представить с помощью определителей иного характера, с тем чтобы иметь возможность на их основе сравнить специфику модулятивной проекции слова для советского и своего с семантикой таких же обозначений (подвига, героя, патриота, патриотизма, отечества и т.п.), возможных в своем использовании в модулятиве для не советского и другого, равно как и общеязыковых вне его. Оттолкнемся при этом от определений, представленных в МАС, и покажем это с помощью слов, отображающих советский официальный образ мышления, поскольку он составляет основу рассматриваемой модулятивной семантики. В силу громоздкости процедуры ограничимся описанием одного только первого как

вершинного слова *подвиг*. Все остальные, с ним связанные, определяясь аналогичным образом с помощью тех же слов в своих позициях и комбинациях, не вносили бы в таких представлениях ничего принципиально нового, а сравнение в трех названных направлениях (советского, не советского и общезыкового) следовало бы из общей картины, выводимой и на одном примере.

Подвиг, характеризуясь как «Героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях», предполагает в своем составе определение А) того, кто подобное действие совершает, кто способен на подобный поступок (поступок в МАС определяется как намеренное действие, а потому может быть приравнен ему); В) вида, характера подобного рода действия, поступка; С) вида, характера важности его такого значения; D) характера трудности предполагаемых условий. Иными словами, мы получаем структуру из четырех компонентов: Агент + Действие + Значимость + Условия. С опорой на эту структуру попробуем установить отличие трех разбираемых проявлений советского и своего – не советского и другого (оба для модулятива) – общезыкового (вне его). Представим характер указанных отношений в виде трех последовательных рядов. Первый ряд будут составлять характеристики того, что типично для советского и своего, второй – не советского и не своего, но в модулятиве, третий – общезыкового значения. Предлагаемые определения следует воспринимать как возможные, а потому не единственные (подчеркнутые слова отмечают наиболее важные для понимания, ключевые определители).

I. *Агент* (типичный модулятивный агент совершения советского подвига): его отмечают такие черты, как готовность себя посвящать, связываемая с осознанием исключительности своего народа, своей страны, первыми вставшими на путь построения социализма и коммунизма как светлого будущего всего человечества, высокая преданность идеям единственно правильного, марксистско-ленинского учения, идеалам коммунистической партии и правительству советской страны.

Действие характеризуется как такое, которое в своем достигаемом результате способствует сохранению, защите и укреплению достигнутого всем советским народом в его общем движении, связанном со строительством социализма и коммунизма в советской стране.

Значимость, следуя из перечисленного, предполагает очень высокий, вплоть до своей исключительности, ранг совершаемого, который должен быть всеми признан, отмечен и оценен как необыкновенный по своему характеру вклад в совместно осуществляемое всем советским народом строительство, свидетельствующий о превосходстве достигнутого коммунистической партией и советским правительством в деле воспитания советского человека, а потому должен быть принят как образец подражания.

Условия характеризуются как исключительно трудные как в отношении возможности осуществления действия, а потому требующие от агента необыкновенных способностей реактивного, волевого и акционального характера, так и в отношении предполагаемой опасности и угрозы для жизни одного или многих советских людей, стоящих перед ними задач, в особо отмеченном случае – всей советской страны, а потому и строительства социализма и коммунизма как светлого будущего всего человечества.

II. *Агент* (модулятивный агент не советского подвига) вызывает определенную трудность для представления, поскольку подвиг, а следовательно, и тот, кто его совершает, прочно ассоциируется в официозе с понятием советского и своего. Агент этот, в конечном итоге, будет иметь черты, отчасти соотносимые с теми, что для своего и советского, отчасти – с общезыковыми. В модулятиве подобного рода подвиги будут предполагаться в отношении тех, кто борется за свободу и независимость своего народа, страны, за освобождение от оков угнетателей, империалистов и пр. Исходя из этого такими чертами могли бы быть: способность к самопожертвованию, следующему из осознания необходимости, вызванной исключительной важностью совершаемого в отношении дела освобождения своего на-

рода, своей страны от угнетателей, открывающему в желаемом будущем путь к дальнейшему – возможному построению социализма и коммунизма. Это последнее, не всегда отмечаясь, предполагается следствием идеологического восприятия общественных отношений и происходящих событий, имеющих социальный и политический резонанс, накладывающего на все это идею исторической неизбежности подобного перехода со сменой формаций. За этим следует также трудная представимость понятия подвига в официозе в отношении действий, подобного не предполагающих, а тем самым, и самопожертвование, и исключительность важности, без идеи освобождения, не будут им свойственны и приписываемы, воспринимаясь в иных категориях и передаваясь иными словами, т.е., тем самым, в ином моделирующем ключе.

Действие может характеризоваться с позиции сохранения и защиты достигнутого на пути к обретению свободы и может также, в зависимости от обстоятельств в данной стране, с позиции самого этого достижения или устремления к нему – как активное, решительное, упорное, связываемое часто с необходимостью не только защиты, но и нападения, а потому применения физического и вооруженного насилия.

Значимость также предполагает очень высокий ранг совершаемого, но вне представления об исключительности в понимании модулятива, связываемой лишь со своим, речь скорее идет о признании и оценке совершаемого действия по достоинству вклада, но не в строительство, а в возможное в будущем продвижение к этому в результате достигнутого или только еще достигаемого освобождения от оков. Совершаемое, тем самым, оценивается обычно как шаг, еще один важный шаг на пути освобождения в будущем всего человечества. О превосходстве достигнутого в деле всеобщего воспитания, а потому и идее какого-то образца говорить было бы трудно. Действие воспринимается, скорее, как важный, значительный в своих проявлениях результат и поощряемый прецедент.

Условия также характеризуются, если не как исключительно, то, во всяком случае, как необычно трудные, а потому

также требующие немалых способностей (об их необыкновенности сложно было бы говорить, опять же в силу того, что это следствие исключительно советского воспитания) мобилизации необходимых усилий. Что касается предполагаемых опасности и угрозы, они будут связываться не столько с утратой (поскольку угнетенным, согласно марксистской идеологии, нечего, кроме своих цепей, терять), сколько с опасностью еще большего закабаления, т.е., в конечном итоге, с опасностью отступления, шага назад, потери имеющихся или уже достигнутых ранее, в недавнем прошлом, позиций на совершенном к будущему пути.

Таким образом, если акценты в модулятиве в отношении советского и своего применительно к пониманию подвига связываются, так или иначе, с идеей уже достигнутого (советским народом под руководством партии в деле строительства) и опасности для него, то в отношении не советского и не своего их можно скорее наблюдать для идеи пути к открывающейся в возможном будущем перспективе (такого строительства) и шага на этом пути.

III. *Агент* (общезыкового представления вне модулятива) может быть определен в отношении необычных способностей действовать ради спасения кого-то другого или других, проявляя, тем самым, такие черты, как человеколюбие, альтруизм, бескорыстие, посвящая себя идеям добра, справедливости, гуманизма.

Действие характеризуется как решительное, смелое, требующее необыкновенной отваги, умения, силы, способности преодолевать различного рода трудности и препятствия на пути.

Значимость определяется высоким рангом грозящей опасности тем, кого надо спасать, оцениваясь, тем самым, ими по своему достоинству и, как правило, вознаграждаясь (либо, напротив, не встречая должного вознаграждения, но отмечаясь в потомстве).

Условия, как и в двух предыдущих проекциях, могут быть охарактеризованы как необыкновенно трудные, связанные с угрозой жизни для исполнителя и всех остальных, требующие

от него умения, ловкости и смекалки, а также нередко особого дара, знания и соответствующей подготовки.

При сопоставлении трех полученных представлений можно заметить сходство внутренних (ядерных) характеристик для всех составляющих. Агент определяется как человек, наделенный неординарными качествами, выделяющими его на фоне других, прежде всего в своей способности к самопожертвованию во имя чего-то большего или высшего. Действие характеризуется как решительное и смелое, связываясь с мыслью об оградяющей необходимости и защиты чего-то или кого-то, имеющего высокую ценность. Соответствующим образом значимость высокого ранга, связываемая с оценкой достоинства, и условия, определяемые как необыкновенно трудные и отмеченные опасностью, также сопоставимы. Отличие заметно в характере мотивации, проекции к будущему и получаемому результату, а также в параметрах ценности, предполагающих вписывание в соответствующий контекст общественного признания и оценки заслуг.

Тем самым, модулятив, вбирая в себя общепризнанные и общепонятно интерпретируемые значения, преобразует их не столько внутренний, ядерный, своего рода отдельно взятый, смысл, сколько вводящий и результирующий, объясняющий роль, продолжение и характер связи с другими, – иными словами, контекстный, облекающий, включающий в нечто большее. Особенности, определяемые нами как ингрессия (втягивания) и трансгрессия (перехода и перевода) в семантический модуль тона и смысла патетики советского официоза, действующий как парадигма и воздействующий соответствующим ингрессивно-трансгрессивным парадигматическим образом на все элементы включаемого. Модуль этот предполагает конкретно воспринимаемый характер – не простого включения в поле высокого, лучшего, благородного, героически очищающего и идеального, что составляет природу пафоса как такового, но включения в поле направленного осуществления, каждое из значений состава которого имеет четко воспринимаемые смыслы и позиционную роль. Это модуль движения советских людей к коммунизму,

инициируемого и направляемого партией коммунистов в СССР, а потому и все остальное, в него включаемое, приобретает именно в этом контексте и этой отмеченной своими оценками и значениями парадигме свои смыслы, роли и коннотации.

С этой позиции оценивается и воспринимается, в рассматриваемом случае, *подвиг* (равно как и все остальное). Одно дело (*подвиг советского человека и советских людей*, в том числе также *всех советских людей* (в их стремлении и строительстве социализма и коммунизма – для себя новой жизни и светлого будущего для всего человечества и для истории)). И другое дело – подвиг кого-то другого, кого-то других, также воспринимаемый и четко оцениваемый именно с этих позиций, с точки зрения способствования построению в будущем социализма и коммунизма в данной стране, влияния, прямого и косвенного, на построение социализма и коммунизма в СССР, с перспективой всеобщего достижения благоденствия при коммунизме для всего человечества как братской семьи всех народов и рас без какого-либо отличия.

Единицы проекции деструктива

С точки зрения этой позиции, как мотивирующей и генерирующей семантику и оценочность слова, включаемого в названный парадигматический модуль, имело бы смысл рассмотреть единицы, которые следовало бы отнести к разряду проекции деструктива – того, что препятствует, не способствует либо прямо вредит и мешает ингрессии и/или трансгрессии участвующих в общем движении к цели и, будучи втянутыми, это движение составляющих. Коротко, без дальнейшего погружения в значимую в модулятиве семантику каждого слова и их отношений друг к другу, наметим возможное представление выбранных единиц, обратив внимание на характер их включенного исключения и на позицию своей исключаемой отнесенности в нем. Эксклюзия исключения, не исключительности, предполагает, что некое данное, будучи исключаемо, значимо в своем отношении к модулю для него. Единицами для такого краткого представления будут упомянутые ранее в связи с деструктивом

в модуле *национализм, космополит, оппортунизм, оппозиция и ревизия*.

Национализм следовало бы определять как препятствие к достижению внутреннего сплочения организуемых масс, как то, что внушаясь и/или возбуждаясь в отдельных ее представителях, группах и целом (всех и каждом), переключает внимание, а с этим затем и деятельность потенциально или реально втянутых и участвующих, отвлекая их от борьбы за светлое будущее и от строительства социализма и коммунизма. Национализм, тем самым, действует как э м о т и в д е т р а н с г р е с с и и – втягивание (ингрессия, хотя и другого рода), также свойственное ему, не ведет к трансгрессии социального оптимума, выступая внутренним его опровержением, деструктивом. На этом основан смысл для него эксклюзии исключения, а позиционно в модели смысл его этот раскладывался бы в мотивах на переходе от подъема к бою-борьбе и дальше, к победе и продвижению. Предполагая призыв, расширение, подъем (призываемых групп и масс), искаженный и зараженный внутренней порчей в своем истоке, поднимая и ведя на борьбу к победе, победу эту он обращает в лишенную необходимой цели, разлагая ее изнутри и лишая способности порождать желаемые следствия и результат. Оцениваемый в советском официозе как позитивный до фазы подъема и обретения независимости (освобождения от оков угнетателей-империалистов), именно в этой точке, точке победы, национализм перестает затем позитивным и признаваемым быть, становясь после этого помехой и деструктивом на открывающемся за этим пути. Национализм в этой точке должен быть замещен (преображение, трансгрессия, перевод-переход) – патриотизмом и интернационализмом, как его развитием и продолжением (или же наоборот), предполагая осознание и восприятие своего народа как значимой части большего, устремленной к единственно правильной цели строительства социализма и коммунизма в своей стране. Отсюда его различная в своем значении корреляция с патриотизмом и интернационализмом, как конструктивами модуля патетизма.

Космополит, выступая, на первый взгляд, казалось бы, искажением позитивной идеи интернационализма, на деле, в фазе так называемого уже построенного социализма и в связи с изоляцией построившей его у себя отдельно страны (начавшаяся холодная война), в модулятиве имеет с ним мало общего. Опустим, однако, этот весьма интересный идейный сюжет, в литературе, исторической, впрочем, не лингвистической, имеющий свое объяснение. Устойчиво коррелирует, как известно, космополит с патриотом, патриотизмом, отечеством, а тем самым, социализмом и советской страной. Однако не эти связи опять же нас будут интересовать, а инклюзивно-эксклюзивное отношение к модулю и смысловая парадигматическая позиция в нем. Опустим также не менее важные для понимания логики смысла известные модуляции пропагандистских кампаний, связанных с обстоятельством времени и условиями политического момента (рубежа 40-50-х гг.), ищущего нового антигероя как способ дальнейшей мобилизации очищаемых в очередном эксклюзиве масс. Сконцентрируемся на том, чем является, каковым семантически космополит предстает в модулятиве советского официоза.

Внимание в этой связи следует обратить на одно важное обстоятельство – позицию, занимаемую космополитом в модулятиве в соответствующий идейно-пропагандистский момент. Как когнитивное представление, парадигматически, эта позиция существует и вне своего насыщения (тоническим сопровождением модулятивного фона, в своем общем движении ощущаемого, а потому в вероятных позиционных своих заполнениях и предсказуемого), в связи с чем заполняться, в зависимости от обстоятельств и требований момента, может также и чем-то другим. То, что эту позицию заполнил в известное время космополит, связывается со своего рода артикуляцией, приспособлением модулятивной картины целого к частному данного на момент проявления.

Тем самым, имеется место, могущее быть в какое-то время как занятым, так и не занятым, как занятым чем-то существенным и актуальным на данный момент, так и менее значи-

мым и не актуальным. Модуль, будучи действующим, подвергается, следовательно, более или менее регулярной просвечиваемости, акцентуации и проработке, выводя из себя на поверхность те либо иные из своих составляющих и пассивизируя, пригашая другие. Действуя, таким образом, как многослойное образование колебательно-электризуемого состояния плазмы – направляемого и регулируемого общественного сознания. Той части его, которая вписывается и создается модулятивом пропагандистского патетизма.

Применительно к космополиту сказанное будет иметь три следствия: 1) в отношении того, какую позицию в модулятиве он собой замещал, с представлением этой позиции к целому; 2) в отношении того, каков можно вывести смысл из него для рассматриваемого отношения нарушения (не вписывания, исключения, изведения из) модели, составленной группой народ – демократия – отечество ... подвиг; 3) в отношении действия, его свойств и особенностей, исследуемой модели и, на этой основе, изучаемого модуля.

Представление о позиции, из которого далее следует собственный смысл и проявление в модели для космополита, связывается с тем и теми, кто, находясь внутри, представляя по внешнему виду часть поднимаемой массы к бою-борьбе с перспективой победы, не поддается действию этого вверх и вперед подъема в силу своих собственных внутренне противящихся причин. Причины этого противления обусловлены неоощущением себя этой самой частью соответствующим образом заряженной массы. То есть, иными словами, собственным не вхождением, исключением себя из нее. В этом месте следует подчеркнуть одно важное обстоятельство – не столько не частью данной массы как таковой, сколько не ощущением ее для себя заряженности. Тем самым, мы подходим к необходимости представления не столько ее номинального и уже экстрагированного от других состояний масс-бытия, отличающего ее от всех прочих других, сколько, в данном месте и времени ее направленно заданного движения, бытия обусловленного – определенным образом электризуемого состояния общественной массы.

Состояние это, определяясь, как уже отмечалось, в подъеме, предполагает, в качестве актуализируемого момента, такой подъем, который, ведя к единству сплоченности (мобилизации) всех и каждого на очередном рубеже (после победы в войне и связанным с этим разгерметизированием «я» в представителях массы), требует апелляции к чувству такой исключительности, которая определялась бы чем-то еще, помимо бывших уже использованными в предыдущих призывах стремления к построению нового общества или защите родины, а с ней Европы, от коричневой чумы.

Исключительность эта, в реализации *космополитического* момента, и в том отчасти его особенность, строится теперь не столько на осознании себя и всех (как представителей организуемо-движимой *советской массы*) как лучшего, наделенного чем-то, чего нет у других в силу их не вхождения в ее состав, сколько на необходимости исключения из своего состава, внедряемом осознании недостойности, тех, кто сам себя уже из него исключил. Есть те среди нас, кто не чувствует в себе эксклюзива всеобщего подключения, выставляет его, это чувство, бравирует им, а тем самым, для них эксклюзив оборачивается с необходимостью эксклюзивом не подключения, а исключения. Тем самым, позиция, о которой речь, могла бы быть определена как позиция необоснованного присутствия, присутствия без подключения, участия и отдачи (не партиципированного наличия, или *антипартиципанта*).

Позиция эта, однако, должна быть уточнена, не столько пока еще для космополита и даже не столько для вызвавшего его к замещению космополитического момента – выбранного и определенного как таковой, сколько в отношении к модулятиву. Непартиципированное наличие (или присутствие) слишком широкое свойство, реализующее себя в модели в каждый ее момент – в исходе, объединяющем, собирающем и выдвигающем к дальнейшему продвижению толчке, в каждой фазе затем этого продвижения, и в этой каждой фазе и в целом во всем движении-продвижении имеющее и способное по своей природе иметь самые разные виды и типы. То, что это непартиципиро-

ванное наличие оформляет себя в данном случае как антипартиципant уже само по себе проявление типологическое. Дальнейший вопрос, тем самым, сводится к определению вида антипартиципанта, позицию которого замещает космополит.

Вид этот формулируется в категориях неучастия, выходящего состояние данного представителя (представителей) массы в чувствительное их пребывание над и сверх, оборачивающееся для него не в его уже ощущении (категории субстантива к массе) в пребывание в нем. И это еще одна типологическая черта – расхождение, подчеркиваемое в модулятиве для общего осознания, чувствительна и субстантива для неучастника. Пребывание это над и сверх, а по объявляемой сути вне, сводится к неприятию им для себя общей и собственной, как следствие общего, позиционной роли, своего рода даты и места. Космополит, по характеру замещаемой позиции, точнее позиция, которую он заместил, есть неучастие в силу *дезактуализирующего пространственно-темпоративного социатива*. То есть, если в обратном порядке, эта позиция проецируется на данном (третьем в показанном случае), уровне уточнения как дезактуализируемый, а потому исключаемый (эксклюзив исключения), пространственно-темпоративный асоциатив – расщепленного, добавляя два предыдущих уровня, состояния чувствительна и субстантива (из над и сверх – во вне) неучастника-антипартиципанта, т.е. того, кто не участвует по субъективной настроенности и убеждению.

Применительно к космополиту, эта позиция, а с ней из этого следует его смысл в соотношении с группой народ – отечество – патриотизм – герой – подвиг, выглядит как позиция, значение и место того, кто вместо того, чтобы жить и строить, совместно и наряду со всеми, общее благоденствие, социальностный оптимум данного времени, в своем устремлении нарушает с трудом создаваемую, на данном тяжелом этапе, ткань («прореха на человечестве»), воздвигаемую в новом подъеме из материала организуемой к этому маршу массы на основании ее, этой массы, чувств своей идейно заряженной этно-пространственной и порождающей, репродуцирующей (парентивно-генеративной) спаивающей (от *спаять*) принадлежности (пертинентность). То

есть он выглядит в данном случае при таком уточнении и в отношении группы патриотизма как *неучастник пертинентно-депарентивно-депродуцирующего*, а потому *исключенного, детранзитива*. Антипартиципантность его результируется на данном этапе в значении пертинентного детранзитива – принадлежности без установки к движению перехода.

В модели подобным образом предполагаемый смысл, реализуемый для времени рубежа 40-50-х годов в приспособленном для этого значении *космополита*, действует в сторону необходимости исключения из состава (дезинкорпорации) не поддающихся, при кажущейся ингрессии, модулятивному действию становящейся парентивной на данном этапе трансгрессии. Для модуля патетизма это имеет вид изъятия (эксклюзив исключения), изведения из организуемой подобным участием массы осаживающих ее, рассаживающих изнутри, нарушающих ее заряжаемую парентивностью целостность, элементов-частиц. Тем самым, имеет значение и роль очищения (пургатива) от единиц не участвующего в парентивно-репродуцирующем движении детранзитива.

Не менее важным и интересным оказывается в этой связи вопрос, почему именно слово *космополит* было избрано для исполнения рассмотренной модулятивной роли. То есть вопрос о первоначальном значении слова литературного языка и его дальнейшем в модулятиве использовании. В идее космополитизма и космополита (отвлечемся от биологических представлений космополитов-животных, растений и организмов) связываются воедино первоначально национальные (согласно значениям в ТСУ: ‘человек, не считающий себя принадлежащим к какой бы то ни было национальности, собств.[венно] признающий весь мир своим отечеством’), а затем также и государственные (МАС, БТС), мотивы своей принадлежности-непринадлежности, с выходом к представлениям «мирового государства», «мирового гражданства», расцениваемым в силу их закавычивания как нереальные, утопические, несвоевременные, уводящие в сторону от насущных проблем, а возможно, и разлагающе вредные (учитывая объявляемый при этом отказ от национальных тради-

ции и культуры, патриотизма и отрицание государственного и национального суверенитета по МАС).

Отвлечемся от пропагандистских пристрастий и избираемых мишеней времени, сосредоточившись на самой идее космополита и космополитизма. Важным в этом случае видится не столько даже национально-государственная и вполне понятная в ее связи со временем подчиняющая идея, ибо ее как раз следует видеть приписываемой, т.е. модулирующей, в отношении семантики слова, сколько то, что в ТСУ сформулировано как не принадлежность к какой бы то ни было национальности и признание своим отечеством всего мира. Актуализируемые ко времени эти мотивы начинают играть продуктивный для модулятива смысл отрицания своей принадлежности, а тем самым, и существования, тому, что объявлено в представлении «советская нация = (весь) советский народ», и уход, через не объявляемое непризнание советского государства-гражданства, в «мировое», т.е. фактически в своем окружении, мало того что отсутствующее и нежелательно-невозможное, а еще и, как не советское, противоположно враждебное.

Смещение первоначального смысла, тем самым, осуществляется сначала через актуализированное сужение, привязку его к моменту геополитики и внешне-внутренних обстоятельств, с его погружением, насыщением смыслами собственно модуля и модели, проигрываемой, работающей на данный момент – группа слов (народ – отечество – патриотизм – герой – подвиг), противопологаемых космополитизму и космополиту. Космополит, тем самым, становится необходимым антагонистом (как изводимое и оттеняющий эмоционально контраст), задействуемо подключаемым к народу-отечеству патриотизму и патриоту антигероем, не просто не способным на желательно вызываемый подвиг, но в корне, в сущности его отрицающим и низводящим в некую противоположность, в небытие.

Оппортунизм, соответственно, в отношении модели, действует до проекции народа – отечества, имея свое отношение к проекту призыва в позициях партия – демократия. Будучи для модулятива не просто значением, связываемым с приспособ-

соблением к обстоятельствам, стремлением искать компромиссы, достигая желаемого методом наименьшего сопротивления, выгоды и удобств (как это следует из этимологии слова и его интернациональной семантики), но непосредственно выводимым не просто в сферу политики и борьбы ('политика приспособления к обстоятельствам, беспринципность, соглашательство с противником в борьбе' – ТСУ, 2-е знач.), а политики и борьбы рабочего класса с буржуазией ('политика подчинения рабочего движения классовым интересам буржуазии' – ТСУ, 1-е знач.).

Представленное сужение семантики слова позволяет вводить его опосредованно в характеризующий последующим рядом состав (народ – отечество...), закрепляя в модели в позиции исхода, относя, таким образом, к партии и демократии. В общем ходе модели оппортунизм, своего рода интонационно, т.е. тоном и фоном, модулирует к смыслу того, что препятствует правильному, нормальному продвижению от партии через демократию к народу и дальше к отечеству, через патриотизм, патриота (в рассматриваемом модельном расположении), к герою и подвигу. То есть, ложась в основание проективного действия, становится тем, что ведет к нарушению хода и не достижению цели, если не будет, как действующая активно причина, устранено. Тем самым, как и космополит, оппортунизм подвергается в модулятиве действию эксклюзива исключения.

В отношении смысла оппортунизм выступает как то, что мешает верно организуемому и скоординированному тону призыва, направленному от партии, через посредство вокативных ее рычагов, на народ, первоначально в ударных его представителях, т.е. рабочего класса. Организующим этот класс, мобилизующим рычагом должно выступать нечто противоположное связываемому с оппортунизмом – не приспособленчество и соглашательство, ведущее к подчинению интересам противника, а подготовка к непримиримой, вооруженной, борьбе. Оппортунизм, тем самым, можно определить для модели как дезорганизующий, обращающий вспять, разлагающий, апеллятивный контраверсив, в позиции партии как истока в ее направ-

ленном вокативном воздействии к амплификативу в рабочей массе, а с этим, в дальнейшем, в народе.

Оппозиция, аналогичным образом действуя в точке исхода, выступает как разлагающее, точнее раскалывающее, расщепляющее и отщепляющее, от того, чем является партия в модулятиве и общем ходе модели. Расщепленность, как действие, точнее воздействие на какую-то проективную точку, наблюдавшаяся в космополите как расщепленность его сенситива и субстантива, следует в этой связи расценивать как очень важное свойство, проявление которого следует исключать. Свойство, которое, будучи в его ощущении какому-то смыслу предопределено, сигнализирует о необходимости изымания того, в чем и чему оно было приписано.

В модулятиве, тем самым, механизм исключения действует на основе приписываемых референциальным значениям (вербальным значениям означаемого) свойств, т.е. свойств дефинитивного, определяющего, эксклюзива. Расщепленность относится к их разряду, выступая в роли сигнально-пугающего, констернативного, признака модулятивных значений. Через обратное, модулятиву в связи со сказанным следует приписать, как свойство его сохранности и не угрожаемого действия, необходимость не нарушаемой целостности, т.е. неущербность. Каждое из составляющих должно в себе отражать эту целостность как неопровержимую и бесспорную (идея не разделяемой в своем составе, не зараженной в своих составляющих никакой разлагающе-портящей противоположностью, единой связки-пучка).

Всякое из состава, всякий оперативно объявленный нарушающим целостность референтив, ведущий, тем самым, к ущербу и заражению остающегося не подверженным данному действию остального, должен быть с неизбежностью исключен, объявлен не принадлежащим (в не п е р т и н е н т н ы м) модели. Отсюда известно, от модулятива, его фоно-тоновой логики, и, возможно, шокирующее всякого вне его, заявляемое представление о том, что политической оппозиции, равно как и многопартийности, в СССР нет и быть не может, с ними было покончено, поскольку единство партии, ее монолит, а также от-

сутствие антагонистических классов все подобное исключает (ср. в ТСУ к слову *партия*: *Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса.* Сталин).

В отношении понятия политической оппозиции, как известно, начиная с конца 20-х годов (что находит свое отражение в ТСУ), в советское время формируется схема, укладывающаяся, в отношении модулятива, в различие эксклюзива не включения (оппозиция вне, за пределами своего, в буржуазном обществе и государстве) и эксклюзива исключения, изъятия, для своего. Первое воспринимается модулятивом как безразлично нейтральное, второе, напрямую связываясь с оппортунизмом «антиленинских группировок, боровшихся против генеральной линии ВКП(б) и против руководства партии с целью разрушения диктатуры пролетариата и восстановления капитализма...» (ТСУ), это второе становится резко отмеченным как негативное. Негативность и резкость этой отмеченности (понятно, что следующие из логики конкурентной борьбы в руководстве за власть, но не это предмет предлагаемого рассмотрения) – в модулятиве следуют из позиции в точке, занимаемой партией в ее, с одной стороны, обращенности на себя, а с другой, объявляемой как следствие, обращенности к составляющим и последующим элементам модели.

Занимаемая партией точка в этой связи воспринимается как такая исходная, без которой все остальное, равно как и вся модель в ее частных и общих проекциях модулятива, становится невозможным и не достижимым. Точка эта, тем самым, имеет характер генератива, т.е. того порождающего, которое, выводя из себя все нужные смыслы, определяет и формирует из подключаемых (эксклюзив подключения) составляющих (равно как и их самих) ею же создаваемую в модулятиве модель. То есть точка эта генератива экзистенционального и организменного, социально-витальная точка, одушевляющая и воодушевляющая всю действующую в модулятиве как тоновую, так и смысловую канву. Отсюда опасность, ее наивысшая из возможных степень, разрыва именно в этой точке, супрематив про-

дуцирующего эруптива, ведущего к уничтожению создающего, а с этим созданного, равно как и того, что еще следует создать, – *natura naturans* и *natura naturata* в ее недавно ставшим, а потому подверженном контраверсиву прошлом, устаивающемся настоящем и перспективно продвигающемся будущем. Возможная в таких условиях эрупция точки исходного и запускающего все движение в ход объявляется исключительно значимой в реальности своего осуществления угрозой (эксклюзив эксклюзива), а потому со всей решительностью и беспощадностью должна быть преодолена – элиминируемый (в генеративе) эруптив.

Ревизия, имея отношение к тому учению, которым руководствуется в своем воздействующем на модель исходе партия, также получает весьма значительный, отмеченный эксклюзивом исключения, ранг. Определяясь как «пересмотр положений какого-н. учения или теории с целью внесения изменений, нарушающих, искажающих основы этого учения, теории», в частности и в первую очередь марксизма: *Ревизия марксизма* (искажение учения Маркса оппортунистами под видом дополнений и поправок к нему) (ТСУ), – такая ревизия, для которой важной становится отношение к понятию «искажения основы», к оппортунистам, а также смысл ‘под видом’, т.е. скрытые намерения, обман и маскировка, – такая ревизия неизбежно скрыто (ибо ‘под видом’, а потому тем более опасно), ударяет в руководствующее, векторно-толкающее, сообщающее ход всего движения, основание рассмотренного в точке партии генератива. То есть это тот необходимый к изведению, элиминации, эксклюзив, который может быть описан как диссимулятивно¹²-перманентная эрупция (в отличие от ассимулятивной⁵, претендующей на равенство подобия генеративу, в оппозиции)

¹² Лат. *dissimulo, dissimulatum* ‘делать непохожим’; ‘прятать’; ‘не показывать вида, утаивать, скрывать’: *d. se nozt.* ‘прикидываться иным (не хотеть быть узнанным)’; *assimulo, assimilatum* ‘делать похожим, подобным’; ‘быть равным, походить’: *totis animantibus assimilari* ‘походить на живые существа в целом’; ‘уподоблять’; ‘сравнивать, приравнивать’; ‘принимать вид, притворяться’; ‘подражать’: *a. se amicum* ‘прикинуться другом’; *argumentum* в знач. 4) ‘правдивость, истина’; ‘внутренняя убедительность, основание’. [ЛРС]

промотивно-пульсирующего аргументативного⁵ фундаментатива – как в отношении модели в целом, так и, в первую очередь, в ее генеративе, или в точке партии.

Тем самым, как следует из рассмотренных примеров, негативы, те, которые имеют отношение к модели, используются и проигрываются в ней, подвергаясь, с одной стороны, модулятивной обработке в своей семантике и тоново-коннотативном сопровождении, с другой, оказываясь вписанными не только в позиции модели, но и в корреляции, как исключаемое, с позитивными единицами. Роль их как эксклюзивов отрицания и исключения состоит в создании важного для действия модулятива, его ингрессии и трансгрессии, напряжения – экстенсии (патетика опасности, противоборствующего и обратного, конверсии), равно как в подчеркивании, имплозии, сгущении, контраста эксклюзивов подключения, с целью экстракции, выведения наверх, их исключительности.

Демократия трех (четырех) проекций

Таким образом, в результате сказанного, упомянутую ранее демократию трех видов – как явление историческое (античную и средневековую), ложную буржуазную и ту, которая истинно народная и социалистическая, наряду с четвертой, демократического централизма, или внутрипартийной, своего рода авторитарную по своему характеру, – выстроив в отношении модулятивного эксклюзива не включения (первую), исключения (вторую) и подключения (третью и четвертую), можно было бы попытаться в соотношениях определить. Представление этих трех (наряду с четвертым) видов дает возможность еще раз увидеть отличие сходно-различных смыслов, важных в модулятиве именно этим своим постоянно подчеркиваемым различием сходства, составляющим смысл характеризующего используемые значения эксклюзива.

Та демократия, которая истинная и по духу социалистическая (начнем с нее), регулируя отношения между партией и народом, в позиции, обозначенной как призыв, с одной стороны, составляет сопровождающий мотивационный признак призыва,

переходя в последующем в мобилизующий аттрактив для позиции амплификатива, а с другой, апеллирует к смыслу, заложенному в определениях (*истинно*) *народная* и *социалистическая*. Попробуем разобраться с указанными здесь отношениями.

Призыв, способный быть в модулятиве представлен, хотя и в допустимо-известных ограничениях, по-разному, являет собой в данном случае отношение такого воздействия, которое предполагает (при актуализации понятия демократии) ингрессивное, втягивающее, привлекающее и увлекающее за собой, преобразование массы в ее мотивирующей, побуждающей к призываемому продвижению в позиционно исходной точке толчка. Каузатором этого мотивационного по своему характеру действия является партия, предстающая для данной проекции увлекающей частью того увлекаемого целого, каковым выступает народ. Как часть ведущая за собой и потому увлекающая, однако при этом часть, а потому проверенно близкое и свое, партия становится своего рода обеспечителем и гарантом а) надежности ожидаемого продвижения, его неизменности и успеха, что должно придавать сил уверенности на этом пути и б) действительности, т.е. непреложной истинности того, что, используясь как мотивирующее, обозначено термином *демократия*.

На этом шаге, тем самым, мы видим мотивационно-мобилизующее активизацию партитивным каузативом импульса ингрессируемого промотива в амплификативе. И это можно определять как ее, т.е. народной и истинной демократии, позиционную, в модулятиве, роль. Формульную модель этой роли можно определить в отношении $K[P(A)] > \text{imp}A(\text{act}/\text{ingr}/\text{promot})$: каузатор K , будучи партитивом, частью (P), амплификатива A (как большего своего, в нем, но и вне его в отношении намечаемого действия, как ведущее), выступает как провоцирующее ($>$) его (т.е. A) импульсива (imp) по отношению к актуализируемому в A проявлению (act) втягивающего его в его полном составе, т.е. в общем, продвижение (promot) ингрессива (ingr): $\text{act}/\text{ingr}/\text{promot}$.

Что же касается апелляции к смыслу, заложенному в определениях *истинно народная* и *социалистическая*, роль его,

помимо своей привлекательности, работающей в мотивационном ключе (для обеспечения действительности и истинности мотивирующего, гарантируемых партией), состоит в представлении того, что следовало бы в этих определениях понимать не вообще, а для данного позиционного элемента в описанном отношении. Можно рассматривать, и в этом нет искажения, эти определения как усиливающие и подчеркивающие (импловзивные), а потому и дополнительно активизирующие, составляющие значений амплификатива (*народная*), импульса и промотива (*социалистическая*) в мобилизующе-мотивирующем усилении (*истинно*). И можно как дополнительно сопровождающее, но привносящее что-то еще и свое. *Народная* в этом случае будет рождать ощущение, связываемое с мыслью о прочности и широте основания для амплификатива (фундаментатив амплификатива), *социалистическая* – о справедливости как равнствующей братственности для амплификатива (в его стремлении к своему социальному оптимуму) для импульса его промотива (эквитативный содалитатив⁶ амплификатива); *истинно* – о несомненности и безупречности того мотива, который используется как апеллятив (интегер¹³-аргументатив промотивного ингрессива).

Демократия, в соответствии с представлениями советского времени, не может быть не заряженной, поскольку это всегда форма государственного правления, а государство, если оно не социалистическое, есть орудие подавления и эксплуатации народных масс. Согласно Большой советской энциклопедии (1952 г.), «Д. неразрывно связана с *диктатурой* того или иного класса. Класс, в руках которого находится государственная власть, определяет и природу соответствующей Д.» Тем самым, та демократия, которая воспринимается как античная и средневековая, определяясь в ключе господства эксплуататорских

¹³ Лат. *sodalitas, sodalitis* ‘дружеский союз, содружество, товарищество’; *sodalīs* ‘товарищ, приятель, друг, собрат’; ‘спутник’; *integer* [от *in + tango* ‘трогать, касаться’; ‘захватывать, завладевать’] ‘нетронутый, незатронутый, невредимый, целый’; ‘неубавившийся, неуменьшившийся’; ‘неистощённый, неослабленный’; ‘незадетый’; ‘чистый’; ‘безукоризненный’; ‘полный’.

классов, не может быть подлинной. Это демократия свободы и равноправия для меньшинства, народовластие, т.е. возможность участия в управлении всех остальных, но среди них лишь таких, кто обладает подобным правом, представляющееся как проявление чисто формальное, никак не влияющее на сущность вещей. Будучи демократией модулятивного не включения, подобная демократия может быть охарактеризована как инструмент такого воздействия со стороны власть предержащих на тех, кто находится в этой власти, который предоставляет возможность при внешнем вроде бы соблюдении общих для всех равных прав, с наименьшими потерями для своей легитимности в их глазах преобразовывать общее общественное пространство в своих интересах и для себя. Под это же определение подпадало бы и представление о демократии буржуазной, с тем отличием, что для нее подобное расхождение формального и действительного приобретает еще более резкий характер, разоблачающий фальшь и неприкрытый обман своих граждан, трудящихся, в первую очередь, масс.

Определения в МАС дают почувствовать это отличие: «**ДЕМОКРАТИЯ**, и, жс. 1. Форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод. ◇ **Буржуазная демократия** – форма государственной организации, при которой формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися.» Обтекаемое признание народа источником власти, которое может иметь и имеет лишь прокламируемый характер, в отношении демократии буржуазной объявляется формальным прикрытием господства буржуазии. Отличие, в принципе не существенное, приобретающее свою остроту в условиях появившегося реального социализма. Одно дело то, что было когда-то в истории до существования советской власти и советской страны, а также стран лагеря социализма, когда не было альтернативы, и совершенно другое, когда такая возможность реально осуществлена. В определенном смысле, тем са-

мым, отличие эксклюзива не включения от эксклюзива исключения связывается именно с этим, контрастом к имеющемуся и создаваемому своему.

Демократия как таковая, как форма политической организации общества, основанная на признании народа источником власти, народа как большинства из того меньшинства (в отношении к тем, кто лишается всяких прав, не будучи гражданами, как, например, в государствах рабовладельческих или феодальных), которое как большинство подчиняется, уже не формально, а по существу, меньшинству, действительно осуществляющему реальную власть, от демократии, названной буржуазной, отличается не устройством модели, а ее переменными. Показателями, не безразличными и актуально активными в модулятиве. Как таковая эта модель, в отличие от модели демократии подлинно народной и социалистической, основывается не на идее партитивного каузативного импульса (не говоря обо всем остальном, т.е. мотивации, мобилизации, амплификативе, ингрессии, промотиве, для этих двух не действительных), а на идее посессивно-аккомодативного социального перманентного инструментатива (со стороны агента-посессора на посессионный объект) посредством его персуазивного партитива. Для демократии буржуазной в этом составе важными будут, прежде всего, агент-посессор (буржуазия), посессионный объект (массы трудящихся), а также, как несомненное, сила и интенсивность (сгущение, и м п л о з и в) всего остального, посессивности, аккомодации, персуазивности, партитива.

Тем самым, если в модулятиве та демократия, которая подлинная и истинная (народная и социалистическая), действует как мотивационно-мобилизующее и активизирующее основание воздействия каузативного, направленного на включение, втягивание всех трудящихся в общий для них преобразующий промотивный и трансгрессирующий процесс перехода к всеобщему социальному оптимуму (в социализме и коммунизме), то для всех остальных демократий подобное невозможно. Это не активизация и не каузация к продвижению и достижению созидаемого состояния, а способ легального урегулирования таких от-

ношений между ведущими и ведомыми, использующими и используемыми, теми, кто пользуется всей полнотой допустимых благ, и теми, кто их создает, который, отодвигая возможность существенных перемен, стабилизирует имеющееся состояние, обеспечивая его итеративность и перманентность. В условиях капитализма при созданном и существующем альтернативой социализму подобного рода итеративность и перманентность приобретает резко отмеченную неприятием остроту. С точки зрения рассматриваемого модулятива, тем самым, демократии эти (подлинная и неподлинная) становятся в отношении смыслового противоположения и тонового контраста.

Что касается демократии внутривластной, определяемой также понятием демократического централизма, следует говорить не столько о принципе мотивационно-мобилизующей каузации амплификатива к ингрессиву трансгрессии, сколько о способе принятия и исполнения регулятивных решений, определяющих такое взаимодействие между теми, кто в руководстве, и теми, кто массы, которое обеспечивает мобильное, целостное и бесперебойное достижение предлагаемых, прежде всего промежуточных (в отношении к трансгрессии оптата) целей.

Способ этот, объединяя необходимость следования воли избирающего большинства, а потому определяющего как бы источник власти, т.е. состав руководства, подчиняет в дальнейшем волю этого большинства императиву избранного им состава при исполнении его решений. Выразить это можно как диспозитивно-функциональный регулятив мобильно-консолидационного перфектива в отношении финитно-корпоративного сукцессива. То есть демократический централизм, апеллирующий к понятию демократии (с дополнением внутривластной и распространением на всякие формы не только партийного управления в социалистическом обществе), идею демократизма как способа организации, разворачивает не столько в воздействующем, апеллятивном, сколько собственно организующе-консолидирующем, ключе.

В смысловом отношении, вне модели партия – народ... – достижение, демократия как таковая и социалистическая с де-

мократическим централизмом взаимосвязаны, выглядят как проективное уточнение того и другого. В позиции точки партийно-организующего призыва, а также источника и вдохновителя всех дальнейших развертываний в их ингрессии и трансгрессии с продвижением к социальному оптимуму, в этой позиции демократический централизм по своей роли оказывается чем-то иным (имея прямое отношение к партии), не сразу соотносимым с идеей той демократии, которая от народа и для народа, оказываясь чем-то вроде сжимающего его как ресурсную массу стержня, напрягающего его к исполнению обозначенных им в указанном направлении и русле решений. Вместе с тем все это не противоречит идеи модели в целом, вписываясь в ее развитие как задающий движение и его регулирующий исток.

Особенности парадигматического устройства модели

Особенностью рассматриваемой модели, таким образом, необходимо считать такое соотношение позиций и точек, которое позволяет, при уточнении смыслов, предполагать возможность включения любых единиц патетизма, способных вступать в корреляции с другими какими-то единицами, находящимися в парадигматических соотношениях с данными. Иными словами, модель, оставаясь в позиционно исходных значениях неизменной, составляя основу определяемого модуля, насыщается в условиях актуализации когнитивными смыслами, релевантными патетизмам, которые далее, на вербальном уровне своего проявления, дополнительно уточняясь, становятся смыслами соответствующих вербальных значений, имея не только собственно семантический, нередко лишь ощущаемый при своем восприятии ряд, сколько тоновый, или, при конкретизации, оценочно-коннотативный.

Патетизмы советского официоза составляют, тем самым, некую когнитивную область, воплощение которой в сознании и языке происходит по заданной схеме, описываемой здесь как модель перехода и продвижения от 1) задающего, втягивающе-

го, возбуждающего его в изначальной точке толчка через 2) расширение, расширение, отклик-реакцию этого возбуждения и втягивания, ведущих к 3) подъему, направленному движению выхода, переходящему к 4) некоему столкновению, сцеплению, взаимодействию с тем, что следует далее 5) претворить, одолеть, победить, чем следует, освоив и подчинив, овладеть, над чем следует восторжествовать, для того чтобы в будущем стало возможным, открылся путь к б) достижению намечаемого решения.

В основе рассматриваемой модели, представляющей собой парадигму советского патетизма, заложен, как неизбежное, изначальный конфликт, разрешение которого, достигаясь в конечной точке (б), определяется точками 4 и 5, получая в 4-й наглядное выражение реализуемого противоборства, столкновения, меряния сил, с тем чтобы в 5-й прийти к одолению, открывающему возможность движения к дальнейшему, которое, не будучи пока что достигнуто, не реализовано, а потому не конкретно и видится лишь как цель. Цель эта, с одной стороны, будучи исключительной и желаемо-высокой, выступает мотивом движения, поднимая и подвигая призываемых и втягиваемых в общий процесс, с другой, по той же самой супремативной причине, становясь постоянно не достигаемой, отодвигаясь и выносясь, содержит опасность восприниматься как нечто не осязаемое, не реальное для освоения и едва ли не изначально вынесенное вовне.

В модели, тем самым, оказывается заложенным еще один неизбежный конфликт – движения в его побуждении и самого побуждения в поставляемой цели. Конфликт, который находит свое воплощение, переносясь, в противопоставленность тех, кого побуждают к движению, тем, кто, являясь источником пущенного движения, выступает как побуждающее, т.е. его каузатор. Преодолевается этот конфликт в патетизме а) в отношении цели – отодвижением и периодическим снятием актуальности с помощью поставления промежуточных, временных, а потому достижимо конкретных целей, долженствующих недостаток осязаемой реализации для прилагаемых усилий удовлетво-

рять и б) в отношении каузатора – прокламируемым постоянно единством его с каузируемым, как ведущей, направляющей и за всё потому отвечающей, приобщенной и органически неразрывной части, либо, в каких-то случаях, смещением, подстановкой, замещением каузатора трансгрессивного хода на каузирующего (каузировавшего) регрессию и ретардацию или статальность. Поскольку же преодоление осуществляется в патетизме, сам он в конечном итоге оказывается в зоне конфликта, воспринимаясь как одна из причин нереальности финитного достижения.

Модель, таким образом, замыкается на самой себе, не имея возможности в накопленном неразрешении выйти за собственные пределы. Наступает момент ее исчерпания, приводящий к недействию, точнее действию по заведенному автоматизму, т.е. действию холостому, заложенному как ингрессирование к трансгрессии, но не ингрессирующему, поскольку трансгрессии как чего-то реального в промежуточных фазах прикладываемых усилий к реализации нет. Исчерпание становится следствием невозможности предложения нового, поскольку это вело бы к отказу, а следовательно, к уничтожению, проверенно действующей, и поэтому необходимой модели. Иными словами, к замене ее какой-то принципиально другой, т.е. парадигматической смене, мало реальной и вероятной в имеющихся условиях уже запущенного данной моделью движения.

Охватывая собой по возможности все составляющие реального бытия, будучи по этой причине моделью экзистенциально-преобразующей, включая то или иное явление, признак, свойство, предмет, объект в среду и поле своего ингрессивного, а затем трансгрессивного действия (в перспективе развития), модель подчиняет и экзистенциально преобразует всякий включаемый смысл. Включает и подчиняет в зависимости от фазы (обусловливаемой достижением поставляемых к реализации промежуточных целей). При этом действующим свойством модели следовало бы считать возможность присутствия смыслов предшествующей фазы (фаз) наряду со смыслами имеющейся и объявленной как актуальная, т.е. включение, одновременность и неотказ (при возможном отодвижении и пассивиза-

ции). Обусловлена эта возможность парадигматическим единством модели, не меняющим свое назначение и заложенный смысл, при котором всякое новое, будь то явление или фаза, вписываются в позиции существующих точек, оборачиваясь своими значениями к ним.

Три пафосных составляющих советской истории

Попробуем показать это на примерах. Интересующими, поскольку наглядно представленными и явными, фазами для нас будут три, выражаемыми в терминах важного для предлагаемого рассмотрения патетизма – *пафос революционной борьбы*, *пафос социалистического строительства* и *пафос созидательного труда* (о чем уже говорилось в иной связи). Поддерживаются эти три фазы в своем историзме стремлением к достижению, затем объявляемому (по крайней мере, для первых двух), хотя очень важных, этапных, но промежуточных целей по отношению к финитной (построению коммунизма), выступая необходимыми средствами продвижения к ней.

На первом этапе это революционный подъем и победа осуществившей себя революции, переходящий в фазу второго этапа – строительство и построение социализма, первоначально в отдельно взятой стране, а затем с расширением на другие страны. После чего наступает фаза этапа третьего, концентрируемая, в силу необходимости укрепления и совершенствования достигнутого, за неимением чего-то осязаемого конкретного, а также по причине незавершения этапа, в идее так называемого созидательного труда. Рассмотрение патетизмов и их значений в их отношении к каждой фазе представляет самостоятельный интерес, однако не это будет нашей задачей.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, это на то, что представленные этапы, с одной стороны, сами вписываются в рассматриваемую модель, выстраиваясь в порядке от точки первого, задающего, через точку второго и третьего, к достижению в четвертом и пятом (революционной победе), с подхватыванием затем в этой пятой точке, после победы, и но-

вым движением от первого (начала строительства), через точку второго и третьего (расширение и подъем) к достижению в четвертом и пятом (построению, победе социализма), с подхватыванием в этой пятой и направленному тут же начавшемуся движению к шестой (к достижению, не завершённому), с очевидно предполагаемым новым этапным (этапа третьего) движением от первой точки через вторую и третью и т.п.

С другой стороны, эти этапы, о чем только что говорилось, имеют способность самостоятельно разворачивать в собственных смыслах всё ту же модель. И, наконец, еще одно, они же эти этапы и фазы преобразуют, себе подчиняя и для себя акцентируя, общие смыслы модулятива, активно действующие и для всего. То есть, иными словами, такие важные представления, как социализм, коммунизм, революция, партия, массы, рабочий класс и другие, имеют значения а) для модели в целом и б) отдельно для каждого из этапов, в них модулируемые и по-разному отображаемые, в несколько сдвинутом соотношении и в своей для этапа связи. На некоторые стороны подобного различения будет обращено внимание при анализе языковых единиц, в данном месте, в силу громоздкости описательной процедуры, это могло бы только отвлечь. Обратимся поэтому к очень краткому рассмотрению внешне не выглядящих идейно заряженными, когнитивных по замыслу единиц, с тем чтобы показать их проекцию к общему и этапному, для того чтобы затем перейти к претворению, преобразованию, рассмотренного ранее представления борьбы в представление строительства и труда, показывающих столь важное для патетизмов этапное продвижение.

Возьмем для этого три таких широко понимаемых и позитивно окрашенных представления, как жизнь, благо (счастье) и мир. В первом случае, в отношении пафоса революционной борьбы, это идея, формулируемая в идее *жизнь – борьба (это борьба, постоянная, беспощадная, борьба не на жизнь, а на смерть)*. Следует жить и умереть за свободу и счастье всех угнетенных, при необходимости, не задумываясь, по зову пар-

тии, *быть готовым отдать жизнь за рабочее дело*, за освобождение из-под гнета.

На этом этапе, до революционной победы, жизнь как таковая не имеет существенного значения, жизни нет, она лишь средство, необходимое для борьбы, давая возможность ее вести, она может стать и нередко становится тем, что кладут на алтарь, чем жертвуют во имя свободы и достижения того (в революции и, главное, после нее), за чем открывается и собственно начинается жизнь. Жизнь при этом, что также немаловажно, воспринимается в контексте революционного пафоса не как всеобщее достояние, не как то, что объединяет какое-то целое, являясь общим переживанием и проживанием для трудящихся масс, это жизнь отдельного индивида – борца и борцов за свободу. Жить, чтобы умереть, для того чтобы остающимся, тем, кто доживет до революционной победы, открылась возможность по-настоящему жить. Полагая при этом жизнь свою во имя всеобщей высокой цели, борец не только и даже не столько дает пример бескорыстной преданности и служения, ведя за собой других, сколько пробуждает в них чувство негодования, гнева, желания освободиться, вырваться и отомстить. То есть действует как катализатор ингрессии, кумулируя и усиливая ее в остальных. Так приблизительно следовало бы определить характер данного представления. Жизнь, тем самым, имела бы отношение к точке призыва, проецируясь далее в расширении и побуждая к подъему на бой и борьбу. Охарактеризовать это можно было бы как потенциальностный конфликтно-дезинсертивный (разряжающий) и м п у л ь с и в ингрессируемого импловзивного промотива в амплификативе.

Жизнь второго этапа, связываемого с пафосом социалистического строительства, это жизнь на подъеме, в предощущении открывающихся в созидании перспектив. Жизнь, сама по себе приравняемая к строительству – *Нам песня строить и жить помогает*. Это жизнь, в первую очередь, концентрируемая на молодежи, жизнь активная, интенсивная, динамическая. Молодое государство, молодая республика требуют участия молодых рук и сердец. Поднять, построить, создать, приложить все

усилия, работать бесперебойно, без передышки (*Не переводя дыхания* – название романа И. Эренбурга), выполнять задания партии в сжатые сроки (*Пятилетку в четыре года!*), наращивать темпы и пр. Все эти руководящие принципы дают представление о сжатости, сгущении, проявляемом в действии, но теперь уже не отдельных борцов, стоящих на передовой и пробуждающих чувства к подъему, на сей раз это самый подъем, всех и каждого в едином и общем порыве. Такая жизнь еще не есть ожидаемое и приближаемое в созидании всеобщее счастье и благо, но уже открывающая к нему в продвижении перспективы и путь. Жизнь второго этапа в модели становится продолжением и развитием жизни этапа революционной борьбы, определяясь в позиции от расширения к подъему, ведущему к точке сцепления, взаимодействия (столкновения), воспринимаемого не как бой-борьба, а как борьба, которая работа и труд по строительству и созиданию, т.е. с намеченным продвижением, через осуществление в построении к достижению. Определить этот смысл можно как импозивный ампликатив про м о т и в а к трансgressирующему суксессиву в реализации пермиссивного эффективива.

Жизнь этапа третьего, связанного с пафосом созидательного труда – это жизнь в построенном социализме. Определяет ее характер, с одной стороны, идея уже чего-то важно достигнутого, отсюда стабильность и в определенном смысле статика, равновесность и успокоенность обретенного состояния, а с другой, идея не завершенного, продолжающегося движения все к той же финитной цели, очертания которой в туманностях отодвинутых далей, с достижением в точке себя разрешившего эффективива, ожидалось, что будут, но оказались отнюдь не ясны. Отсюда пологость, можно бы так это определить, постепенного медленного подъема в позиции того пути, который реализует себя после точки 5-й, характеризующей достижение определяюще-промежуточной цели, т.е. такой, которая будет преддверием и началом, непосредственно связанным с переходом к финитной точке 6-й.

Модулятивное неудобство неясности отодвигаемой цели, проявляющейся после преодоления эффективива, находит свое разрешение в акцентации идеи стабильности и покоя, идее удовлетворенности обретенным с сопровождающим вместе с тем побуждением необходимости не останавливаться на достигнутом, не успокаиваться, продолжая двигаться дальше. При этом движение это начинает приобретать характер круговоротного обращения, возвращения все к тому же, хотя и на новом витке, обновления, производимого по спирали, созидания и производства как в о с п р о и з в о д с т в а . Достигнутое спокойствие повторяет и будет себя повторять во времени для всех и каждого, в сменяющем день сегодняшний завтра (при неактуальности в этой схеме вчера), в поколениях, детях, детях детей и т.д.

Показательны в указанном отношении слова известной песни *Я люблю тебя, Жизнь* (автор текста К. Ваншенкин, 1956 г.), отмечающие не новость и новость в пространстве сложившегося бытия (*Я люблю тебя ... Что само по себе и не ново ... Я люблю тебя снова и снова*), появление мотива привязанности, любви, к такой получившейся, созданной жизни, в которой всё понятно, известно и предсказуемо, следует одно за другим – работа, усталость, зажигающиеся окна домов, детство, юность, вокзалы, причалы, спокойное счастье в которой связывается с необходимостью одушевляющего, будящего к совершениям участия (*В звоне каждого дня Как я счастлив, что нет мне покоя!*), но это его отсутствие порождено не опасностью, не тревогами и беспокойством с необходимостью какой-то борьбы, а постоянным и неуклонным движением к улучшению (...*хочу, чтобы лучше ты стала*) – партитив промотивного сукцессива.

Акцентируется мотив вероятного и уже не столь важного достижения в ожидаемых продолжениях (дети, внуки, их дети, их внуки и далее). Достижение, сукцессивность предпринятого и продолжающегося движения к социальному оптимуму как всеобщему благу начинает определяться идеей неуклонности и поступательности самого продвижения (жизнь ради жизни в ее продолжении). В конечном итоге, идеей смен, переходности

от поколения к поколению. Переход к последующему этапу в точке 6, отмечаемому как желаемое завершение, оборачивается итеративно-консекутивной трансгрессией, переходом обеспечения себя самого (адвертива): *Будут внуки потом, Все опять повторится сначала.*

Жизнь этапа революционной борьбы, отмечаясь как то, что в своем ниспадении, утрачиваясь, затрачиваясь, падая вниз, побуждает движение к расширению и подъему, переходит в последующем в жизнь этапа социалистического строительства, отмечаемую как движение снизу вверх, от пробужденного ампликатива к достижению промежуточной цели в точке построенного в результате подъема и осуществляющего данную цель труда. Жизнь этапа созидательного труда представляет движение поступательно-адвертивное, его вектор в модели следует определять в направлении полого-приподнимаемого кумулятивного продвижения вперед. Пологость при этом в нем создается удовлетворенностью и стабильной уверенностью в отношении достигнутого (счастья жить при построенном социализме), приподнимаемость – необходимостью это достигнутое, повторяя в последующем, развивать, кумуляция – накоплением, усилением и дальнейшим движением в повторяющихся социотемпоральных циклах (для поколений).

В связи со сказанным правомерен вопрос, имеет ли отношение к модулятиву, проигрывает ли в нем себя, жизнь как таковая, вне отмеченных и переходящих одно в другое пафосов революционной борьбы, социалистического строительства и созидательного труда? То есть жизнь всех вместе для масс, в том числе и советского, в первую очередь, общества, равно как и жизнь отдельного представителя в этом общем квантитативном и темпоральном континуумном массиве.

Модулятив такого ее отношения, такой проекции смысла жизни, можно представить, соотнеся ее с наиболее общей, своего рода матричной, моделью, идея которой сводится к прохождению всё тех же точек от некоего, в каждом случае могущего быть разным, начала (обусловленным смыслом этапа и смыслом вступающего в движение – все ли, один ли и кто тот один или

все) через дальнейшие опосредующие, также в значениях дифференцируемые по тем же принятым основаниям, к общему для всех и всего разрешению и концу. То есть идея была бы сводимой к всеобщему освобождению, понимаемому в модулятиве как социальностный оптимум, а точками прохождения были бы – от начавшего все продвижения в правильно ориентированной, верно заряженной точке (мы и я как продолжатели славного дела, проникнутые и подготовленные) через его расширение в приобщении и соответствующем воспитании чувств (братство, поддержка и помощь, чувство локтя и плотность рядов), через необходимый подъем (готовность жить ради дела и посвящать свою жизнь для него), через вхождение в необходимые для достижения поставленных целей сопряжения и сцепления, а, если надо, конфликт, и их преодоление, с тем чтобы, не останавливаясь и не успокаивая себя на достигнутом, двигаться дальше, к конечному достижению.

Предполагаемое не завершение предпринятого движения, как всеми данного экзистенциального состояния, так и кого-то из них отдельного одного, имеет в виду заложенную модель необходимость подхватываемого обращения (трансгрессирующий адвертив). Только такая жизнь всех и отдельно каждого имела бы в отношении советского патетизма модулятивный смысл.

Счастье (благо) и мир (чтобы не так подробно и только в одном аспекте), обусловленные и связанные отношением к представленной жизни, реализуют себя как осязаемая данность после второго этапа (построенного социализма) в третьем. До этого они, как правило, фигурируют как стремление, цель, то, что возможно и достижимо в будущем, часто ближайшем, которого необходимо добиться, построить, достичь, в борьбе, в бою, в совместном труде. Воспринимать их можно было бы – счастье в точке всеобщего завершения с ощущением всё того же положо-стабильного сопровождающего состояния устремления к нему, т.е. в проекции от разрешения в 5 (преодоление) и спокойно-уверенном поступательном переходе к позиции 6; мир – скорее в позиции расширения (но не этапа революционной борьбы, а

строительства – *мирное строительство, нам нужен мир, хотя бороться за мир*, но во имя возможности осуществления того же строительства), с распространяющим далее сопровождением следующего из расширения подъема (строительного и трудового) и самого труда (позиция бой-борьба для этапа первого), к полого-стабильному переходу и стыку со счастьем (счастье мирного созидательного труда, счастье в мире и мир всему миру как высшая форма необходимого обеспечения перехода к всеобщему, в мире, благу).

Показательным в этом случае представлялось бы восприятие первомайского лозунга *Мир, труд, май* – как того, что предопределяет, при своем достижении, и обеспечивает возможность идеи победы-труда (*трудова́я победа, победивший труд, трудовые армии, армия труда*, и с этим мир – как то, что противоположно войне, своего рода *победа* над ней, преодоление, отказ от нее), что, в свою очередь, открывает возможность идеи расцвета, достижения в будущем полноты, обретения сил, получения желаемого результата.

Тем самым, от амплификатива и сопровождения, обеспечения подъема и разрешения в точке труда (*мир*), через *труд*, начинающийся в точке победы и одоления с переходом к последующему в продвижении к венчающей цели, открывается новый путь от начала (1) расцвета, через его расширение (2) и подъем (3) ко всему дальнейшему, через точки 4 (одоление) и 5 (продвижение) к 6 (достижение).

Возникает круговоротное, обращаемое, поступательно-адвертивное ощущение неизменного постоянства и обновления нового (воспроизводство возобновления), о котором уже говорилось в связи с представлением жизни для пафоса созидательного труда. Май, равно как и мир, и труд, советского модулятивного восприятия, обладая подобного рода зарядом, следовало бы отнести к этапу, начавшемуся после определенного достижения (промежуточный эффектив финитного сукцессива), определяющему многое в собственном, развито-зрелом, сложившемся, устоявшемся, но не завершившем себя отношении. В определенном смысле это существенно, по этой причине, отличный

от предыдущих и поворотный этап, на который, не без интереса к невозможности его разрешения, стоило бы обратить внимание.

Патетизмы советского официоза в аспекте строения единиц

Последовательность необходимого перехода после победы в революционной борьбе к организации власти, способной открыть возможности реализации того, что заключается в советски ориентированном представлении о строительстве и труде, является тем основанием, которое можно воспринимать как объявленную модель исторически новой эры. Советский официальный и пропагандистский дискурс пронизан подобного рода высказываниями и представлениями. В сжатом виде мысль эту, как своего рода формулу, содержит следующая цитата из БСЭ (1955 г.): «Созданная и выкованная гением революции В.И. Лениным Коммунистическая партия привела советский народ к победе Великой Октябрьской социалистической революции, организовала диктатуру пролетариата, подняла к сознательному историческому творчеству многомиллионные массы трудящихся социалистической Родины, обеспечила построение социалистического общества и уверенно ведёт советский народ к коммунизму.» [т. 32, с. 177]

В.И. Ленин – Октябрьская социалистическая революция – Коммунистическая партия – советский народ – диктатура пролетариата – сознательное историческое творчество масс трудящихся – построение социалистического общества – коммунизм, – все эти организуемые определенным образом элементы в своем единстве и воплощают формулу, которая составляет основу и руководство к единственно верному действию. Опустим в ней те составляющие, которые можно было бы в их когнитивном, а с этим и патетизируемом, ключе развить в их собственных составляющих, ибо не парадигмы идейного историзма с возможностью перехода от одного социального состояния через другое к третьему нас будут интересовать. Ролевое и позиционное насыщение иницирующих, заряжающих, осуществляющих и целевых компонентов (Ленин, партия, революция, народ, диктатура, общество, социализм, коммунизм), точнее только самое общее представление об этом, как о том, что есть начало, что

завершение, что из чего, за чем следует и за собой ведет, необходимо будет лишь для того, чтобы представить место в этой последовательности того, что заключает в себе идея сознательного исторического творчества трудящихся масс и построения социалистического общества. Если еще точнее, то мысль о строительстве социализма и открывающейся с его построением фазе так называемого созидательного труда.

Важным в этом ряду будет то, что то и другое себя раскрывает, становясь необходимо возможным в желательной последующей реализации, с победой в революционной борьбе. Выстраиваемая последовательность «борьба, завершающаяся победой – строительство социализма, завершающееся его построением – созидательный труд, который ведет согласно принятой формуле к коммунизму» содержит пропорцию сходного соотношения:

борьба > победа
строительство > построение
созидательный труд > коммунизм

Из чего следует модулятивное сходство левых и правых ее составляющих. То есть, иными словами, между борьбой, строительством, созидательным трудом, с одной стороны, равно как победой, построением и коммунизмом, с другой, можно увидеть подобие когнитивно-идейного общего, содержащего также единый и общий патетизирующий заряд, единство которого обусловлено общей моделью трансгрессивно воспринимаемого историзма взаимосвязанных и переходящих одна в другую фаз. Переходящих одна в другую так, что каждая следующая представляет собой воплощенно-вбираемое отображение на новом этапе предшествующей другой, той, что себя, осуществив, завершила. В синтагматике такой исторической парадигмы это выглядит как своего рода перфективный консекутив – обусловленная последовательность, обеспечиваемая в своей поступательности реализацией предшествующего, результаты и смысл которого актуальны для настоящего, которое будет таким же перфективным результатом по отношению к будущему.

В связи со сказанным представляется не безразличным определить смысловое, а с этим, как следствие, тоновое сходство различий фаз, но только для левых частей пропорции, т.е. борьбы, строительства и созидательного труда.

Вернемся для этого к определению борьбы по МАС, представленному нами в трех своих соотношениях через заряженности взаимного исключения (мотивационно-интенциональную часть), столкновение (реализацию) и разрешение: «**2.** Активное столкновение противоположных общественных групп, противоположных направлений, интересов и т.д., в котором каждая сторона стремится получить господство, перевес.» В сопоставлении со строительством (социалистического общества), определяемом в МАС через процесс созидания, интересующая нас картина могла бы выглядеть следующим образом:

Строительство «**2.** перен.; чего или какое. Создание, построение, организация чего-л. *Колхозное строительство. Строительство советского государства. Строительство коммунизма.*»

Строить «**2.** (сов. построить) перен. Созидать, создавать. *Строить коммунизм. Строить свое счастье.*»

Создание «**1.** Действие по глаг. создать (в 1 и 2 знач.)»

Создать «**1.** Путем творческих усилий и труда дать существование чему-л., вызвать к жизни что-л. ... || Построить, возвести. ... **2.** Основать, организовать.»

Тем самым, строительство сводится к чему-то в мотивационно-интенциональной части (в определении этого не дано), что через творческие усилия и труд в части реализации приводит к возникновению, появлению (дать существование, вызвать к жизни) чего-то нового при разрешении (третья часть). В свою очередь, *труд*, определяясь как «целенаправленная деятельность человека, требующая умственного или физического напряжения; работа» (МАС), поскольку он *созидательный*, дает представление о чем-то, что должно лежать в основе указанной целенаправленности как его мотивация и интенция; о собственно деятельности с применением умственного и физического на-

пряжения для реализации; и о каком-то осуществлении, достижении результатов – создании задуманного, при разрешении.

Отличие между строительством (построением) и трудом, определяемым как созидательный, в первую очередь, виделось бы в разрешающей части, точнее в ее прорисовке. Для строительства предполагается при достижении нечто более явное и определенное: строить, чтобы построить *что*; в то время как созидательный труд, будучи составляющей частью строительства (в части реализации), предполагает, хотя и целенаправленную, но все же, в первую очередь, деятельность, требующую от человека (людей) напряжения. В своей семантике труд, таким образом, не обязательно имеет в закладываемой для него идее создание как вызывание к жизни чего-л. нового. Иными словами, если строительство необходимо предполагает труд, то труд далеко не всегда и не обязательно предполагает строительство ни в мотивационно-интенциональной части, ни в части реализации, ни в своем разрешении. Подобное уточнение для того и другого, т.е. строительства и созидательного труда, для нас будет иметь модулятивный смысл патетизма, с одной стороны, отмечая фазы (борьбы, строительства и созидательного труда), а с другой, переключаясь в этих фазах и с их модулирующей семантикой в отношения и тоновый смысл ингрессии и трансгрессии, полагаемых нами в мотивы порыва и перенесения для советского патетизма.

Модуль определяемой нами в своей изначально-исходной и затем прорабатываемой как тональный смысл идеи исследуемой патетической сферы, реализуемой в текстах советского официоза, постоянно сводится к трем согласуемым составляющим, переходящим одна в другую в своем историзме. И эти три составляющих, будучи тоново увлекающими смысловыми мотивами (в ингрессии и трансгрессии), с одной стороны, регулируют значения-смыслы используемых для задач соответствующего им патетизма лексических единиц, а с другой, делают их одновременно важными и не важными в их собственных семантических проявлениях. Важными как элементы необходимого тоново-смыслового и переходящего в своих фазах от одно-

го к другому состава. И не важными, фактически в том же ключе и по той же причине, – как выразители тона и смысла состава, т.е. важные не в своем собственном, а тематически-тоновом объявлении, как не противоречащие, а согласующиеся, гармонирующие и конгруэнтные. К общему, в трех своих фазах вверх и вперед продвигаемому, тону и смыслу. По этой причине и важно, и одновременно не важно, борьба или труд, строительство или борьба, труд или строительство. И по этой причине может быть важно (тоновым смыслом, ибо он нас интересует) то, что труд созидательный, а не вообще, строительство коммунистическое, борьба революционная и т.п. Но об этом несколько позже.

Представим, в связи со сказанным и в его продолжение, что борьба, строительство и созидательный труд, будучи фазами одного и того же, а также имея, каждое, в себе те же фазы, как индивидуальные смыслы, как единицы, не различимы. Передавая и выражая собою что-то, они выполняют роль того, что делает воспринимаемым это что-то. Отвлекаясь от слов (поскольку вообще без слов невозможным было бы это что-то каким-то образом обозначить и выразить), с помощью более отвлеченных слов, попробуем себе это что-то представить. Цель подобного представления состоять будет в том, чтобы увидеть и вывести, что в конечном итоге объединяет и различает то, что выбранные слова-мотивы (борьба, строительство, созидательный труд) отображают, не столько сами собой, сколько в силу своего подключения к должествующему быть доступным для восприятия тоново-смысловому составу. Используем для подобного представления определители, с которыми уже пришлось иметь дело при описании смысла борьбы.

Речь пойдет о таком развитии некоего имеющегося первоначально исходного, обозначим его как состояние X, которое предполагает необходимость преобразующего, изменяющего его исходный характер, т.е. воздействующего на него, участия со стороны желательно все более расширяющегося и подключаемого множества человеческих единиц, ведущего в своем устремлении к изменению имеющегося состояния X в достигаемое

новое (т.е. еще не имеющееся, а с достижением перестающее достигаться новым быть) состояние Y . О чем-то таком, хотя и в несколько ином повороте, впрочем, уже говорилось. Здесь нас будет оно, это устремление к достижению, в еще одном своем представлении интересоваться. Как выражаемое фаз, способных влиять на характер тоново-смыслового устройства интересующих нас единиц советского, строительного по своему характеру, патетизма.

Между состоянием X и состоянием Y , тем самым, проходит путь, обеспечиваемый в своей поэтапной последовательности организованными и направляемыми в нужное русло усилиями всё большего числа подключаемых к общему продвижению и участию представителей. Состояние X и состояние Y , имея общее по своей природе значение с теми, кто их составляет (для X) и осуществляет (для Y), т.е. с массой-числом представителей, замыкают представленную в подобном развитии-переходе тройственную идею (для состояния X , состояния Y и массы-числа) на себе самих, имея целью их самоусовершенствование, при котором с достижением состояния Y состояние X прекращает существовать, а без этого состояние Y не существует, с одной стороны, и то же для действующей и осуществляющей всё это также и массы-числа, с другой стороны. С достижением ею того состояния, которое оно для себя же осуществляет само, оно, то исходное и как исходное, прекращает существовать, не существуя как существующее в осуществляемом им же самим состоянии. То же касается и трех проходимых в своем переходном развитии фаз: с достижением каждой очередной и последующей утрачивается значение и смысл предыдущей, при сохранении общего, их последовательно погашающего и с их помощью и на их основе осуществляемого смысла.

По этой причине борьба, предстающая как борьба на каком-то одном, предшествующем, этапе, на последующем по отношению к тому предшествующему, уже выражает себя как строительство, а строительство – это то же, что и борьба, но на этапе раньше, борьба – это часть строительства, а то, в свою очередь, часть борьбы, которая и которое, оба, суть часть того,

что есть созидательный труд, который есть частью борьбы и строительства. Отличия между ними как между словами фактически нет, и оно не суть важно, хотя есть отличие в том, что с ними связывается и что они способны и могут в отдельных необходимых случаях собой выражать.

Рассмотрим эти тоново-смысловые этапы, которые могут себя выражать при посредстве подвижно ориентируемых, а потому релятивных к советскому патетизму слов. Основу этих трех названных и определяемых далее фаз-проявлений составляет, как можно было заметить, некоторая совместная деятельность, особенности и характер которой и следует описать. Опираясь на смысл представленной ранее борьбы, в качестве одной из таких составляющих общего можно было бы выводить активность, проявляющуюся во взаимно-совместном действовании (центральное, осевое смысла) и ведущую через воздействующее на какой-то сопротивляющийся материал преодоление (для борьбы это был признак конфликтности) к достижению желаемого результата (состояние Y), состоящего в получении некоего проецируемого желаемого для участвующих. На пути от состояния X к состоянию Y, тем самым, должно быть нечто, что сопротивляется, составляет препятствие и что поэтому следует преодолеть. Залогом этого преодоления и достижения нового, измененного состояния Y для всех участников должно быть единство, совместность, взаимность и целостность, прилагаемых к преодолению препятствующего сопротивления усилий. Активность, следовательно, должна быть направлена в две стороны – на расширение действующей совместно массы числа, ее укрепление в этом единстве, т.е., тем самым, сплочение (в этом первом необходимо отметить действие силы, направленной от себя и затем в себя, расширение – сжатие) и на того и то, что составляет объект, материал и силу сопротивления.

Общая схема рассматриваемого – борьба > строительство > созидательный труд – предполагает объединяемые общими целями и интересами все более в своей перспективе растущие и расширяющиеся общественные слои, поставленные перед лицом

противодействующих этим целям и интересам идейных и материальных объектов, объединенных, равно как и индивидуальных, сопротивление которых необходимо преодолеть, для того чтобы добиться, достичь в результате желаемого. Используя схему представленной ранее борьбы, показать это можно было бы приблизительно следующим образом:

Заряженности взаимного			Столкновение		Разрешение	
подключения			(реализация)			
(мотивации и интенции)						
цели			активность		стремление	
объединение	обществ. слои	противодействующие	действие	воздействие	достижение	преодоление
интересы			совместность		получение	

Характер воздействия на данную схему в ее составляющих, с тем чтобы запустить ее в ход, состоял бы в необходимости а) подключающего расширения-сжатия того, что определяется как общественные слои, – пробуждение к действию, заряджение, генерация мобильной способности общественной массы (мобилизация); б) объектного направления пробужденной активной способности на преодоление заложенного в объектах сопротивления и в) использования этой способности в действии для достижения желаемого результата.

Мобилизация, направление и использование, составляя основу, константное, в своих значениях и реализациях могут быть переменными, зависящими от того и тех, кто стремится воздействовать, запуская данную схему в ее движение, ход. Поэтому и борьба, характеризующаяся как революционная, революционность которой состоит в объявляемой необходимости резкого изменения существующего, и строительство, называемое коммунистическим, а тем самым, ведущим к созданию социального равенства, и труд, который, будучи созидательным, объявляется как формирующий это новое, – все это можно рассматри-

вать в конечном итоге как мотивирующие мобилизации, направления и использования запускаемых в действие общественных сил.

Задача, смысл и залог успешного действия запускающих, таким образом, состоит в формировании ими внешних и внутренних условий для мотивации действия запускаемых. Таких условий, которые предполагают возможность единственно допустимого проявления для них в необходимо желательном для запускающих направлении, формируя для этого некий необходимый общественно требуемый, востребованный, конститутив как совокупность определяющих путь перехода от состояния X к состоянию Y мотивировочных признаков.

К этим признакам следует отнести (по схеме) то, что служит объединению, что объясняет цели и интересы и определяет общественные слои, мобилизуя на этой основе тех, кого запускающие предназначают к дальнейшему проявлению в действии. На двух концах, левом и правом, этой мобилизующей части схемы имелось бы то, что составляет единство в общем (тождественность) перед лицом другого, противопоставляемого как противоположное (контрарность). Единство в общем (тождественность) достигалось бы формированием представления о принадлежности к тем, для кого неудовлетворенность своим пребыванием в состоянии X возможно-желательно в своем переходе к удовлетворяющему всех их и каждого состоянию Y и для кого на пути перехода к желаемому стоит как препятствие некий объект – социальный, материальный и временной, который необходимо и следует совместным усилием преодолеть.

Описание мобилизующей части модели

Попробуем ограничиться в дальнейшем предполагаемом описании изучаемых единиц этой мобилизующей частью схемы, поскольку то, что касается в ней столкновения (реализации) и разрешения, можно рассматривать для языка и слов не как его и их реальное, а как еще одно мотивирующее для повторяемого, усиливаемого и поддерживаемого запуска все той же схемы в ее

заряженности – зарядении к желаемому достижению. Иными словами, о чем уже, впрочем, было сказано, достижение чего-то в заложенной фазе, этапе, становится основанием следующей фазы, этапа. Становясь достигнутым, перестает быть тем, что надо достигнуть, ложась в него (в то, что надо достигнуть) основанием мобилизующей мотивации. С точки зрения интересующего нас в своем проявлении смысла речь идет об обращении, т.е. о возвращении постоянно в этапах к начальной точке мобилизующего и мотивирующего исхода, неизменно и вновь запускающего в повторяемое действие направленного использования все тот же общественно-массовый объединяемо-расширяемый круговорот.

Тем самым, в своем результате для схемы, мы будем иметь конститутив мотивировочных признаков, составляемых из отождествляющих и противопологающих оснований, расходящихся далее в группы 1) интенции (цели и интересы); 2) субъекты (движущие(ся) и движимые люди, общественные слои и массы); 3) объекты (то, на что надо воздействовать, чтобы использовать, перерабатывать, обрабатывать, изменять или преодолевать). Раскладывалось бы все это в следующем виде:

- отождествляющие / противоборствующие интенции: Ident / Contr (Intenc);

- субъекты отождествления / противоборствования: Ident / Contr (Subj);

- объекты сотрудничества / преодоления: Ident / Contr (Obj).

Намерения, или интенции, как цели и интересы, составляли бы собственно мотивирующую часть, субъекты в их действии – реализующую, а объекты – реализуемую, или проекцию. Рассматривавшиеся значения революционной борьбы, коммунистического строительства и созидательного труда лежали бы в данной схеме в области отождествляющего взаимного действия для участвующих как задействуемых субъектов (Ident Subj), с тем отличием, что для первого (для борьбы) это было бы далее столкновением с субъектами противоборствующего в их интенциях преодоления (/Contr Intenc /Contr Subj); для второго

(строительства) – отождествляющего в своих интенциях сотрудничества во имя равенства (Ident Intenc_Ident Obj>Subj); для третьего (созидательного труда) – отождествляющего в своих интенциях преодоления в созидании нового через усилия преобразующего прежнее напряжения (Ident Intenc /Contr Obj<Subj). На основе чего рождался бы мобилизующий пафос их объединяемого сжатия – через идею связывающего в сцепке перед лицом другого противоборствующего для его одоления и тем сохранения себя (революционная борьба), через идею необходимости совмещаемых усилий в созидании социального равенства (коммунистическое строительство), через идею создания нового в напряжении общего как единого и совместного каждого и для всех (созидательный труд).

Обратимся теперь непосредственно к материалу, с тем чтобы постараться вывести вероятные для советского патетизма особенности (модели) организации, построения, единиц, с учетом возможного их отношения к представленной схеме. Парадигматику предполагаемого в этом случае описания можно представить в виде устройства, подобного грамматическому, в котором все единицы, первоначально подразделяясь на классы, в последующем уточняют свою семантику в категориях, проецирующих себя в значениях, обнаруживаемых и проявляемых в грамматических формах. Такими формами были бы патетизмы советского официального языка, т.е. устойчивые словосочетания и слова, закрепленные в этом языке в своей им приписываемой, хотя бы и не всегда до конца прорисовываемой и ясной, семантике. В качестве классов – принятые интенциональные, субъектно задействуемые и объектно-проекционные проявления в их актантных (для отождествления) и предикатных (противоборства-преодоления) позиционных расположениях. Категории в их значениях, по типу и принципу грамматических, следует вывести.

Каждая единица, как форма, тем самым, могла бы описываться в итоге типологически, на основании признаков, объединяющих ее с другими, подобными ей, и отличающими ее от каких-то иных, не подобных. Характеризуемый здесь механизм

служил бы при этом не столько ее семантическому, как единицы вербальной и языка, представлению, сколько, и в этом и состояла задача, как единицы интересующего и разбираемого модулятива – тоново-смыслового континуума советского официоза, проявляющего себя в описанных ранее ингрессии, трансгрессии и эксклюзива, к которым впоследствии предполагается возвратиться, с тем чтобы показать их действие в отношении анализируемых единиц. Равно как и то, каким образом эти самые патетизмы проявляют в себе и поддерживают на них опирающийся и себя через них проявляющий модулятив.

Для начала рассмотрим ряд таких единиц с позиции интересующего нас парадигматического устройства. Существенным признаком советского патетизма является, как уже говорилось, передаваемая с помощью гиперболизации и суперлатива эксклюзивность, регулярно подчеркиваемая вербальными средствами исключительность. Отсюда обилие построений с такими определениями, как *небывалый (рост, урожай, трудовые показатели, успехи, развитие, темпы, возможности), невиданный (прогресс, расцвет, размах, урожаи, в истории скачок, успехи), недостижимые (темпы роста производительных сил), незыблемый (принцип, союз рабочего класса и крестьянства, единство и сплоченность рядов, почва), незыблемость (ленинского принципа, подхода, партийного руководства, соблюдения интересов рабочего класса), неизбежность (краха капитализма, победы социализма), историческая неизбежность коммунизма, неиссякаемый (сила, энергия масс, вера в свои силы, источник развития творческих сил), неисчерпаемый (сила, источник сознательного творчества масс), немеркнущий (пример, идеал, имя), а также безграничный, беззаветный, бессмертный, безмерный, высокий, верный, всемерный, вечный, всепобеждающий, гениальный, гигантский, славный и пр.*

Характеризующая их эксклюзивность, служащая ингрессивной трансгрессии, опирается на семантику, распространяемую далее в отношении чего-то, что небезразлично, поскольку значимо, для состава интересующего нас построения. Небезразлично, иными словами, то, что *рост, урожай, трудовые пока-*

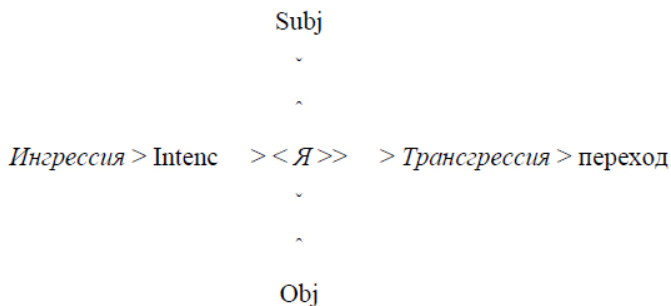
затели, успехи, развитие, темпы, возможности, прогресс, расцвет, размах и т.п., которые значимы в отношении утверждаемого с их помощью факта. Важно в таком заявлении, что они есть, этот рост, урожай, показатели, их наличие в их утверждении позитивно, но без эксклюзивности, как представление одного только факта, не порывает, не действует мобилизующе, не организует и не направляет. То есть оказывается не ингрессивным. К фактологическим, утверждающим, распространителям мы еще обратимся, рассмотрев для начала те единицы, которые, будучи эксклюзивны, передавая значение исключительности, вместе с тем содержат нечто парадигматическое также в себе, т.е. служат распространению и подключению не только тона, но также и смысла – воздействующей и постоянно воспроизводимой в сознании воспринимающего модели.

Небывалый, невиданный, недостижимый, безграничный, безмерный и пр., помимо содержащейся в них исключительности в отношении чего-то, находящегося за пределами данного, – *небывалый, невиданный, недостижимый* по сравнению с чем-то другим, выделяющийся в своей исключительности в сопоставлении с ним, что бывало, и видано, и досягаемо, и ограничено, – помимо этой сопоставительности, каждое подобное слово вместе с тем входит и вписывается в модель, определяя и распространяя ее в ее семантике.

Опираясь на выделенные ранее интенциональные, субъектные и объектные составляющие отождествления и противоборствования, без возможного далее погружения в смысл, *небывалый* можно было бы отнести к точке *Contr Obj* – как такой, который, предполагая внутреннюю идею противопоставления-противоборствования чему-то, что следовало, чтобы достигнуть как небывалое, перебороть и преодолеть, распространяет ее на подлежащее переделке внешнее, на перебарываемый, одолеваемый в его сопротивлении объект. К той же классифицирующей группе можно было бы отнести *невиданный* (как такой, который, предполагая идею объектного противопоставления, распространяет ее на достигнутый результат) и *недостижимый* (с подобным значением). *Незыблемый, неиссякаемый, неисчерпаемый* отно-

сились бы, соответственно, к точке Ident Subj – как такой, который, предполагая идеей отождествление, проявляет себя в объявляемых как исключительные особенностях внутреннего субъектного применительно к свойствам того, что считается неисчерпаемым, неиссякаемым и незыблемым. В свою очередь, то, что следует воспринимать под *немеркнущим* и *неизбежным*, в их отношении к сфере интенционального, в проявлении следует развести: первое относилось бы к точке отождествления (Ident Intenc), второе – противопоставленности (Contr Intenc).

Механизм, стоящий за продуцированием определяемых в данных случаях модулятивных смыслов, можно сводить к идее некоего проецирующего себя «Я», которое воплощается в результате такой проекции в организуемые им значения а) тождественного себе (отождествляемого с собой, идентифицируемого, включаемого в себя) внешнего для Ident Obj; б) тождественного себе, отождествляемого с собой, а потому и своего, освоенного и присвоенного внутреннего (внешнего внутреннего) для Ident Subj; в) идентифицируемого с собой, включаемого в себя и распознаваемого как свое и свойственное себе интенционального для Ident Intenc. Равным образом как такие же а, б и в для контрарного, т.е. противопоставленного, в виде Contr Obj, Contr Subj и Contr Intenc. Что порождает в итоге для первого ингрессию втягивания и трансгрессию преодоления для второго в совместный для них переход:

Модулятивные смыслы способны далее в своих сочетаниях осложняться в таких отношениях, скажем, как отождествляемое внутреннего противопоставления внешнего (Ident[ContrSubj]Obj) – применительно к людям или явлениям внешнего своего, но ему, как своему, внутренне чуждому, а потому противопоставляемому, с которым необходимо бороться и которое следует преодолевать (не свои, не советские люди или явления). Возможно также, наоборот, как внешне противопоставляемое внутреннего, т.е. субъектного, отождествления (Contr[IdentSubj]Obj) – явления и люди зарубежных, прежде всего капиталистических, стран, обнаруживающие свое с советскими сходство (национально-освободительные движения, пролетарские революции, угнетенные народы, рабочий класс зарубежных стран и т.п.).

В ряде случаев (если почти не всегда) не столь важно, какими словами именно будет выражен передаваемый модулятивный смысл (хотя такие слова проявляют тенденцию к своей к нему закрепленности) – будет ли это *невиданный*, *небывалый* или *недосягаемый* рост, прогресс, подъем, поскольку в первую очередь и для того же модулятивного восприятия важно, что он, этот рост, прогресс, подъем, определяясь как Ident Subj эксклюзива, вписывается по этому основанию в модель и призван поэтому вызывать соответствующий и повторяющийся, привычный, ингрессивно ориентированный отклик у воспринимающего.

По этой причине вполне правомерным было бы такое представление о данной модели и такое поэтому ее описание, которое типичны для нее модулятивные смыслы могло воплощать в их оторванной от вербального отражения идее. Вербальное же накладывалось, ассоциировалось, апперцепировалось бы впоследствии к ней. Процесс этот, впрочем, имеет значение и способен быть представляемым в обратном движении – от вербального, формирующего в своем упрощении, усложнении, измененном смещении, рассматриваемую нами модель.

Связано всё это данное как механизм с таким представлением о модели, которое предполагает как бы отдельным су-

ществование когнитивное, в сознании и продуцирующем восприятии, и собственно языковое, или вербальное, не обязательно требующее, все в том же сознании и продуцирующем восприятии, актуализации смыслом. Привычные для восприятия единицы существуют в голове воспринимающих без осознания не то чтобы полного, но даже необходимо достаточного значения, как знаковые, маркированные мотивы, своего рода темы и тоны привычного знания и такой же привычной, знакомой ориентации.

Это еще одна из особенностей, на сей раз ориентирующая, включающая в свой ингрессив, модулятивно оформленных единиц патетизма, о которой, впрочем, уже говорилось, хотя и с другой стороны. В данном месте, однако, мы не будем углубляться в эту особенность, лишь попутно отметив ее, сконцентрировавшись на когнитивной, пусть и не полностью воспринимаемой, точнее при восприятии не актуализируемой, стороне (неважно, в какой именно мере неполной такая актуализация может происходить). Недостаточно осознаваемая или мало осознаваемая, а точнее нейтрализуемая, погашенная, при восприятии данная сторона потребует нам для того, чтобы представить возможный, хотя и скрытый, механизм оформления смыслом исследуемых единиц, в отрыве, первоначально, от вербализующей его стороны. Получаемая при таком рассмотрении когнитивная схема послужит в дальнейшем задаче предполагаемого описания уже собственно вербализованных единиц патетизма. В отвлечении от этой вербальной как оформляющей стороны идея поиска состояла бы и сводилась к установлению (предполагаемому как возможному) того, на какие свои составляющие, способные далее себя для сознания воплощать, разделялись бы выделенные нами ранее интенциональные и субъектно-объектные классы в их отношениях к отождествлению (сотрудничеству) или контрарности (противоборствованию). Попробуем ограничить себя для этого какими-то крайне простыми, ассоциирующимися, но лишь по духу и внешности, с семантическими примитивами (в понимании А. Вежбицкой), семантическими множителями, семными признаками и т.п., используемы-

ми в компонентном анализе. Мысль о которых, их формирующая идея, однако же, будет инициироваться чем-то иным. Не тем, что принято в компонентном анализе как механизм наиболее полного и точного описания, позволяющий на основе чего-то единого, общепонятного и простого, категориально-последовательно выстраивать и описывать некую предметно-понятийную область, некоторый семантический мир. Мысль о них будет сводиться к идее того, что движет сознанием при подключении, при использовании его как часть чего-то общего, большего и (по замыслу) привлекательного, призываемого, создаваемого для того, чтобы всех возможных и допускаемых вверх и вперед за собой увлекать (механизм характеризуемого модулятива).

Таким движущим будет исходно заложенный в определяемой модели механизм притягивания и отталкивания, что понятно и дополнительных объяснений в данном месте не требует. Притягивание будет основываться на идее отождествления – себя отдельного с себя другого, отталкивание же – на разотождествлении себя с другим, в своем устройстве таким же Я, но другой и противоположной отдельности и совокупности в его тождестве, не тождественном своему. От этого, от притягивания и отталкивания, необходимо далее переходить к их проекциям в интенциональной, субъектной и объектной части (применяясь к модели), с тем чтобы еще далее к тому, что способно себя обнаруживать и проявлять для этого первого, второго и третьего.

Смысловую основу искомого выводимого нами устройства составляет, тем самым, довольно простая мысль о том, что существуют, имеются некоторые, такие же по своей природе, по роду и виду, как «Я», одни из которых, будучи близкими мне, образуют единство и множество, к которому следует относить и мое это «Я», и поэтому должны восприниматься мной на основе идентификации как мое единство и множество, в то время как такие же внешне другие – как единство и тождество противоположно-контрарное, противодействующее и отнюдь, далеко не мое. Существуют также объекты внешнего, одни из которых, втягиваясь в сферу действия, проявления и влияния моего «Я» и

таких, как «Я», составляют основу приложения наших совместных сил и сотрудничества. В то время как другие объекты, внешне подобные, будучи в сфере действия таких же не наших и противоположных субъектных сил, воспринимаются нами, должны восприниматься мной и такими, как я, другими, каким-то существенным образом по-другому, а то, каким именно, составляет основу дифференцирующего, квалифицирующего отношения к ним. Поскольку объекты внешнего трансдуктивны, способны сферы воздействующего на них субъектного изменять (субъекты отчасти тоже, но для них это будет выглядеть совершенно иначе). И, наконец, запускает в ход все это, и субъектное, и объектное, некая интенциональная того и другого сторона и часть, воплощающая в себе намерения и целевую направленность проявляемого действия, исходящего в своей идее и воплощении от субъекта с обращенностью на объект.

Выстраивание всего этого в возможных его составляющих могло бы дать образ советской картины мира в ее идейно ориентированной составляющей, с представлением тех, кто служит основой и материалом поступательного движения истории с переходом всего человечества к коммунизму, равно как и тех, кто этому переходу, мешая, сопротивляется, с такой же проекцией на объекты того и другого и таким же образом организуемую интенциональную часть. Однако не в этом, как уже говорилось, состояла наша задача, а в модулирующем всё это отвлечении к подключенному ингрессиву (понимая при этом, что без этого первого, идейно ориентированного представления о действительности, невозможно понять и представить второе, т.е. его модуляцию).

Интенциональную модулятивную часть, в связи со сказанным, попробуем рассмотреть в отношении идеи надежности. Говоримое, то, на что направляют, к чему призывают, что должно составлять основу желаемых объединяющих проявлений и действий со стороны реальных и потенциальных участников разворачивающегося и направляемого исторического события-действия, должно вызывать у них ощущение, чувство, уверенность, гарантировать прочность и неизменность как в отношении

некоего исхода и основания, так и в дальнейшем, в реализации, в условиях осуществления и с несомненностью предлагаемого достижения. То есть, тем самым, и здесь можно выделить тройственность мотивирующего исхода и основания (1), осуществления (2) и достижения (3), имея в виду примитивную простоту рассматриваемого воздействующего устройства. В отношении надежной прочности того, другого и третьего это можно было бы видеть как своеобразный фундаментатив (праведность, истинность, правильность и обоснованная единственность следующих из этого притязаний) для первого; как неотвратимый реализатив для второго (несомнительная действительность и реализуемость осуществляемого) и как необратимый континуатив для третьего с неизбежностью наступления (лат. *contínuo* 'следовать по пятам', 'наступать непосредственно за чем-л.', *contínuus* 'продолжающийся без перерыва, бесперебойный, безостановочный, непрерывный, сплошной', 'неизменный, постоянный', *contínuo* 'соединять непосредственно, связывать, примыкать, смыкать' и *contínuo adv.* 'немедленно, тотчас, вслед за, тут же, непосредственно после').

Характеризуемая тройственность видится как основа всего устройства, как своеобразный его валентностный форматив, объявляемый в связываемых друг с другом и следующих одно из другого тактах. Такты эти, будучи проявлениями начала, подхватываемого продолжения и завершения, т.е. тактами некоего продвижения вперед, в каждом отдельном для себя случае могут быть представимы по-разному, при условии необходимости проективного отношения к тому, что они проявляют, равно как и определенной связи между собой. То есть каждый раз речь шла бы о том, чтобы найти и определить в значениях характер исходно единого механизма.

Говоря о самом механизме, лежащем в основе рассматриваемой модели, видящемся как некий пускающий в ход ее составляющие импульсив, подталкивающий их и, воздействуя на сознание втягиваемых в это движение участников, призванный их организовывать в этом движении и направлять, – говоря о таком механизме, его следует представлять как способный к

валентному раздвижению. Сворачиванию и разворачиванию, проявляемым в способности, вдвигаться и раздвигаться, что отчасти может быть уподоблено идее притягивания и отталкивания, лежащей в основе определенного ранее отождествления и разотождествления для субъектов, объектов и интенциональности в рассматриваемой модели. Отчасти в том отношении, что то и другое, подверженное тому, что в своем проявлении, может быть уподоблено пульсации или толчку со сменяющимися друг друга энергетическим, силовым выдвиганием и западанием с последующим выдвиганием и западанием и т.д., предполагающими, с каждым таким проталкиванием, поступательное, в шаге, движение, продвижение, по своей мысли, вперед.

Тем самым, в итоге, начальная точка 1, как таковая условно воспринимаемая, выдвигается далее в точку 2, а затем западает, но как бы в свернутом для себя подключении с точкой 2, будучи точкой 1 со следами, значениями, свойствами 2, и затем, выдвигаясь, развертывается, способна развертываться либо в проекцию 1 – 2 – 3, проявляя значения 2, либо в проекцию 1(2) – 3, но возможную восприниматься как 2, поскольку значения 2 в 1 могут себя не обнаруживать, будучи свернуты, т.е. фактически снова 1 – 2, хотя 2 в этом случае будет другого значения, либо в проекцию (1)2 – 3, где 1 выступает как заслоненное признаками 2 для себя, т.е., при отвлечении либо недопонимании, не осознании 1, как 2 – 3, которое может восприниматься поэтому и как 1 – 2 и даже как 1 – 3.

Модель эта, с учетом значимой для нашей задачи трехфазы, выглядела бы в уже представлявшемся виде (для революционной борьбы, социалистического строительства и созидательного труда) с пятью позициями предшествующего (I), пятью реализующего (II) и пятью результирующего (III):

	I		II		III	
	4		4		4	
1	3	5(1)	3	5(1)	3	5
	2		2		2	

Причем две рядом находящиеся на переходах от I к II и от II к III точки 5(1) могут быть как тождественными, т.е. полностью совпадающими, так и не тождественными или не вполне тождественными себе, находясь в отношениях взаимосвязи и импульсного перехода от левой к правой по ходу движения в схеме.

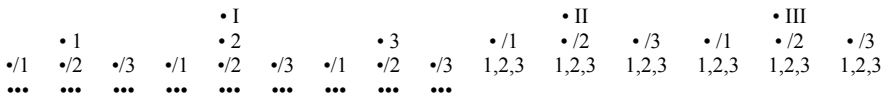
Дифференциация видов моделей

Примем эту модель за исходную и описывающую, лежащую в основании целого и его составляющих. Целым будем считать идейно определяемую и насыщаемую модель советского официозного представления о действительности (не входя пока что в подробности более точного ее означения). Ее составляющими будут фрагменты какого-то представления данного целого, т.е. части концептуального подразделения всё той же действительности (без определения также пока что для них, ибо все это будет задачей дальнейшего), равно как и те единицы, которые, будучи избраны как предмет рассмотрения, определяются нами как патетизмы советского официоза.

Означениями и смысловым описанием данной модели, т.е. значениями точек в их взаимных позициях и отношениях, займемся в дальнейшем, при определении референциальных (соотносимых с представлениями о действительности) смыслов характеризуемых единиц-патетизмов. Здесь же нас будет интересовать то, что было названо ингрессивной, т.е. втягивающей, своего рода тоновой, составляющей смысла для целого и его единиц, хотя то и другое, тоновую и референциальную составляющую определяемого смысла, скорее условно в них можно было бы разделить.

Закладываемой на данном этапе исследования особенностью следовало бы считать наличие, помимо описывающей модели представленной в схеме трехтактного продвижения, с ее изменчиво-переменной, сворачивающейся и разворачивающейся, своего рода телескопической, импульсацией, еще одной, также описывающей, находящейся как бы над ней, ее в себя

подключающей, вписывающей, но действующей и организованной несколько по-другому. Основу этой еще одной, так же как и импульсирующей, составляет тройственность, или трехчастность, но проявляющая себя в фиксированном, стабильно устроенном и квалифицирующем виде. Для наглядности представления, в точках, ее можно условно представить не в горизонтали, а в вертикали, с максимально достаточным погружением на четыре уровня в глубину. Каждая возможная точка (на первом уровне их было бы три), имея проекцией три последующих, из которых каждая, в свою очередь, свои дальнейшие три, в соединении целого представляла бы то, что принято обозначать как схему цепной реакции:

Верхние, по горизонтали, точки соответствовали бы тому, что было уже представлено ранее как интенциональное (I), субъектное (II) и объектное (III), а три последующих от первой – как фундаментатив (1), реализатив (2) и континуатив (3). Особенностью, которую можно бы также воспринимать как закладываемую и избранную (о чем, впрочем, уже говорилось), является повторяемость трехчастного проявления, представляемого в виде движения в фазах начала, его продолжения в реализации и завершения в достигаемом. Трехчастность отчасти условная, способная к расширению в последующих точках от одного до трех, в комбинациях дающая виды от одного до пяти для данности, т.е. чего-либо одного, сочетающегося с таким же другим, проявляемым в том же виде от одного до пяти, для проекции большего – какой-то части или фрагмента целого, имеющего свое значение и смысл. И одновременно трехчастность, обозначающая для определяемого случая, то, что было ранее названо нами как тоновый смысл, т.е. тот не полностью референциальный, действующий как побудительный, смысл мотивации подключения к общему, индуцирования и ингрессии в отношении рассматриваемой модели.

Заданием для описания, исходя из сказанного, применительно к вертикальной, т.е. фиксированной, части характеризуемого устройства было бы, таким образом, представление смыслов точек, идущих далее вглубь по уровням от 1, 2, 3 для I, и также /1, /2, /3 для II и для III, с проекцией вниз для каждого уровня, с получением в конечном итоге 27-ми на нижнем, четвертом, в отношении каждой из верхних трех. Поскольку задача подобного рода выглядела бы слишком подробной и обстоятельной, а потому непростой для своей демонстрации и восприятия, ограничимся фрагментарным ее представлением. Важным будет для нас в этом случае объяснение самого механизма подобного действия с возможным его отражением в патетизмах советского официоза как вербальных его воплощениях, того механизма, который и составляет их, патетизмов, внутреннюю основу, не явную для сознания, хотя и проявляющую себя в нем.

В данном месте имело бы смыслом припомнить о диалектичности когнитивно-ментального и ментально-языкового, характеризуемой в категориях сознания и языкового сознания. Однако мы отвлечемся от этого философского уточнения, находящегося за пределами наших задач, имея это в виду, но не углубляясь в теорию, постаравшись представить то и другое в каких-то наглядных формах, имеющих отношение к разбираемому материалу и прямо следующих из него. Задаваясь при этом вопросом не разграничения как такового, а более точного и последовательного описания исследуемых языковых единиц, сложность устройства которых как языковых единиц, точнее было бы говорить их смысловая вербальная двойственность и не простота, состоит, для сознания, понимания и восприятия, в том, что, с одной стороны, они выступают ментальными единицами проявления какого-то когнитивно-оценочного, тоново-смыслового устройства, ориентированного на ингрессивную побудительность своего, для него и себя, адресата. А с другой, они же являются единицами собственно языковыми, каким-то определенным образом организованного языка, охарактеризованного нами для заданных целей как язык советского официоза, в том его проявлении, той проекции, которая прямо связывается с типич-

ным для него патетизмом (к чему еще предстоит обратиться в дальнейшем). Тем патетизмом, который интересовал нас не столько в отношении своей пафосно определяемой приподнятости, того пафоса и той оптимистически безоглядной приподнятости, которая в идее и духе своем должна быть представлена как типично советская (от чего, однако, вовсе не следует при анализе отходить), сколько как втягивающий в трансгрессию перехода и переноса к будущему, порывающий и отрывающий от настоящего и от окружения ингрессив (о чем также уже говорилось). Исходя из сказанного и на этой основе определялся тот интерес, который составил основу предпринятого исследования, и в этом исходно определяющем аспектуальном ключе будет производиться определение рассматриваемых единиц.

Обратимся еще раз для этого к представленным как вертикальная и горизонтальная схемам, с тем чтобы уточнить их отношение друг к другу и возможные роли при описании смыслов, воспринимаемых как ментальные единицы советски устроенного сознания и как когнитивно-вербальные тоново-смысловые единицы соответствующей части (патетизма официоза) советского языка.

Четыре уровня вертикальной, включающей, схемы, логику их деления на четыре, равно как и соотношения уровней, можно продемонстрировать на примере, который в характере грамматически-категориального представления раскрывал бы значения для языкового сознания того, что и как понимается и воспринимается из воплощенного в слове.

Задумаемся для этого над вопросом, чем отличается грамматически-категориально то, что заложено в представлениях, передаваемых, скажем, такими словами, как *студент*, *слон* и *стол*, с одной стороны, от *студент* и *студенты*, *студента*, *студентов* и т.п., с другой. Категории, их отличающие, характеризуют в грамматике как классифицирующие (для первого ряда) и словоизменяемые (для второго). Покажем это, однако, в интересующем нас оформлении и ключе. Представление, заключаемое в студенте, отличается от того, что заложено в слоне и столе, в отношении сначала общих для них 1) предметности и

2) конкретности и затем, отделяющей первые два от стола 3) одушевленности и, наконец, студента от слона в отношении 4) человека, лица. Внутренне, видимо, отличающей и важной для представления и восприятия будет предметность конкретности одушевленного для лица, равно как и предметность конкретности одушевленного для не лица или предметность конкретности для того, что не одушевлено. Дальнейшее углубление в отличия представлений, обозначаемых выбранными словами, выходило бы уже за рамки оформления грамматического, переходя (впрочем, отчасти уже на четвертой ступени) в сферу семантики понятийно-лексической, с определением тематических, идеографических, лексико-семантических и каких-то других подразделений и групп, влияющих на характер того, что передается словами и что с их помощью далее воспринимается. Подразделение, которое наступало бы на уровне после интересующего нас четвертого.

Одновременно с этим такие отличия, скажем, как *студент* и *студентка* или *слон*, *слониха*, *слоненок* (невозможные в своих позиционных соотношениях, с одной стороны, для *стола*, и позиционно возможное, с другой, но не оформляемое в отдельно самостоятельной форме *студентенок*), – эти отличия можно было бы представлять как предметно различные при понятийном уподоблении, если не полным либо едва ли не полным их неразличении.

Отличия, в свою очередь, формируемые, с одной стороны, представлениями *студент* и *студенты* (*слон* и *слоны*, *стол* и *стола*) и *студент*, *студента*, *студенту* и пр., с другой, следовало бы со всей очевидностью определять как отличия не предметные и понятийные, состоящие в характере представления чего-то понятийно-предметно единого в позициях квантитатива и агентива, т.е. того, что, накладываясь на данное, действует для сознания как организующее самого разного, многого и вне его. И то, и другое, квантитатив (для количества) и агентив (для включения в отношения), действуют, как известно, способны не равным образом, в оформляющем и смысловом отношениях, себя проявлять в зависимости от классифицирующего раз-

ряда, лексического, грамматического, т.е. фактически представления о том, что себя проявляет и выражает с помощью слова, хотя может с помощью слова себя и не выражать, присутствуя, имеясь в языковом сознании (как *студентенок*).

Для наших дальнейших в связи с вертикальной схемой задач существенным будет из приведенных примеров то, что есть какой-то еще до собственно предметно-лексического (референциального) представления, точнее над ним, определяемый как грамматический комплекс значений, устроенный в соотношениях 1) предметно и понятийно фиксируемого; 2) понятийно фиксируемого при предметном своем различении; 3) сменяемого и подвижного для предметно и понятийно единого в отношении чего-то внешнего для него. Это первое и второе будет определяться нами с помощью вертикальной схемы, в то время как третье, возможно, отчасти и ею, но с переходом и обращением к схеме горизонтального, как схеме отображения подвижного, не классифицирующего, о которой пойдет еще далее при описании речь. Предполагаемое соотношение, в своем совмещении, того, что будет передаваться нами с помощью вертикального представления, и того, что с помощью представления горизонтального, будет иметь характер понятийно-категоризирующего и понятийно-предметного уточнения. Вертикальная схема, тем самым, будет исполнять свою роль как дифференцирующая, квалифицирующая, классифицирующая, вводящая и включающая. Горизонтальная – как комбинаторная (собирающая значения в комбинации, своего рода конструкции) и «формоизменяющая», собственно описывающая, характеризующая определяемый смысл.

Представление о вертикальной модели

Возвращаясь теперь к вертикальной схеме, прежде чем начать ее определять в подробностях и с иллюстрациями в примерах, имело бы смысл напомнить, что внутренний ее механизм (так же, впрочем, как и механизм для схемы горизонтальной) составляет соотношение валентно-фазовой тройственности не-

когого исхода, развития и разрешения. Тройственность эта способна иметь в разных случаях, для разных плоскостей и сторон, аспектов, своего проявления, разные смысловые и категориальные показатели, характеристика которых и составляла бы цель представления.

Тем самым, исходя из мысли представления одного через другое и одного в другом, можно было бы получить в результате такую последовательность: описанием составляющих элементов схемы (т.е. мест и позиций) на разных уровнях в их совокупности составляется представление ее самой, которая в таком своем представлении становится способом представления фиксированной и категориальной части целого, дополняемого частью комбинаторно-подвижного описания. Целое, складываемое, состоящее из двух указанных здесь частей, следовало бы определять и рассматривать как предлагаемое средство для описания, характеристики тоново-смысловой составляющей патетизмов советского официоза. Смысловая системно-парадигматическая их составляющая, та, которая их описывает, разнося в места советского официозного представления о действительности, будет предметом дальнейшего обсуждения.

Итак, верхние, по горизонтали, точки вертикальной схемы искомого представления были показаны как соотношение интенционального (I), субъектного (II) и объектного (III), первое из которых, на последующем уровне, соответственно, как фундаментатив, реализатив и континуатив. Отвлекаясь на этом этапе от необходимых для большей наглядности иллюстраций, поскольку их экспликация в данном месте, с учетом его отвлеченности от вербального материала, мало что даст, попробуем выстроить интересующую нас схему, исходя из некоего чисто концептуального представления и такого же механизма о том, что может быть выражено с помощью патетизмов советского официоза, и, следовательно, в них и через них отражено.

Субъектное на последующем уровне для него можно представить в соотношениях действующего как охватывающее и облекающее (с учетом идеи ингрессивного втягивания в массу, множество и массив себя), т.е. как обдуктив; действующего

как поддерживающее и удерживающее в себе, с произошедшим включением (консистив), и как субъектное устремления, устремленности (прокурсив).

Мысль, заложенная в таком представлении, предполагает, что те и то, равно как и некто один или группа из этого общего, носитель (носители) содержащегося в нем и в них такого их конститутива (состояния свойственного для них положения вещей, т.е. их внутреннего, направленного и обращенного к внешнему с тем же внешним как отраженном в них), – такой носитель, а также носители, как по отдельности, в группах, так и в своей совокупности, равно как и сам их подобного рода конститутив, характеризуются тем, что действуют и воздействуют в отношении всех реально и потенциально своих (отмечаемых данным конститутивом) как своеобразный кокон и оболочка, сначала вбирающая их всех по отдельности и в совокупности внутрь себя, создавая защитно организуемую и прочно непроницаемую для инородного массу (обдуктив), затем и одновременно, как энергетизирующая, сообщающая, придающая ход удерживания, поддержания, пере- и проношения в этом движении (консистив, напомирующий по своему характеру эффект двухколесной езды, равновесие сохраняющей только в движении) и, наконец и опять же вместе с тем и одновременно, как кокон и оболочка стремящаяся, направляемая, направленная в своем таком втягивающем и втянутом, устремленном движении (прокурсив). Представить все это следовало бы одновременно, как целое, не по отдельности и частям, с прокурсивом как ведущей к своему разрешению вершиной.

Рисуется в результате такой человеческий по своей природе массив, который, заряженный некоей организующей и стремящей его энергией, действует как динамизирующее самопроекции и экзистенции для всех и для каждого в нем, обеспечивающее, ими самими для них самих в осуществляемом ими совместном участвующем движении, защиту себе и своему существованию, само это существование и его смысл через всё то же направленное движение – продвижение к общей цели. Это и было бы то, что можно представить как обдуктивно-консис-

тивно-прокурсив, характеризующий субъектную часть тоново-смысловой составляющей патетизмов советского официоза.

Находит свое отражение подобное представление в словах и идеях типично советского обращенного отношения к людям. Люди здесь выступают, при таком восприятии и отношении, не просто как организуемая масса, не столько как средство и материал для достижения поставленной цели, – но как то и как те, что и кто в своей совокупности, организованной и направленной к продвижению к будущему, составляют в таком продвижении защитный и обеспечивающий полноту экзистенциального своего проявления для самих же себя, всех и каждого в этой движимой массе, единый и целостный организм.

Эта идея и составляла бы смысл патетического для наших задач ингрессива – того, почему (по идейному замыслу) эти все и каждый людского массива должны быть заинтересованно, внутренне, как субъекты, увлечены и, тем самым, добровольно втянуты в общий процесс, отрывающий их от прежнего и иного, не увлекающего и не привлекательного для них состояния, и переводящий их в открывающееся перед ними в своем трансгрессиве другое – состояние экзистенциальной осмысленности и поэтапного устремленного перехода к еще более полному существованию организуемого так социального организма.

То, о чем речь, неизбежно следует также воспринимать как советское официозно-пропагандистское концептуальное отношение к человеку и человечеству, к советскому обществу в целом и отдельных его представителях, как то, что собой представляет основу типично советской идеологии в ее проявлении к разбираемой части картины мира. Моделируемая, выпариваемая таким образом простота ее, сводимая для наших задач до структуры и схематизма, воплощает себя в том, что было определено как тоново-смысловая ее составляющая, отображаемая в патетизмах официоза.

Три составных компонента объектной части рассматриваемой вертикальной схемы, отображая всё ту же идею советского отношения к окружающему, препарируя его для сознания в некий концептуальный слепок, удобный для воздействующего

обращения с ним материал, давали бы представление о переорганизуемой, переустраиваемой объектной части создаваемой действительности, как созданной и существующей, изменившейся и меняющейся в нужном идеологически направлении.

Оставаясь при избранном нами условии выделения в характеризующей схеме соотносимой в своем составе валентно-фазовой тройственности, ее, для объектной части, на последующем уровне можно представить 1) как запущенный в преобразование совокупно-раздельный массив всего того, что составляет так называемую материальную базу строительства социализма и коммунизма, что затем составляет основу 2) овеществленного, материального достижения, наблюдаемого в измененной советским строем действительности на каждом шагу, с тем чтобы в 3) представлять собой все то в материальном своем выражении, что и как, в каком своем несомненном виде, еще предстоит достичь совместно предпринятыми усилиями и что поэтому, под руководством партии и правительства, неизбежно будет советским народом достигнуто.

Если снять облекающие все это в сказанном для лучшего понимания идейно окрашенные коннотативы, остается трехчастная схема того, что определяется как материальная база, в мысль ее пущенного преобразования (экссертива, *exsero*, *exsertum* ‘вынимать, вырывать’; ‘высовывать; протягивать; простирать’; ‘обнажать’; ‘выказывать, обнаруживать’; *e. se* ‘выползать’; *exsertus* ‘выдающийся вперед, выступающий’; ‘открытый, явный’), его овещественности (субстантива от *substo* ‘быть в наличии, существовать’; ‘держаться крепко, выдерживать’; *substantia* ‘бытие, сущность, состояние’; ‘наличие’) и конечного достижения (финитива, *finio*, *finitum* ‘замыкать в пределы, ограничивать, служить рубежом’; ‘определять, устанавливать, назначать’; *finis* ‘предел, граница, рубеж’; ‘конец, цель, назначение, намерение’; ‘вершина, верх, высшая степень’; ‘окончание, исход’).

Схему эту, как, впрочем, и всего прочего, следует воспринимать, о чем уже говорилось, в ее одновременности, т.е. как валентную, в соответствующих соотношениях своих трех обра-

зующих, и в последовательности, т.е. как фазовую, что предполагает развитие и переход. Данное положение означает, что применительно к материальной базе советской действительности мы получаем идею своеобразного сева (посева), роста и урожая (ср. идею революционной борьбы, социалистического строительства и созидательного труда, т.е. труда, предполагаемого как созидание, достижение созданного). Преобразование материальной базы в желаемом направлении на первом этапе осуществляет себя как приступание к действию, приступ, выход из состояния недействования, включение, подключение всех и вся (ср. *великий почин* как идею и плакатное изображение вождя, несущего на своих плечах бревно – своего рода таран, с которым идут на приступ, за которым, вслед за военачальником и вождем, поднимаются движимые общим порывом массы). В отношении объектной части сказанное следует воспринимать не как массы идущих и поднятых по призыву людей, но как заряженные, сдвинутое, толкание – поднятое бревно. Заряжение, запуск начавшимся, пущенным в ход движением, заряженность, насыщение преобразующим импульсом и толчком, как своеобразный, если воспользоваться метафорическим представлением, завоз материалов на стройку, где уже вырыт отчасти и котлован (как тут не вспомнить Андрея Платонова?). Но это все же не котлован, в отношении рассматриваемой нами схемы, котлованом может быть его часть, на последующем уровне, это именно завезенный на стройку строительный материал, заряженно предназначенный, выдвинутый (экссертив) для дальнейшего в деле строительства своего использования как к нему подключения и его, на последующем этапе, овеществления в ожидаемой к своему овеществлению субстанции субстантива.

Если начальную фазу можно представить как завезенное, заряженное и подвинутое в отношении к материалу, предназначенному к преобразующей его обработке, то последующую – как совершенное, преображенное в требуемом направлении и поставленное. Стены воздвигнуты, дом построен, материальная база советской действительности уже есть, можно радоваться достигнутому и жить, но процесс созидания все же не

завершен. Не просто какого-то там подходящего для пребывания в нем созидания как воздвигнутого в своем овеществлении здания, но того созидания, которое в дальнейших усилиях еще должно наступить, определяясь как материальная база построенного, достигнутого коммунизма, что бы и составляло поставленный к своему назначению финитив.

В проекции к своему историческому, к своему положению в развитии всего человечества, т.е. в аспекте последовательности (фазовость), в отличие от аспекта одновременности (валентность), второе, овеществленность советской действительности, уже наступило, материальная база социализма имеется, в то время как открытое к достижению в своем финитиве третье, материальную базу коммунизма, построить, достигнуть еще предстоит. И как не достигнутое, а потому и не вполне ясное в своих вероятных формах и очертаниях, этой намериваемой, намеченной к своему осуществлению действительности, как ее материальная база, выглядит в патетизмах советского официоза не столько неопределенно, сколько как некое подвигающее, долженствующее подвигать на труд, мобилизующее и импульсирующее.

В связи с чем импульсив, на третьем уровне вертикальной схемы, в известном смысле можно было бы представлять как одну из трех валентно-фазовых составляющих характеризующего здесь финитива. Как мобилизующее и подвигающее на труд импульсив этот, все в тех же своих патетизмах, обладает особенностью, непрямо связываемой с неопределенностью того, что же именно в материальной базе в отношении к коммунизму необходимо достичь и какой она должна по своему достижению выглядеть, непрямо со всем этим связываемой, но имманентно из этого следующей, особенность эту можно определять как неизменно последовательную отодвигаемость, постоянное перенесение в некое новое и потому еще не достигнутое положение, состояние для финитива и его импульсива – его трансмиссив. Известный эффект морковки, несомой, перемещаемой вместе с идущим за ней ослом, в осуществляемом им ради нее достижении.

Трансмиссив, соответственно, был бы средством очередного, но уже своего достижения, как проекция финитива от импульсива через трансмиссив к нему. Таким достижением можно представить некоторый достигаемо не достигнутый аппликатив – приписываемое, прикладываемое, накладываемо-прикрепляемое к все той же неопределенной, не ясной в своих очертаниях материальной базе для коммунизма. Приписываемое, прикладываемое в своих прогнозируемых идеях, в первую очередь и по идейному замыслу, потому, что надо же что-нибудь как-нибудь предложить в отношении материальной базы и ее выражения, ради чего стоит стремиться и поднимать, организовывать, строить и всех остальных за собой и с собою стремиться к светлому будущему всех и каждого при коммунизме. Не может быть в этом месте совершенной незанятости и пустоты, а поскольку трудно себе представить, что и как оно в отодвигаемом постоянно в своем достижении будущем должно быть, постольку и в патетизмах советского официоза оно присутствует в виде имеющего себя самого достичь, чтобы оформить, не вполне ясного на данном этапе развития советского общества аппликатива.

Таким образом, для третьего компонента объектной части вертикальной схемы, определенного нами как финитив, можно представить его проекцию третьего уровня в виде валентностно соотносимых составов мобилизующего, побуждающего импульсива, отодвигаемого, перемещаемого трансмиссива и не вполне ясного, но обновляющее-радостного в своем предвкушении для восприятия аппликатива.

Каждый из этих трех составляющих финитива на следующем, четвертом, уровне, по принятой нами договоренности выбора, для наглядности описания, будет представлен в составе трех компонентов, способных, впрочем, как к своему раздвижению в некое большее валентностное число (до пяти), так и к дроблению, разложению на свои, по вертикали и горизонтали, дальнейшие составляющие. Об этой особенности, впрочем, уже говорилось, здесь хотелось бы только о ней напомнить, чтобы не создавать впечатления жесткости описываемого устройства.

Заложенная в его описание трехчастность была нами принята для простоты и удобства, хотя и она для определяемого воздействующего механизма, используемого в патетизмах советского официоза, представляется значащей и не случайной. Валентно-обусловленная развертываемость, раздвижение и дробление, своего рода телескопичность, можно определять и рассматривать как потенциально действующее и используемое свойство участвующих в патетизмах концептуальных и эмотивных структур, что можно будет, если это себя в очевидный способ проявит, показать в последующем на языковом материале.

Попробуем, для все той же наглядности, извлечь интересные нас концептуальные нити импульсива, трансмиссива и аппликатива на каком-нибудь подходящем примере. Поскольку одной из особенностей советского патетизма является его способность относиться в своем использовании подвижно к самым разным частям разбираемой модели, определенные модулятивные смыслы чему-то одному, равно как и другому, можно, навязывая, приписать. Эта особенность, в частности, наблюдается в идейно-логической интерпретации различного рода лозунгов и формулировок советского времени, нередко также намеренно вызывавшейся с целью воодушевления и оживления людского и языкового материала, и не обязательно на каком-нибудь новом витке, а исходя из провозглашаемого принципа, что *марксизм не догма, а руководство к действию*.

Характеризующая и отличительная черта такой интерпретации состояла в необходимости, а с этим умении и способности интерпретирующего найти и дать не просто неоднозначный ответ, а такой, который был бы не костен, подвижен – диалектичен, оставаясь в границах, пределах необходимого (финитив – как свойство, а также охватывающий, вмещающий, вбирающий, обрисовывающий и заключающий пункт). В границах, пределах идеи, которая, мыслясь исходно как гибкая и не жесткая, предполагала вместе с тем обусловленность известными ограничениями в допустимых пределах, с собственной логикой и своими понятиями, расставляемыми в позициях, пунктах, местах, передвигаемых, смещаемых по заложенным, хотя бы и не

всегда осозанным, векторам, представляемых нами в виде валентностей. Само уже то, что *марксизм не догма, а руководство к действию* не следует понимать чересчур свободно.

Не вдаваясь в подробности, не имеющие для нас отношения к рассматриваемому фрагменту модели, зададимся простым вопросом – в каком смысле не догма и руководство к какому действию? То, что не догма, следует отнести к представлению о возможности совершенствования, уточнения и развития – совершенствования и развития как уточнения, предполагающего применение различных его положений к задачам и требованиям того или иного, в конкретном случае данного, исторического и политического момента. То есть речь идет об инструментальном использовании учения Маркса для достижения той или иной поставленной или стоящей, или той, которая будет поставлена, цели, как средства ее оправдания и возможного, намечаемого, проектируемого пути осуществления. То, что оно руководство к действию, дает представление об оправдании и предлагаемом способе, возможно конкретного, заявляемого либо только задуманного, достижения, намечаемых к реализации определенных шагов.

При всем этом то, что *марксизм не догма, а руководство к действию*, можно и следует понимать, по крайней мере, в трех интересующих нас отношениях. Как определяемое свойство самого марксизма, характеризующее его как учение, способное к своему динамическому развитию, что накладывает его изначально на рассматриваемую нами модель (пользуясь значениями интенциональной части в отношении фундаментатив – реализатив – континуатив), создавая о нем впечатление как о том, что руководит, вдохновляет, оживляет, вдыхает жизнь в коммунистическую идею и с нею в рассматриваемую модель. То есть действует как индуктивный конститутив ингрессивной трансгрессии. Это первое. Как то, что действуя непосредственно в самой этой модели, запуская ее в движение и характерный для такового движения ход, определяет собой три рассматриваемые нами для данного представления составляющие – интенциональную, субъектную и объектную части в их взаимном валент-

ностном соотношении и как фазы возможного запуска и перехода, перевода с одной на другую. Это второе. И как то, наконец, что концентрируясь, собираясь в интенциональной части, объясняя ее, а тем самым, одновременно и объясняясь ею, может интерпретироваться далее и затем в ее составляющих.

Данное представление можно считать характеризующим для рассматриваемого нами материала. Соотношение концептуального, того, что существует в сознании, и концептуально-языкового, того, что имеется в языковом сознании, носителей данной идейно-логической коннотативно-оценочной парадигмосистемы, которую следует определять как картину мира, модель, языковую картину мира, концептуальную и концептуально-языковую модель советского официоза, это соотношение того и другого так, по нашему представлению, может выглядеть и так оно может передаваться. То, что связано с языковыми, точнее было бы говорить языковыми средствами выражаемыми, смыслами, с теми смыслами, которые можно было бы относить к идейно-логической составляющей передаваемой этими средствами парадигмы, отображается и находит место в ней (точнее было бы говорить места) не то, чтобы не однозначно или расплывчато, но релятивно и валентностно-соотносительно. Со способностью проникновения, пронизывания разными, но не случайными и соотносимыми, семантическими позиционными признаками, отображаемыми в рассматриваемой модели, для того или иного патетизируемого советским официозом смысла, передаваемого языковыми средствами.

Возвращаясь к сказанному о концептуальных нитях финитивного импульсива, трансмиссива и аппликатива объектной части характеризваемой вертикальной схемы, обратимся к такому значимому для советской идеологии примеру, из Интернационала, правда, вырванному из контекста, но для поставленной задачи в целом достаточному: *Мы наши, мы новый мир построим: Кто был ничем, тот станет всем.*

Интересовать нас будет в этом примере, при опущении всего остального возможного, что было мельком показано в интерпретации к характеризваемой модели *марксизм не догма*,

только то, что имело бы отношение к объектной части схемы в финитном ее проявлении. Иными словами, речь пойдет о том представлении, которое связывается с материальной базой мира, который необходимо будет еще построить, и что импульсивно, аппликативно и трансмиссивно затронуто, хотя и не выражено, в той идее, которая нельзя сказать, чтобы нашла свое отражение, но интонирована в приведенной цитате.

Попробуем эту идею далее разложить на возможные ее концептуально-тонические составляющие, не ставя задачу полнее ее осветить и в этом составе детально представить, что невозможно было бы в силу ее природы как идеи, прежде всего, импульсирующей, а не характеризующей, то, о чем она и к чему, к какому новому миру относится. Строительство нового мира (памятуя предшествующий контекст – *Весь мира насилья мы разрушим До основанья, а затем*) воспринимается, а потому и здесь следует воспринимать, как то, что приходит на смену старому, создается вследствие его разрушения на его основании, как контраст и новое по отношению к нему. Сам же этот новый мир никаким особо конкретным образом не представляется, характеризуясь только через значения, заключенные в мысли *кто был ничем, тот станет всем*.

Итак, перед нами задача идейно-тонически вывести и восстановить, на основе приведенной цитаты и с обращением к вероятному знанию заключенной идеи в ней, то, что имело бы отношение к финитиву объектной части определяемой вертикальной схемы. Несколько забегаая вперед, а также с мыслью о том, что было увидено в *марксизм не догма*, не противоречивым видится представление о том, что заключенное в разбираемой цитате вполне поддается раскладыванию на все три компонента состава для финитива, т.е. в нем можно увидеть и то, что имело бы отношение и к импульсиву, и к трансмиссиву, и к аппликативу. Впрочем, увидеть было бы слишком смелым и не вполне относящимся к месту определением, точнее было бы говорить о не противоречащем индуцированном приписывании, о том, что, по идейно-советскому разумению, в силу последующих накапливающихся, следующих из разрабатываемой далее мысли о

новом мире, сопровождающих ее идеологических интерпретаций, возникает, обращаясь вокруг нее. Однако не будем вдаваться в возможные дебри установления, что есть что и что следует из чего, не это интересует нас при решении данной задачи. Допуская мысль об относительности и неоднозначности разрешаемого здесь вопроса, памятуя о том, что само представление о новом мире подвижно, хотя бы и в рамках для него допустимого, что оно исторично (одно дело новый мир до разрушения старого, другое – в момент построения социализма и совсем иное – после того, как он был, как утверждалось, построен), – припишем эту самую мысль разбираемой нами модели и ее вертикальной схеме как свойство, как то, что из нее прямо следует, составляя ее природу.

Приписав ее, эту мысль, логично и идейно не противоречиво будет предположить, что (опять же поскольку *марксизм не догма*) представление о новом мире (для нас и теперь это будет позиция и тоновый смысл финитива объектной части) объемно включает в себя (а потому и способно раскладываться на составляющие своего телескопическим образом потенциально устроенного состава) не только то, что было в нем ранее, и что может в нем также и сохраняться, и не только то, что характерно для него в тот или иной момент, социальный, идейный, исторический, политический, но и то, что способно в нем в последующем, в ходе развития данного представления, появиться. Будучи емкой и разнонаправленной, идея нового мира, так же как и идея, определяемая темой *марксизм*, для модели и вертикальной схемы выступает как насыщающее и пронизывающее самых разных ее составляющих, ее проективных уровней и сторон. Извлекаем из нее, для задачи, концептуальные нити финитивного импульсива, трансмиссива и аппликатива.

Материальная база (объектная часть) этого нового мира, в котором, кто был ничем, тот станет всем, с этой ведущей мыслью, обращаясь внутренне, вернее могущая быть обращенной, ко всем трем интересующим нас компонентам состава, поскольку акцентируется все же то, что кто был ничем, станет всем, эта база, скорее всего и в первую очередь, должна пониматься к

мысли об импульсиве. Импульсив этот подчеркивается и тем, что этот мир наш, поскольку *мы наши, мы новый мир построим*. Отвлечемся поэтому на какое-то время от двух других, трансмиссива и аппликativa в контексте того же нового мира, с тем чтобы вывести три составляющих импульсива, что, в свою очередь, далее даст возможность произвести ту же самую операцию, с опорой на ту же основу, для трансмиссива и аппликativa.

Материальная база того, что предстоит построить, будь то социализм на первом этапе такого строительства или коммунизм на последующем, в отношении импульсива, т.е. как побуждающее и привлекательное для тех, кому ее строить, должна быть охарактеризована как такая, которая 1) может, способна, должна импульсив этот вызвать, его побудить; 2) в соответствующий по виду и необходимому образу как закладываемый, предполагаемый импульсив преобразовать; 3) в таком его виде нацелить, направить и, акцентировав должным образом, на дальнейшее заострить. Все эти три мотива, формирующие тон и смысл искомого импульсива, необходимо представить в их материально-базовом разрешении, для того чтобы получить то искомое, о котором речь – три составляющих импульсива, как первого компонента из трех, финитива объектной части схемы. На основе именно отношения к материальной базе и можно будет их определить.

Задумавшись над тем, что в планируемой или объявленной как построенная материальной базе нового мира (социализм это или коммунизм, в данном случае не суть важно, важно скорее то, что объединяет их, отличая от прежнего, предыдущего) преподносится, а тем самым и воспринимается, как способное импульсивный порыв вызывать. С учетом, как было исходно принято, скорее для наглядности и удобства, однако не противоречащих искомому смыслу, того, что это будет мир, в котором кто был ничем, станет всем. Таким импульсирующим в этом мире будет должно быть, в первую очередь, то, что подобное положение материально поддерживает и обеспечивает. В данном случае о перевороте и социальном переустройстве гово-

речь не приходится, поскольку смысл ищется в объектной части, т.е. в материальной базе.

Представим себе, что подобное положение должна обеспечивать гарантирующая тем, кто был ничем, их становление всем, избыливающая для них, остающихся, в этот мир принимаемых и в нем как строители его оставляемых, способная к увеличению, расширению, неуклонному росту в меру растущих потребностей, достаточность прочного материального положения. Полученная идея укладывается в известное положение *каждому по потребностям* для коммунизма, с его уточнением для социализма *каждому по труду*. Не будем вдаваться в различия того и другого, поскольку их надо определять посредством не вертикальной, а горизонтальной схемы, нацеленной более на смысловые оттенки, чем идейно заряженной тон.

Итак, перед нами такая материальная база общественно-го устройства, которая характеризуется притягательным избытием достатка, способного к увеличению в меру растущих потребностей, что гарантирует прочность, стабильность и безопасность с ее уверенностью в завтрашнем дне. Первым будет в этом ряду (как импульсивив импульсива) избытие материального достатка, определим это как сатуратив (*saturō, saturatum* ‘насыщать, кормить, поить досыта’; ‘наполнять; пропитывать’: *sr. s. sola fimo* ‘обильно удобрять почву’; ‘удовлетворять’; *satur* ‘сытый, насыщенный’; ‘полный, богатый, обильный’; ‘тучный’). Вторым – его же способность к увеличению в меру растущих потребностей обладателей (трансмиссивив импульсива, или, применительно к определяемому, амплификатив: *amplifico, amplificatum* [*amplus* ‘обширный, широкий, просторный’; ‘значительный’; ‘важный’ + *facio* ‘делать’] ‘расширять, увеличивать, распространять, приумножать, делать обширнее, усиливать’; ‘повышать, поднимать’; ‘укрупнять’). И третьим – его же стабильная прочность для них, гарантирующая им чувство экзистенциальной уверенности и безопасности (импульсивный аппликатив, или, для данной проекции пусть это будет стабилитатив: *stabilia, -ium* ‘устойчивое, прочное, надежное’; *stabilimentum* ‘средство укрепления’; ‘опорная точка’; *stabilio, stabili-*

tum ‘утверждать, укреплять’; stabilis [sto ‘стоять’] ‘твердо стоящий на ногах’; ‘постоянный, служащий постоянным местожительством’; ‘неизменный, верный, стойкий’; ‘прочный, устойчивый, непреходящий’; ‘постоянно текущий’; stabilitas, stabilitatis ‘прочность, устойчивость’; ‘твердость’; ‘надежность, неизменность’).

Тем самым, в итоге мы получаем проекцию четырех уровней фрагмента вертикальной схемы: объектная часть (как ее третья на первом уровне), представляемая в составе проявляющих ее трех компонентов второго уровня – экссертива, субстантива, финитива, для которого на третьем уровне тремя компонентами будут импульсив, трансмиссив, аппликатив, а на четвертом, для импульсива, – сатуратив, амплификатив, стабилитатив:

Интенциональная – субъектная – объектная части

В дальнейшем, на пятом, а также последующих, уровнях возможны мысленно хорошо представляемые проекции того, каким может быть в отношении материальной базы нового мира сатуратив, т.е. его материальный достаток; каким его амплификатив как его неуклонный рост; каким стабилитатив, обеспечивающий безопасность и уверенность в будущем. С подразделениями для каждого на три и потенциально более составляющих. Но это подразделение, будучи слишком подробным, с одной стороны, выходило бы за пределы, отмеченные тоновым, поднимающим (ингрессия и трансгрессия) смыслом для патетизмов, выбранным для рассмотрения, а с другой, подключалось бы к схеме, обозначенной как горизонтальная, обратиться к которой еще предстоит в ее двух проявлениях – в тоновой и конструк-

тивной проекции того, что будем представлять как картину мира, описываемую патетизмами советского официоза. Отношения между этими двумя проекциями также будут предметом дальнейшего рассмотрения.

Вернемся на третий уровень вертикальной схемы, для того чтобы рассмотреть в таких же трех составляющих трансмиссив и аппликатив финитива объектной части. Поскольку подробное рассмотрение всех составляющих для трех частей вертикальной схемы было бы слишком громоздким, ограничимся представлением, для лучшего понимания действия ее механизма, а в этом и состоит поставленная задача, лишь некоторых ее фрагментов, скорее для целей сопоставительного указания, чем описания в достаточной его полноте. Все дальнейшее, если оно появится при анализе языкового материала в последующем, будет указываться с уточнением его отнесения к данной схеме в какой-то важной для его характеристике точке. Хотелось бы еще раз напомнить о том, что рассматриваемую в данном месте вертикальную схему следует понимать не как парадигму смыслов для патетизмов официоза, а как ту концептуальную по своей природе модель, которая отображает идеологическую систему советского официоза, тот ее значимый для нашего описания фрагмент, который находит свое воплощение в его патетизмах как модулирующее основание входящих смыслов его языка.

Итак, рассмотрим, с опорой на данные положения, трансмиссив и аппликатив финитива объектной части, с тем чтобы далее, для лучшего представления, попытаться проделать то же для выбранных компонентов субъектной и интенциональной части, прежде чем перейти, к такой же неполной, характеристике горизонтальной схемы, в такой же тоновой для нее проекции, с задачей не полного описания всех возможных ее сторон, но экспликации действующего в ней механизма.

Трансмиссив и аппликатив, как два дальнейшие компонента финитива объектной части, будут касаться таких представлений о новом мире (оставаясь в словесной формуле Интернационала), который строится, после разрушения старого мира должен строиться, будет построен в конечном счете, – таких

представлений о нем, которые предполагают его материальную базу в аспектах ее творения, созидания, как перехода к ней, ее реализуемого и реализованного осуществления, для трансмиссива, и достижение, сооружение, воздвижение в неопределенной, неясно определенной или не всегда ясно определенной своей перспективе для аппликатива.

Уточним для лучшего понимания то и другое применительно к определяемым трансмиссиву и аппликативу. Речь идет в первом случае о таком представлении для сознания строителей этого нового мира как строителей светлого будущего, необыкновенного настоящего или славного прошлого к этому же, т.е. первоначально революционеров-большевиков и передовых представителей рабочего класса, а затем настоящих советских людей, которое позволяло бы говорить о нем как о чем-то в материально-объектном его выражении достигнутом в его привлекательности, что служит основой не только для удовлетворения этим достигнутым настоящим, но и для желания двигаться дальше по тому же намеченному, отмеченному победами и достижениями, пути. Понятно в принципе, что это может быть, поскольку это не что иное, как представляемый в официозе образ материальных достижений социализма и его таких же материальных, не сопоставимых с другими системами, благ – как перспектива в начальной фазе, осуществление в фазе последующего и совершенствование с намечаемым переходом к коммунизму в последующем. В рамках стоящей задачи важно выявить и определить те аспекты в представляемом образе, которые не просто будут иметь значение для него, но проецировать в нем идею достигаемо-достигнутого перехода его трансмиссива с отодвигаемым определенно-неопределенным собственно достижением для аппликатива, как его конечная цель. Что и позволит назвать, обозначив, три составляющих трансмиссива и аппликатива.

Материальная база такого нового мира как привлекательно-достигаемое в первом случае предстает тем, что служит источником постоянного удовлетворения (ср. чувство заслуженной гордости у советского человека). Удовлетворения как морального, так и материального, которое, побуждая к даль-

нейшему, заставляет ставить перед собой постоянно новые рубежи, добиваться новых, еще более высоких результатов и показателей (в борьбе и труде). Моральный стимул преобразуется в материальное, переходит на материальный объект (заряженность материала). И то и другое должно находить и находит свое подтверждение в патетических текстах и формулах официоза (ср. *новые рубежи пятилетки, сдадим и построим, не уступать на достигнутом, только вперед* и т.п., что не следует в данном случае понимать как объяснение значений этих и подобных им единиц, поскольку речь идет не об этих значениях, а об устройстве концептуальной схемы). С тем чтобы на третьем шаге перейти к тому, что способно давать, вызывать ощущение максимально возможного в своем таком достижении блага для себя и для всех, кто с тобой, остальных, для всего, в перспективе возможного и достижимого в будущем, человечества.

В результате мы получаем три вероятных и допустимых, соотносимых в своей валентности, аспекта материального устройства социализма и коммунизма в их достигаемом осуществлении (трансмиссиве). Обозначим их как удовлетворение¹⁴, постоянное поставление нового рубежа и максимум возможного материального блага. И то, и другое, и третье при этом следует понимать не как свойство участвующего в данном процессе субъекта, но как значимые показатели материального мира социализма и коммунизма. Удовлетворение в этой связи следовало бы поэтому понимать не как чувство, а как удовлетворение материальной базы, ее самой для нее самой, материальную ее самодостаточность и полноту, самодостаточную, при социализме и коммунизме, ее полноту. И такими же – поставление нового рубежа и максимум материально возможного блага, в отношении к внешним объектам создаваемого нового мира.

В реальности текстов советского официоза (поскольку в непосредственном отражении в патетизмах это трудно предста-

¹⁴ Может, точнее было бы это определять как удовлетворение, опуская здесь и далее, чтобы излишне не усложнять, возможные их латинские, снимающие возможную ассоциативность и фигурировавшие потому как краткие обозначения.

вить в силу их обобщенности, позволяющей их использовать в разных контекстах) все это выглядело бы как убежденное описание на конкретных примерах того, какими неисчерпаемыми материальными возможностями и достижениями обладает социализм и коммунизм, недоступными для других социальных систем, что и дает полноту с неизбежной возможностью достигать постоянно большего вплоть до максимально возможного для воображения, а потому нескончаемо неисчерпаемого, абсолюта каких только можно себе в перспективе представить материальных при коммунизме благ. Простым и наглядным примером такого отображения могли бы быть, скажем, тексты о том, как выращивают в Грузии чай и цитрусовые, начав это дело в советское время, хлопок в Узбекистане, рис на Кубани. Как пасут стада тонкорунных овец в горах Киргизии или Таджикистана делу преданные чабаны. Что имеет прямым своим содержанием идею самодостаточности, полного удовлетворения и максимума материального в настоящем и будущем блага, а журналисты, об этом пишущие, должны все эти стороны увидеть, наглядно представить и закрепить. К этому же – производство тракторов, автомобилей, самолетов, вертолетов, ракет, самых лучших, единственных в мире, с точки зрения все той же следующей из представления самодостаточной удовлетворенности и полноты материальной базы с идеей постоянного продвижения к непостижимому максимуму, при социализме и коммунизме возможному и вполне достижимому. Не говоря уже про уголь Донбасса, Бакинскую и Туркестанскую нефть, газ Ямала, алмазы Якутии, прибалтийский янтарь и все прочее.

Так же как и для финитива, составляющие трансмиссива, а с ним и аппликатива, на пятом и последующем уровнях могут быть далее подразделены, в отношении того, какими представляются и могут быть эти самые удовлетворение, постоянное поставление новых рубежей с максимумом возможно достижимого материального блага. Однако это, как ранее уже говорилось, не входило в поставленную задачу, ограничиваемую тоновым представлением модуля патетизмов.

Аппликатив финитива, соответственно, для проекции трех рассматриваемых валентно соотносимых его сторон, следует представлять как такую сторону воздвигаемого нового мира, которая, выходящая как его материальная перспектива, не вполне до конца ощущаемая, с единственной мыслью, что всем и каждому материально должно быть тогда и там хорошо, поскольку там будет каждому дано по его потребностям, – эта все же материализуемая его сторона должна быть, по замыслу, и абсолютна (поскольку чего еще более можно желать?), и относительна, поскольку каждому по его потребностям, которые вместе с тем, с одной стороны, в отношении их удовлетворения должны быть равными и справедливыми, а с другой, постоянно растущими и как таковые неизменно в своем таком росте удовлетворяемыми.

Эти три качества можно бы было и выделить как искомые стороны финитивного аппликатива – справедливое равенство в получении обретаемого обретенных благ (что само по себе должно быть источником удовлетворенно полного достижения, но опять же воспринимаемого не как чувство, а как еще одна сторона воздвигаемой материальной базы, наделенной и обеспечивающей такую возможность); постоянный в собственном своем обеспеченном удовлетворении рост обретаемых равных благ и, наконец, как третья, максимально возможное и неизменное удовлетворение (постоянно растущих равных для всех и каждого благ).

Как и в случае с трансмиссивом, аппликатив, в проективном развертывании трех названных, равно как и не названных, но возможных в своей проекции аспектуальных сторон вширь (по валентностям того же уровня) и вглубь (на пятом и последующих уровнях), находит свое отражение в патетических текстах официоза. На примерах того, как в советской стране заслуженные люди вознаграждаются по их усилиям и труду, в материальном каком-либо отношении – подарки, денежные премии, льготы, квартиры и пр. С объявляемой непосредственно мыслью о справедливом и равном для всех таком положении: заслужил – получил, каждый может быть вознагражден, каждый

может быть на месте такого заслуженного, ибо он такой же, как и все остальные, простой советский рабочий, колхозник, ученый. На примерах того, как неуклонно и постоянно растет благосостояние советских людей, что способно себя проявлять в самых разных деталях и формах – как они отдыхают теперь на курортах, какие дома и квартиры теперь возводятся, со всеми удобствами, лифтом, мусоропроводом и пр., как государство заботится о подрастающем поколении, о молодежи, о детях, как развивается транспортный парк, строятся и сдаются постоянно новые объекты – метро, поликлиники, парки культуры и отдыха и т.д. И, наконец, в подтверждение третьего – что все это далеко не предел, а что через десять, двадцать, тридцать лет, к концу тысячелетия будет всего больше и лучше, а в перспективе коммунистического будущего, которое предстоит построить и дети наши будут при этом жить, так и вообще всего будет много, в достатке, что только можно себе пожелать, всем и каждому, во исполнение его потребностей и в достижение всех возможных благ.

Для лучшего представления характеризуемой вертикальной схемы имело бы смысл, прежде чем закончить ее представление каким-нибудь обобщающим образом, показать для сравнения воплощение некоторых ее сторон в отношении двух не столь подробно представленных, с точки зрения погружения в уровни, остающихся ее частей – субъектной и интенциональной (памятуя при этом, что эти две части вместе с третьей, объектной, составляют первую ее треть, от представления двух других третей которой мы отказались по принципиальным, с позиции задуманного исследования, соображениям).

Попробуем для такого краткого и лишь намечающего возможные пути и подходы представления оттолкнуться для большей понятности от какого-нибудь не вполне случайного, но и не специально выбранного примера. Интересным для этого был бы пример не слишком короткий, но и не развернутый, ясным и не слишком сомнительным образом связанный с затрагиваемым через схему концептуальным, как было условлено, ма-

териалом. Возьмем для этого следующий, не очень заезженный, но и не так, чтобы очень далекий от того, о чем речь.

В свое время, если конкретно, то во второй половине шестидесятых годов, к пятидесятилетию Октябрьской революции, имело место (но не хождение) высказывание, должноствовавшее будить в подрастающем поколении мысли и чувства, призванные к тому, чтобы вписывать его в идейный советский контекст, заставляя искать для себя ответа на вечный вопрос о смысле, в том числе и своего собственного, существования и бытия, разумеется только в пределах советской действительности, поскольку не было для него и не могло быть иной. Высказывание это, внешне оформленное по риторическим правилам молодежных патетических обращений, ритмизированное, с единоначатием, повтором и противопоставлением, звучало следующим образом: *Нет у революции начала, нет у революции конца*. Способное пониматься и интерпретироваться по-разному, в том числе, для скосневшей советской власти, и в крамольную сторону, оно должно было, что и предполагалось, быть логически и идейно интерпретировано так, как требовалось, внешне в свободном для мысли, но в допустимых границах логического рассуждения и идейно правильной обработки ключе.

То есть, что в данном случае важно и что и будет составлять смысл искомого, по финитным законам (заложенного исходно ограничения в виде своеобразной, хотя и не всегда при этой осознаваемой рамки) и валентностным правилам описываемого нами модулятива, для его проявления в избранной нами для этого тоновой вертикальной схеме. Освоению и экспликации этой рамки на данном примере, с точки зрения как дидактически-тренировочной, так и контрольно-проверочной, и должны было послужить молодежные рассуждения на эту тему.

Первый и вполне правомерный вопрос, возникающий перед не до конца еще замороженным идейными лозунгами умом, заключался бы в том, чтобы выяснить, о чем в данном случае говорится, о какой революции и что под ней возможно и следует понимать. Потому что если речь идет об одной только

Октябрьской, называемой Великой и социалистической, то начало у нее, несомненно, было, пусть и относимое далеко не собственно к Октябрю, и какой-то, пусть и не сразу себя обозначающий, конец. И хотя юбилейный идейный поход к ее приближающемуся пятидесятилетию закономерно должен был бы такое понимание предполагать, ограничивать себя конкретно историческими рамками, пусть и столь знаменательно значимого события, однако, было никак нельзя, если не прямо, то косвенно допуская крамолу. Потому как если бы как-то можно было еще мириться с отсутствием у нее начала, а отчасти его и допускать, то уж никак не конца. С построением социализма в СССР и переходом к его так называемой развитой фазе во второй половине шестидесятых и в семидесятые годы, с их социальной стабильностью и невозможностью далее каких-либо революций, как таковых и вообще по объективным и субъективным причинам, трудно представить разумным и правильным заявление об отсутствии у какой бы то ни было из революций в советском обществе и для советской страны конца, в том числе и Великой Октябрьской социалистической. Поскольку таковой просто не могло уже далее происходить.

Возможными были бы также другие интерпретации, не нарушающие в принципе рамок идейного допустимого: восприятие революции как постоянно действующий, похожий на вулканический, процесс брожения угнетаемого человечества, периодически поднимающийся и выплескиваемый на поверхность, сметая все старое на своем пути, вплоть до полного освобождения, осуществляемого при коммунизме. Тогда революцию в ее *нет конца* необходимо было бы понимать, применительно к советскому времени развитого в СССР социализма, с отнесением к тем народам и странам, которые, будучи еще не освобождены, не стали на социалистический путь развития и стонут под гнетом эксплуатирующего их капитала.

Однако такая интерпретация, идеологически в принципе правильная, не подходила бы к установкам и требованиям момента, с необходимостью, в связи с надвигавшимся юбилеем, акцентации для молодого сознания смысла и роли именно Ок-

тябрьской революции, как Великой и социалистической, а не революции как таковой или какой-то, пусть и необходимой, другой. И при этом не только и даже не столько смысла и роли ее для всего человечества, сколько, в первую очередь, для советских граждан, как строителей социализма, и для советской страны.

Полученная задача, с предполагавшимися, хотя прямо и не заявляемыми, ограничениями (не будем упираться при мысли, насколько последовательно и основательно могла и должна была быть решена, поскольку не то было главным, и даже не предполагалось, как, впрочем, и все в патетизме, с недоговоренностями и необязательностью, а точнее нежелательностью само собой напрашивающихся уточнений), такая задача непосвященному и идейно не подготовленному могла представляться парадоксально заряженной, а потому в разрешении непростой.

Остановимся, чтобы далее не блуждать, на таком предполагаемо возможном, а с учетом времени и обстановки также и допустимо желательном, представлении, которое будет для нас отправным для дальнейшего рассуждения применительно к вертикальной схеме в интенциональной и субъектной ее частях. Не о вечности революции как процесса развития обществ и отдельного общества в данном случае, очевидно, следовало бы рассуждать и не о ее имманентности для человечества. Речь, безусловно, должна идти об Октябрьской революции (как вершине вершин, революции всех революций, что закладывается как очень важная мысль и что никоим образом нельзя отрицать) и, конечно же, в первую очередь, в ее отношении к советскому обществу и к советской стране, находящихся в фазе построенного и развитого социализма.

В итоге мы получаем значимо рамочное представление, поскольку направленное на побуждение (ингрессив-трансгрессив патетизма), актуализацию к месту и времени и активизацию к предполагаемой в будущем партиципации в общем организуемом процессе, определяемому как созидательный труд на благо социалистической Родины, т.е. как усовершенствование построенного и развитого социализма, его дальнейшее по-

ступательное развитие, неопределенное в формах, но ясное в целях и настроениях.

Сказанное нами здесь и определенное подобным образом и составляет ту тоново организующую и обуславливающую часть интересующего нас дальнейшего в отношении вертикальной схемы в ее интенциональной и субъектной проекциях. Ее смысловую опору, которая может быть определена, но не всегда и не обязательно должна быть и/или присутствовать в сознании воспринимающих патетизмы официоза, находясь за пределами тоново организующей части их семантического модулятива. Поэтому, при определении ее таковой, хотелось бы подчеркнуть, что само это определение составляет задачу при описании той части модулятива, которая была нами выведена как схема горизонтали и, как таковая, в двух возможных ее проявлениях, будет охарактеризована далее (о чем, впрочем, уже говорилось).

Определяемая нами здесь для лучшего понимания смысловая опора, т.е. не столько то, о какой революции речь (поскольку речь должна и может идти об Октябрьской), сколько то, в каком аспекте и как ее следует чувствами воспринимать, какими фибрами мотивируемой соответствующим образом советской души, данная смысловая опора очень коротко, без возможных проекций и уточнений, виделась бы в следующем отношении. То, что у революции нет начала, предполагает парадоксально, поскольку чувствами, а не умом, нащупывая, хотя и уверенно, поскольку об этом зная, но заново открывая, в ликующем удивлении, как в своего рода доставляющей бесконечное удовольствие открывающему игре, искать начало, доказывая и себя лишней раз убеждая в этом, не только в своей, т.е. отечественной, истории, но и в истории других стран (однако не всего человечества), как провозвестников Октября и его предшественников. То есть, иными словами, это не что иное, как метафорически-аллюзорное (позволим так себе это определить) отношение, приподнимающее и раздвигающее, дающее переживаемое в ощущениях чувство вдаль и вглубь, от своего к братски поддерживающему это свое такому же и то же самое переживающему другому. Такова патетически обусловленная для со-

ветского человека была роль Великой французской революции конца XVIII столетия, открывшая новую эру. С ее, в свою очередь и в свой естественно закономерный черед, происходившими и производившимися ранее и затем, такими уже уходящими вглубь и вперед, предшествиями и последствиями (как в Парижской коммуне, прямой и наиболее яркой предшественнице Октября). В революциях и восстаниях, но не просто так себе и не в любых (определяемых скорее как мятежи, волнения, бунт, беспорядки), но содержащих внутренне правильно ориентированное брожение, которое и объявило затем себя в полном смысле и мере в Октябрьской. То есть брожение, имеющее смыслом освобождение от угнетателей как от класса, а не отдельных лиц, относимое к грядущему человечеству, к его светлому будущему, поскольку полностью, до основания и до конца, а не просто как выплеск негодования и недовольства, вызванный жаждой сведения счетов, расправы и мести, ибо такое негодование и подобное отношение ни к чему впоследствии не ведет.

Что же касается того, что у понимаемой как Октябрьская революции нет конца, то это следует чувствовать в перспективе ее настроя-толчка, сообщающего соответствующее движение ее наследникам и последователям. Нет конца ее начинаниям, ее посеву, ее идеям, воплощающимся теперь в постоянной революционности приподнятого настроя и устремления всех советских людей, определяемой и ощущаемой в каждом и каждым как твердость, решительность, непримиримость, неколебимость. Как убежденность в единственности и исключительности наследия, порожденного Октябрем. Как стойкость, основанная на представлении о своей исторической миссии и правоте, дающих право и основания постоянно и неизменно всегда и во всем идти до конца (и в этом и этому *нет конца*), не отступая и не останавливаясь. Руководствуясь в этом, равно как во всем ином, данным им Октябрьской революцией, всепобеждающим и всепреграды преодолевающим, неисчерпаемым по этой причине запасом, заквасом, революционной идейной прочностью, обнаруживающим себя на данном этапе открытой ею советской истории в необходимости поступательного движения далее и вперед.

В постоянном развитии и усовершенствовании построенного предшествующими поколениями и развитого ими социализма в общей для всех советских людей Отчизне, все той же Октябрьской революцией преобразенной и созданной, а потому и единственной такой в мире, стране.

Сказанное позволяет выявить в представленном материале то, что могло бы найти свое отражение в интенциональной и субъектной частях вертикальной схемы, что дает возможность, применительно к интерпретируемому соответствующим образом представлению о революции, уточнить на этой основе некоторые проекции той и другой частей на последующих уровнях. Напомним, что для интенциональной части проявлениями второго уровня были валентностные фазы-позиции, охарактеризованные как фундаментатив – реализатив – континуатив, в то время как для субъектной, соответственно, обдуктив – консистив – прокурсив, понимаемые как некое целое в единстве соотносимых сторон, выделяемых в своей тройственности как для наглядности и удобства, так и с мыслью о неслучайности подобного их выделения, предполагающего телескопичность возможного раздвигания (в четыре, пять для каждой позиции) все с той же основой к трем в своей вертикали и горизонтали. Однако вернемся к стоящей задаче определения дальнейших делений по уровням интенциональной и субъектной частей с опорой на сказанное относительно рассмотренного представления о революции.

Первое, что следовало бы в этой связи решить, – это то, в какой из трех возможных и выделенных позиций второго уровня для каждой из двух частей в наибольшей мере можно усматривать проявление уровней третьего и четвертого. То есть к чему было бы ближе то, что потенциально заложено в охарактеризованном представлении революции, – фундаментативу, реализативу или континуативу для интенциональной части, обдуктиву, консистиву или прокурсиву в субъектной. Не исключая возможности обнаружения, а даже предполагая его в двух других, поскольку, во-первых, характеризуемая вертикальная схема существует как нечто тоновое сама по себе, вне значений от-

дельных языковых единиц, управляя ими и отражаясь в них, а во-вторых, сама особенность валентностно-целостного устройства ее составляющих, равно как и ее самоё, предполагает пониживание, проникновение и проступание единого в составных частях. Поэтому то или иное отображение можно скорее воспринимать как предпочтительно непротиворечивое и относительное, обращаясь к нему с целью лучшего понимания действия механизма на каком-то его материале, а не как к тому, что собою описывает и характеризует сам этот материал.

Опираясь на эти принципы, имея их при соответствующем представлении в виду, наиболее правдоподобным было предположение о его близости (не хотелось бы говорить, наибольшей) к фундаментативу в интенциональной части и прокурсиву в субъектной. Допустим это как вполне приемлемый и непротиворечивый вариант. В пользу такого выбора говорило бы то, что рассмотренное проективное представление о революции, в первую очередь, обращено к идее мотива предполагаемого побуждения, дающего основание, право и убежденность себя соответствующим образом проявлять, что и находит свое воплощение в интенциональном фундаментаиве. Одновременно с этим, нацеливая на необходимость преобразования данного основания в продолжающееся продвижение постоянно и неизменно вперед, с подхватом совершенного и достигнутого и обращением его на данном этапе в созидательный труд, данное представление имеет смысл находить в прокурсиве соответствующим образом заряженного в фундаментаиве субъекта, понимаемого как все и каждый, как отдельности и как совокупный массив.

Отвлечемся теперь на время от охарактеризованного представления о революции, с тем чтобы не привязать к нему дальнейшего подразделения по уровням для фундаментаива и прокурсива, поскольку определяемый механизм видится в отношении всякого такого модулятивного представления не столько как его в себе отображающий, сколько на него скорее воздействующий, его импульсирующий и в нем, разливаясь, скорее пульсирующий. По этой причине он видится действующим

щим отвлеченно от заряжаемых им единиц и, как таковой, в отвлечении от них, должен бы был представляться. Выведенное ощущение от революции, о котором шла речь, послужит внутренним ориентиром, который поможет мысленно не оторваться от контекста типично советского патетизма (и патетизмов) и не уйти в модулятивные сферы чего-то другого, если не модулировать как такового вообще, что возможно, но что все же не было нашей задачей. Представление это, удерживая в определенном контексте, будет тем, что, очерчивая пределы, дает возможность видеть и выводить позиции и валентности, характерные для того, что следует описать как данное в его собственном проявлении. Поскольку рассматривается модулятив семантики патетизмов как единиц языка не вообще, но патетизмов советского официоза, необходимо оставаться в пределах, для них характерных, что предполагает более или менее регулярное к ним обращение с актуализацией свойственного для них концептуально-смыслового контекста.

Итак, отвлекаясь, но внутренне сообразуясь с задающим свои валентностные пределы выведенным представлением, фундаментатив интенциональной части для вертикальной схемы виделся бы в проекциях 1) того, что по сути своей открывает (новую эру для человечества, вдохновляет, вдыхает, толкает, движет, давая и придавая существованию, проявлению, намечаемому конкретному действию в контексте общего и с целью его, а также жизни и деятельности, всех и каждого, не просто их сопровождающий, но объясняющий и генеративный смысл), обозначим условно это как апертив (aperio, apertum 'открывать, отворять'; 'обнажать, обнаруживать'; 'предоставлять'); 2) того, что дает основание и опору в том, что есть некая длительность и поступательность, наступление с его предшествованием в том, что подхватывает и что затем последует (своеобразный эффект подхватывающей и поддерживающей на поверхности и несущей вперед приливной волны, в которой можно далее на следующем уровне видеть ощущаемый в действии на переживающего подъем, поддерживание и несение, перенесение), обозначим это как кумулятив, в его фазах подхватывающего

подъема, удерживания и несения; 3) того, что влечет, собирая и увлекая со всем и со всеми, ведет, подхватив и поддерживая, за собой и с собой (пусть это будет, за неимением более подходящего, кондуктив: *conduco, conductum* ‘собирать, стягивать’; ‘сводить, переводить’ – во что-то одно, с одного в другое).

Прокурсив для субъектной части как ее продвижение к будущему мог бы выглядеть, соответственно, в распределении 1) того, что следует воспринимать как твердость опоры, уверенность основания, равновесную прочность – аффирматив; 2) как твердую поступь затеянного движения, твердый, походный уверенный шаг, поступательную его наступательность – инсистив; 3) как его последовательность в неуклонном, упорном движении до решительного конца – консекутив. Равновесная прочность, аффирматив, проявлялась бы далее в возможных для себя составляющих 1) того, что можно было бы определить как отталкивание (репульсив), включающее тройственно собранную идею, включающую в себя одновременно три стороны – а) отталкивание от того, что необходимо и что свое, используя его как опору и как мотив; б) отталкивание, как прохибитатив, запрещающий обращение во имя движения к чему-то другому, а также использование его, как мешающего, разлагающего, искажающего, с отделением, отказом, обособлением от него; в) отталкивание как толчок, т.е. импульс, начало движения – его ощутимый инициатив; 2) того, что предполагало бы необходимость концентрации на главном в том, что дает и рождает движение, вбирает в себя его кумулирующий и разворачивающийся далее в собственном продвижении энергетический пункт (с заложенной в этом собственной тройственности – порожденного импульса, энергетизма и его выдвигания); 3) того, что себя проявляло и обнаруживало в умении претворять в деяние полученный импульс мотива и кумулированный концентративный заряд, в умении ковать, выковывать (ковка, закаливание материала, подковывание и подковка) то, что способно далее себя проявить в инсистиве – как своего рода сжимающий подготовительный, подготавливающий для развернутого удара компрессатив.

Остановимся на этом в определении вертикальной схемы, поскольку дальнейшее видится в слишком подробном вхождении в сферы, мало что добавляющие к поставленной нами задаче показа действующего в модулятиве патетизмов советского официоза тоново-смыслового устройства. Для более полного представления сказанного, как его обобщение, и вместе для перехода к дальнейшему – характеристике горизонтальной тоновой схемы, попробуем в соответствующем ключе охарактеризовать фрагмент рассматриваемой концептуальной модели, который, в конечном итоге, позволит далее перейти к заключительной части исследования, предполагающего анализ собственно языковых единиц – патетизмов советского официоза в их позициях в концептуальной модели (своеобразной картины мира) как носителей соединяемых смыслов (семантических признаков).

Первое, на что следовало бы обратить внимание в связи с предстоящим определением фрагмента концептуальной модели, имеющим отношение к вертикальной схеме, это на то, что рассматривавшиеся ранее в своих составляющих три ее части – интенциональная, субъектная и объектная, представляют по существу, с точки зрения возможного как более полное построение, только часть первой (левой) части из таких же возможных трех. Две других – центральная и правая, представляющиеся как акциональная и результирующая, в мысль заложенной в построение идеи вхождение (подключение) – развитие (развертывание) – достижение (цель, результат), в ходе предшествующего анализа не рассматривались.

Ограничения подобного рода и выбор того, чем и как представление ограничивалось, были вызваны тем, что задачей не было описание сколько-нибудь обстоятельное и полное, задача состояла, прежде всего, в демонстрации механизма, с тем чтобы иметь возможность, не углубляясь в подробности и детали, показать, по возможности, разные стороны изучаемого модулятива в их взаимодействиях и соотношениях.

Таковыми взаимодействующими сторонами модулятивной семантики патетизмов советского официоза, влияющих на их

характер и тоново-смысловые особенности, представляются отражаемые для наглядности в схемах, парадигматические по своему характеру механизмы, формирующие внутренние устройства, обладающие воздействующей, направленной на сознание воспринимающего, функцией.

Представление о горизонтальных моделях

Стороны эти, характеризующиеся и определяемые как парадигматические устройства, видятся в виде трех, представляемых горизонтально схем, соотносимых между собой и связанных схемами вертикальной проекции. Особенностью рассматриваемого устройства, как в целом, так и в его составляющих, как уже говорилось, является тройственность, способная к разделению далее на два и на три, как на том же, с точки зрения вероятного смысла, уровне, так и по уровням в глубину. Моделирующую основу, исходную позиционную комбинацию такого устройства можно представить, следовательно, в виде ромба с тремя позициями по горизонтали и с тремя по вертикали, точка (позиция) пересечения которых представляла бы центр. Ромбов таких, с их переходом от первого, правого, играющего роль запускающего, через центральный второй, разворачивающий, к левому третьему, как разрешающему, соответственно было бы три, со своими такими же позиционными точками.

Подобным образом организованных (горизонтальных) схем в отношении модулятива патетизмов советского официоза, как уже говорилось, было бы три, связываемых между собой проективами вертикали, исходящими от позиционных точек горизонталей. Первая из этих схем, рассмотренная нами в левой части для трех позиций (интенциональная, субъектная и объектная) в некоторых из их составляющих по вертикали представлялась как схема, выполняющая роль и функцию тонового подключения всего дальнейшего в модулятиве. Вертикальные позиционные составляющие, спускающиеся по уровням в глубину (их было выделено для описания четыре, но их может быть больше), помимо идеи дальнейшей проекции тона и смысла

(точнее было бы это определять как смысл, оформляемый и действующий как сообщающий единице в его воздействии на сознание тон), эти вертикальные составляющие, в модели устройства, выполняют также роль и функцию связывающих первую горизонтальную схему со второй, вторую, а через нее также и первую, с третьей.

Если первая горизонтальная схема выполняла роль, скажем так, тоновой подключающей, то вторая, о которой попробуем дать теперь краткое представление, выполняла бы роль оформителя смысла для патетизмов. В свою очередь, третья, затронуть которую предстоит в дальнейшем, мыслится как такая, которая представляет модулятивный фрагмент собственно концептуальной картины мира для патетизмов советского официоза. В данном месте не будем стараться соотносить, объяснять, представлять выделяемые части всего большого состава, ограничившись его объявлением с обозначением ролей, что имело бы свой несомненный смысл в дальнейшем, однако после того как будут представлены в общих чертах (не замахиваясь на большее) все три его горизонтальные схемы.

Та концептуальная смысловая модель, которая видится нами в своем функциональном и ролевом назначении как тоновая, т.е. мобилизующая и побуждающая в каком-то определенном воздействующем ключе, характерном для патетизмов советского официоза, и которая будет использована при определении второй горизонтальной схемы исследуемого трехчастного парадигматического устройства, эта модель приблизительно может быть объяснена как модель революционизирующего (скажем так), одухотворяющего своим обновлением, представления о мире, социальном, общественном прежде всего, в котором каждый отдельно включаемый в процесс обновления индивид, человек, дается и преподносится как функционально действующая и участвующая, партиципирующая и партиципируемая (задействуемая в общий процесс обновления) часть большого, его поддерживающего, с собою несущего, постоянно к тому же и расширяющегося, общественного и человеческого родового массива. При этом массив этот, помимо прочего, слу-

жит ему опорой, защитой, а также средством и целью существования.

Данное представление, что следует особо отметить и подчеркнуть, вместе с тем имеет не общегуманистический, обращенный на общие родовые ценности всего и для всего человечества, как можно подумать, но сугубо советский, свой собственный, для своих, социально, по происхождению, по идее, по духу, друг другу близких, объединенных и соответствующим образом, на определенной идейной, деятельностной и экзистенциальной основе, спаянных, сплоченных и сплачиваемых. Определялся этот подход в свое время как классовый и марксистско-ленинский, с дальнейшими, необходимыми для момента, коррективами и уточнениями, ни в коей мере, однако, как утверждалось, не подвергавших ревизии, пересмотру, коренные, основополагающие, неколебимые положения и аксиомы.

Не будем в данном месте входить в детали вопроса, насколько и как все это могло быть в своих реализациях классовым или марксистско-ленинским, об этом имеется, впрочем, уже довольно обширная и обстоятельная литература. Не это будет нас интересовать. Попробуем в самом общем виде представить обозначенную смысловую модель в ее необходимых для советского видового и типологического уточнения ограничениях, с тем чтобы вывести ее к тоновому модулирующему ключу, который позволит в дальнейшем тоновым, модулятивным, образом, интерпретировать заключенные в патетизмах смыслы, не задаваясь пока что целью вписывать эту модель в вертикальные и горизонтальные позиционные схемы.

Составляющими определяемой модели, как это следует из ранее сказанного, будут (в неизбежном для четкости описания упрощении): 1) общественное устройство в проекциях его институтов и отношений, индивидуальных (межличностных) и социальных (общих и групповых); 2) входящий в данное общественное устройство как его представитель и составляющий элемент индивид, человек, в его отдельности, но не обособленности; 3) масса данного общества как совокупность людей-индивидов и как общее целое, их массив. Регулирующими от-

ношениями всего этого будут задачи и цели, а также последствия предполагаемого преобразования общества (понимаемого целостно как совокупность всего обозначенного в 1, 2 и 3) в направлении, которое предполагает а) полный и резкий, единовременный, отказ от прежнего состояния, его разрушение, демонтаж; б) поступательно неизменное подключение, введение признаков нового в то, что как новое пока что не есть, но и как старое более не существует; в) с расширением и усилением признаков нового, все более намечающийся и принимающий необходимую форму к нему переход.

Теперь введем соответствующие для советского образа данной модели, как было ранее сказано, уточнения, важные для нее и создающие основания импульсирующего воздействия, соответствующим образом организованным тоном, на ингрессируемого к модели воспринимающего – потенциально или уже реально участника, задействуемого действителя заданно-задаваемого революционизирующего процесса строительства нового мира в отдельно взятой стране. Без таких уточнений указанная по пунктам модель имела бы вид отвлеченно-абстрактной смены социальных формаций как состояний общества, не насыщенной классово и партийно-советской идейностью, основываемой на интерпретированном соответственным образом марксистском учении. Уточнять соответствующим образом в этой связи следует каждый пункт характеризуемой модели в его значениях, валентных соотношениях, уровневых смыслах, проекциях, идейно-логических и когнитивно-оценочных следствиях. Поскольку такая задача, в силу своей объемности, не могла стоять, ограничимся представлением наиболее общих типологических характеристик.

Что касается общественного устройства в проекции его институтов и отношений, индивидуальных, всеобщих и групповых, определяя все это в мысль порывающего ингрессива, следовало бы сказать, что оно, как существующее общественное устройство, которое необходимо разрушить, с тем чтобы на его основе начать строить новое, отмечается признаками (опять-таки в упрощении, в том числе и с учетом задачи):

- своей исторической непригодности, дряхлости, старости, изжитости, проявляющихся в неспособности удовлетворять потребностям справно действующего общественного организма – старческое бессилие одряхлевшего, инфирмитатив (*infirmitas, -atis* ‘бессилие, слабость, немощь, беспомощность’; ‘недомогание, нездоровье, болезнь’; ‘шаткость, ненадежность’), обусловленное давно изжившими себя, отсталыми формами социальной организации;

- общественной неравенствующей несправедливости, основанной на угнетении слабых сильными, многих немногочисленными, большинства меньшинством, достойных недостойными, заслуживающих не заслужившими, только в силу их классовой принадлежности, по рождению и происхождению, по их отнесенности, без старания с их стороны и заслуг, к тем, кто в прежнее время, в предках своих, в прошлом грабил и убивал, подавлял, угнетал, разорял, – иниквитатив (*iniquitas, -atis* ‘неравномерность’; ‘несправедливость’; *iniquus* ‘неравный’; ‘враждебный, недоброжелательный’; ‘несправедливый’; *inique* ‘неравно, на неравные части, несправедливо’);

- праздной бездеятельности, ведущей, в конечном итоге к стагнации и умиранию, предполагающей в основе своей поощрения не для того и тех, кто трудится и приносит пользу, а того и тех, кто в силу своей позиции и принадлежности к классу эксплуатирующих, находится при распределении общественных благ, кто распределяет их в свою пользу – неверное, искаженное распределение блага – индистрибутив (*distribuo, distributum* ‘разделять, распределять; раздавать’);

- неверного выбора ведущей общественно-исторической силы – не рабочий класс как самый передовой и активный, в силу мобилизующих, спланивающих его условий жизни и деятельности в постоянном труде и в борьбе за права, а потому динамичный, подвижный, бесстрашный, здоровый, крепкий, растущий, усиливающийся и молодой, но класс обладателей, цепко держащихся и дрожащих за свое и за старое, прикрепившихся, присосавшихся, привыкших жить на готовом, пользуясь плодами

ми чужого труда, боящихся нового и каких-либо перемен – ин-селектив (*seligo, selectum* ‘выбирать, избирать’).

Все это, будучи заложено как мотивы знаний, оценок и представлений, пронизывает собой все составляющие охарактеризованной ранее в пунктах 1, 2, 3 модели. Одновременно с этим все это, как слабое и неспособное, в силу своей разлагающей, отсталой изжитости, лишенной будущего, к тому же еще и основанной на несправедливом неравенстве подавления и использования одних другими, достойных недостойными, порождая паразитизм и являясь следствием искаженного выбора, – это все, в признаках несправедливо организованной разлагающей общественной немощи (инфирмитативно-иниквитивный индистрибутив инселектива) и создает, а затем задает и усиливает, тот тон, который, пронизывая рассматриваемую модель, призван сенситивно воздействовать, направляя сознание воспринимающих в нужное русло и действие.

В итоге такого воздействия ожидается электризующий, мобилизующий, организующий, революционизирующий по своему характеру, результат, предполагающий мысль о необходимости переворота и уничтожения общественного устройства с подобными признаками – в его институтах, общественных отношениях, в том числе и индивидуальных и групповых, а также в классах, группах и представителях, являющихся носителями подобного рода свойств и идей. Сенситивно, в субъектах, их массе, в сплочении, накапливающийся и откладывающийся результат, действуя в них ингрессивно и эксклюзивно, не прекращает своего революционно-переворотного, преобразующего и преобразуемого, действия с уничтожением и разрушением прежнего. Но продолжает, инерцией тона, его качественной характеристики и возрастающей силы (растущей с победой), с переходом в трансгрессию, действовать далее как то, что, изменив полюса в социальном устройстве, а тем самым его структуру, поначалу преобразует создаваемое и возникшее новое, усиливая в нем необходимые в будущем тоны и полюса, а затем, в перспективе подобного роста и усиления, приводит к созданию это-

го самого нового – общества на искомым началах советски интерпретируемого коммунизма.

Интерпретацию охарактеризованного общественного устройства, его тоново-смысловое оформление в контексте патетизмов советского официоза, для модулятива когнитивно-вербальной семантики, типологически для них характерного, попробуем воспроизвести на примерах. Воспроизведение это будет нас подводить к горизонтальной схеме устройства, обозначенной в общей модели как вторая, смысл которой сводится к тоново организуемому представлению составляющих семантических признаков для всего целого и для входящих в него смысловых единиц.

То, что призван в четырехчастном своем составе указанный механизм, возбуждать, рассчитано на эмоции (проявляемые в задаваемом тоне), вызывающие и связанные, прежде всего, с отталкиванием, желанием оторваться, избавиться, поскольку инфирмитатив в здоровом и крепком сознании и организме, естественным образом предполагая реакцией не иметь ничего такого в себе, порождает стремление этого избежать. При этом возможны, как результат, либо эмоция отвращения к разлагающей немощи больного и дряхлого, либо, вызванное сочувствием, желание помочь, начать проявлять заботу. Зависит то и другое от уровня эмоциональной организации и внутренней предрасположенности человека, а также и от того, касается ли это своего, родного и близкого или чужого и постороннего. В связи с этим отталкивание инфирмитатива должно начать действовать избирательно, быть соответствующим образом разделено. В отвращающей части – на то, что дается в своем как чужое и несвое; в части желания проявить заботу – на то, что в нем характеризуется как свое. То, что в своем выступает в нем как социально чужое и несвое, ориентируется к уничтожаемому, преодолеваемому прошлому (как способ его исцеления, т.е. всего своего). То, что в своем, определяется как свое, поскольку родное и социально близкое, характеризуется в нем как здоровые силы, требующие поддержки, подъема и усиления (заботы и культивирования).

В результате рождается представление о конструктивно ориентируемом деструктиве как импульсе организуемого и направляемого в отталкивании толчка, которое следует понимать, как отталкивание для продвижения вперед и отталкивание от того, что собой отвращает. Первое связано с конструктивом, это толчок к совершению, к действию. Второе, наоборот, с деструктивом, как толчок отвращения от того, что мешает, сдерживает, разлагает и искажает. Регуляцией большего-меньшего своего или несвоего можно распределять в отталкивании направленности и силу конструктивного и деструктивного в том, на кого соответствующее воздействие обращено. На начальных этапах больший упор будет делаться и делается на том, что должно быть разрушено, на деструктивности, с мыслью о конструктивности, о возможности строить и создавать при условии уничтожения старого, избавления от него. В дальнейшем все больший упор и значение делается на конструктивности, отводя деструктивности роль подчищающего и регулирующего сопровождения, того, что, предполагая необходимую бдительность к разлагающему и инородному, освобождает от него организуемое и создаваемое, конструируемое, свое.

Усиливается отталкивание, поддерживается и направляется, эмоцией оскорбленной кипящей задетости инквизитива – сочувствия к подавляемым и угнетаемым и неприязненной ненависти к подавляющим их угнетателям. Чувство неравного отношения, социальной несправедливости предполагают реакцией возмущение, негодование, нарушение внутреннего спокойствия, порождая желание подъема и выхода, вооружения против зла. Возмущение это, так же как и отталкивание, можно и следует понимать в двух его проявлениях – как внутреннее возбуждение, мобилизацию сил, нарушение равновесия, выход из себя (в том, что имеется в виду под *выйти из себя, вывести из себя*), и как обращение на кого-то и против кого-то, негодование по его поводу, выход, вооружение против него, предполагающее обрушивание на него. Отталкивание инфирмитатива в результате сцепленной задетости инквизитива, в соединении с

нею, приобретает форму и вид вооруженной мобилизуемой силы толчка.

И н д и с т р и б у т и в, соответственно, как неверное распределение материальных благ, порождая желание выровнять искаженное положение, предполагает стремление действовать – устремление выравнивания, организованной массой, потоком всего своего обращаясь, обрушиваясь на всё несвое, на то, чтобы сносить его на своем пути, поставляя, организуя на его месте, в его место и замещение, то, как должно быть по мысли и справедливости, как свое, выравнивая и сравнивая – свое как установление, второе, ровняя с лица земли.

И н с е л е к т и в и с п р а в л е н и я выбора, предполагая идеей необходимость поставить всё на свои места, связывается с представлением о преобразующем перераспределении всего того, что вне и внутри (ср. эту мысль у В. Маяковского – *Я себя под Ленином чищу, чтобы плыть в революцию дальше*), сначала внутри, чтобы после вне. Исправление это предполагает организацию и устройство, строительство, с выведением, выдвижением вперед того, что может служить авангардом, как наиболее сильное, передовое, ведущее, и дальнейшим распределяющим и упорядочивающим подчинением ему всего остального, менее подвижного, и, наконец, неподвижно-тяжелого, с осаживанием и оставлением его позади.

В этой четвертой точке, тем самым, исходный толчок задетого в своем устремлении отталкивания оформляет себя как то, что имеет трассирующий, протянуто устремленный характер и вид (ср. голова летящей кометы и ее протянутый хвост) в своем правильно выбранном, справедливо распределенном, уверенно уравновешенном, здоровом и справно действующем конструктиве растущего, приближаемого будущего.

Общий тон всего этого, что проявляет себя в утверждающе-твердой уверенности патетизмов советского официоза, основываясь на объединенной идее ‘правильный выбор’ (*Верной дорогой идете, товарищи!* – селектив), ‘заслуженное распределение’ (*Кто не работает, тот не ест* и *Каждому по труду* – дистрибутив), ‘социальные равенство и справедливость’ (*Чело-*

век человеку друг, товарищ и брат. В советском обществе нет угнетения – эквитатив), ‘светлое будущее всего человечества’ (Коммунизм – это молодость мира и его возводит молодым – фирмитатив), – можно рассматривать в соединении симметрично отображаемых к этому импульса (сообщаемого массе и каждому ее индивиду отталкивания) – подъема (пробуждения в ней и в них задетости равнодушия, участия и соучастия всех и каждого в общем движении) – направленности (ее праведной устремленности к желанию строить и исправлять) – нацеленности (в своем правильном и единственном выборе только вверх и вперед, к покоряемым вершинам всеобщего будущего).

В своем воплощении, в отношении патетизмов советского официоза, все это можно рассматривать и характеризовать как тоново-тематические определители, маркеры, их семантики, которая в них имеется, как модулятивная, и как своя.

О тоново-тематических маркерах модулятивной семантики

Чтобы лучше представить то и другое, задумаемся для начала над тем, что и как можно воспринимать (в соответствующем тоново-мотивирующем ключе) под такими выражениями, к примеру, как *необоримая дружба, неограниченные возможности советского строя* или *неодолимый* в отношении таких слов, как *процесс, идеология, правда, неослабный – для интерес, внимание партии, с неослабной энергией, неотступно – для следовать учению Маркса, Энгельса, Ленина. Что означает неоценимый – для помощь, вклад* или что и почему может быть *непобедимым, безграничным, прочным, высоким, широким* и пр., а другое, по смыслу возможное, в патетизмах с такими определениями не употребляется, т.е. для них нетипично или же по каким-то причинам не может быть. Рассмотрение этого на примерах поможет увидеть закономерность какого-то действия, предполагая возможность определения на этой основе каким-то

собственным образом себя проявляющего процесса и механизма.

Первое, на что следует обратить внимание, при толковании выбранных нами примеров, это на то, что они могут означать, к чему иметь отношение, поскольку взятый вне своего обычного отнесения или контекста тот или иной патетизм должен быть правильно и единообразно понят, не как языковая вербальная единица сама по себе, а в отношении своего дискурсива, в отношении модели, в которую его предстоит вписать. Иными словами, *необоримая дружба* не может быть понимаема как непреодолимая в силе своего проявления дружба, дружба, которую не разорвать, собственно, даже как дружба, поскольку это *необоримая дружба народов СССР* либо такая же *необоримая дружба братских народов социалистических стран*, и очень редко и вряд ли что-то другое. Тем самым, не дружба и не необоримая, будучи метафорическим обозначением чего-то концептуального, важного в идеологическом и коннотативно-оценочном, т.е. тоновом для нас отношении.

Не будем задумываться над тем, насколько данное соотносимо с реальностью, поскольку для нашей задачи важно не это, а то, что для сознания называет то либо другое, какое идейное представление передает. Под *необоримой дружбой братских народов* (СССР или социалистических стран) следует воспринимать единство, сплоченность, идейную и социальную близость, взаимное понимание и готовность прийти друг другу на помощь, характерные для всех и каждого из представителей социалистических национальных республик, областей, округов, государств, обусловленные общностью их политического устройства, идеологии, социального происхождения, воспитания, интересов, уровня и условий жизни, которые (т.е. единство, сплоченность, близость, взаимное понимание и готовность помочь), силой объединившей их общей истории (революции, войны, кровь, борьба и победа) и общих целей (строительство социализма и коммунизма под руководством КПСС и братских ей партий), перед лицом общего неприятеля в лице класса эксплуататоров в странах капитализма, приобретают необыкновен-

ную прочность, способны выдержать любые проверки и испытания, которые невозможно ни при каких условиях одолеть.

Выделим в этом определении компоненты состава, с тем чтобы установить характер соотношения между ними, а также позиции и значения каждого. Первым таким компонентом будет – **что** называется, подразумевается под этой дружбой – единство, сплоченность и пр. Вторым – со стороны **кого** – всех и каждого (массы и индивида) из представителей и т.п. Третьим – **чем** обусловлено, вызвано данное состояние – общностью политического устройства, идеологии и т.д. Четвертым – **по** какой **причине** оно таково – силой объединившей истории и общих целей, перед лицом неприятеля. И, наконец, пятым – какими **свойствами** наделено – прочность, способность выдержать, невозможность преодолеть.

Наиболее важными в этом составе видятся первый и пятый, в то время как три других предстают как агентно-контрагентный, т.е. субъектный (второй), поддерживающе-мотивирующий (третий) и каузативно-интенциональный определители (четвертый). То, что первый и пятый проявляют себя как ведущие для понимания данного патетизма, предполагает возможность на их основе, по основанию первого – установить отнесенность отмечаемого патетизмом значения (= заключенного в нем когнитивного смысла) к одному из четырех показателей модели общественного устройства, социального состояния (фирмитатив – эквитатив – дистрибутив – селектив) и для пятого – определить характер тонового подключения к модели, т.е. выявить тоново-тематический маркер для данного патетизма.

Если выделенный ранее на основе отталкивания фирмитатив / инфирмитатив будет предполагать в задаваемом импульсе силу и слабость, обретение либо отказ, но не как таковые, а как сообщаемые, т.е. силу и слабость толчка, обретение либо отказ – как распахивание, открывание, появление новых возможностей в обретении, либо отрыв, оставление позади для отказа, то эквитатив / иникветатив проявляют значениями представления о равновесии (нарушении / достижении), перевешивании, преобладании (одного над другим, нового над старым,

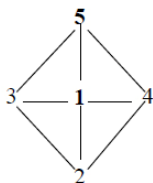
большинства над меньшинством, добра над злом), преодоления, развитии, росте, подъеме, победе. Дистрибутив / индистрибутив, соответственно, виделись бы в мотивах организации (правильного устройства), вытеснения, замещения (одного другим, неверного верным, неистинного истинным, недействительного действительным), поощрения, вознаграждения (по заслугам заслуженного), а селектив / инселектив – в приобретении, достижении, получении (знания, силы, значения, функции, цели), в исправлении (как достигнутом результате), нарастании, приближении (ожидаемого, желаемого, приближаемого нового).

Необоримую дружбу, по основанию первого компонента, можно было бы относить, таким образом, к группе эквитативов, с тоновым маркером распределенного отнесения, на основе пятого компонента, с показателем селектива-эквитатива – селективного эквитатива, если идти от тона, либо эквитативного селектива, если от эквитативного смысла.

Поясним теперь сказанное. То, что было представлено в отношении *необоримой дружбы* как называемое ею **что** – единство, сплоченность, социальная близость, взаимное понимание и т.п., следует относить к группе эквитативов, поскольку данное называемое характеризует эквитативные признаки равновесности в равенстве (дружбы), преобладания нового (в отношениях между народами и людьми) над старым, преодоления и подъема всего этого как развитие основания силы. То же, что было отнесено к компоненту пятому – прочность, способность выдержать, невозможность преодолеть, следовало бы отчасти рассматривать как признаки эквитатива, дающие силу развития, роста, подъема, а отчасти как признаки селектива – в достижении, нарастании, приближении нового (*необоримость дружбы*). Селектив играет роль тонового подключения к эквитативу: приближение приближаемого нового в отношениях между народами и людьми следует воспринимать в контексте преодоления и подъема в модели целого.

Необоримая дружба, в составе выделенных пяти компонентов, может быть представляема в валентных соотношениях как организованная определенным модулятивным образом еди-

ница, в которой пятый компонент (то, какими свойствами данное надделено), играя роль тоново-смыслового маркера, следует воспринимать как вершину всего дальнейшего, первый (что называется) – как определяющий центр смысла. Второй компонент (со стороны кого, т.е. народы) выполнял бы роль объясняющего, проецирующего и поддерживающего в отношении первого. Третий (чем обусловлено данное состояние – идейно-политическая общность и пр.) – роль инициирующего мотиватора, а четвертый (общность истории и целей, обуславливающая общность враждебного окружения и борьбы) – роль интенционального каузатора. Структурно это можно представить следующим образом:

Конструкцию данного построения можно было бы выразить в виде формулы $MR5 \rightarrow DR1 \leftarrow [Pr2 \leftarrow (Mt3 / Cs4)]$, где $MR5$ означало бы маркер пятого компонента, отмечающий все дальнейшее (стрелка вправо) через $DR1$ – директорию первого компонента как определяющий центр, получающий обоснование в $Pr2$ – проективе второго, объясняемого как его, так и все остальное через него, в $Mt3$ – мотиваторе третьего компонента и $Cs4$ – каузаторе компонента четвертого. Обе большие буквы маркера и директории означают то, что данные компоненты для определяемого смысла фигурируют как ведущие. Квадратными и круглыми скобками обозначается некоторая совместность, стрелками – действующая в общем составе направленность одного на другое, косая черта показывает взаимодействующую и распространяющую смысловую одновременность данного по отношению к чему-то другому или всему остальному.

Еще одну выбранную нами для рассмотрения единицу – *неограниченные возможности советского строя* – следовало бы охарактеризовать в составе ее компонентов в означаемом как 1) те значимые по своим проявлениям внешние и внутренние обстоятельства, условия и ресурсы советской действительности, придающие силу толчка как исходный накопленный потенциал (**что** называется, в своем определении характеризуемое как фирмитатив директории первого компонента: DR1^{firm}); 2) для всех равноправных граждан Советской страны и, прежде всего, в отношении молодежи, ее подрастающих поколений как ее прочного и стабильного будущего (в отношении **кого** – эквитатив проекции компонента второго: Pr2^{aequit}); 3) что является следствием правильно организуемого социального выбора (классовость, уничтожение эксплуатации), единственно правильной расстановки общественных сил (с авангардной ролью рабочего класса и обеспечивающей, поддерживающей ролью крестьянства и советской интеллигенции), идейной прочности единственно верной идеологии (марксистско-ленинские принципы), партийной твердой решительности и ее монолитности (партийность) – **чем** обусловлено данное состояние – селектив инициального мотиватора третьего компонента: Mt3^{selekt}; 4) что, в свою очередь, как условия, было осуществлено большевиками с Лениным во главе, захватившими власть и создавшими государство, продолжая развиваться и укрепляться его последователями в лице руководства коммунистической партии и всех ее членов – кем и чем, со стороны **кого** / **чего** было вызвано, **по** какой **причине** возникло данное состояние как свойственное советской действительности положение вещей – дистрибутив каузатора четвертого компонента: Cs4^{distr}; 5) и, наконец, все это определялось бы **свойствами** необыкновенной, все преодолевающей и всё себе подчиняющей силы, неисчерпаемой, не имеющей конца, в своем проявлении не сдерживаемой и не ограничиваемой – эквитатив-фирмитатив маркера пятого компонента: MR5^{aequal/ firm} эквитатива тона (эквитативный фирматив) и фирмитатива смысла (фирмативный эквитатив):

MR5^{aequit/ firm}

Mt3^{selekt}

DR1^{firm}

Cs4^{distr}

Pr2^{aequit}

Модулятивное построение рассматриваемой единицы, тем самым, имело бы вид $MR5^{aequit/ firm} \rightarrow DR1^{firm} \rightarrow Pr2^{aequit} \leftarrow (Mt3^{selekt} \leftarrow Cs4^{distr})$, а сама она относилась бы (по показателю директории) к группе фирмитативов, эквитативных фирмитативов, с учетом маркера пятого компонента, отличаясь от предыдущей эквитативной единицы (*необоримая дружба*), с учетом маркера ее пятого компонента относящейся к группе селективных эквитативов, также характером валентно-позиционных соотношений своих компонентов.

Если для *необоримой дружки* вбирающим векторы (стрелки направленности) выступает DR1, а Pr2, Mt3, Cs4 действуют в направлении центра объединенно, при равенстве отношений между Mt3 и Cs4, то для рассматриваемой (*неограниченные возможности советского строя*) таким притягивающим векторы становится Pr2 (в отношении **кого**), при неизменно центральной позиции смысла DR1, действие компонентов Mt3 и Cs4 на этот центр осуществляется скорее через Pr2, поскольку важно, что в его отношении, к тому же между самими Mt3 и Cs4 более вероятны не столько равнествующие, сколько последовательно каузирующие, развертывающие, отношения, направленные от Cs4 к Mt3. Различие между двумя единицами, помимо характера валентно-позиционных соотношений, поддерживается, что само собой разумеется, релятивными показателями компонентов, отображаемыми в индексах (firm, aequit, distr, selekt).

На основе представленного (процедурная характеристика двух единиц – *необоримая дружба народов* и *неограниченные*

возможности советского строя) можно было бы сделать такие, касающиеся рассматриваемого описания, выводы:

- компонентный состав модулятивной характеристики единицы можно представить в позициях пяти компонентов, валентно соотносимых между собой и образующих замкнутое ромбическое построение с центром, вершиной, левым и правым инициатива и каузатива и проективом внизу;

- позиционные роли этих пяти компонентов представляются постоянными и определяются в терминах маркер (5), его директория (1), проектив директории и всего построения (2), мотивирующий инициатив (3) и интенциональный каузатив; смысловую основу, тоново-смысловую всего построения составляет взаимодействие 5-го (вершины) и 1-го (определяемого в центре);

- маркеры пятого компонента MR5 имеют пронизывающе-охватывающий характер по отношению ко всему составу для единицы, входящей как патетизм советского официоза, в модулятив всего дискурсивного построения, и выполняют для восприятия вершинную функцию своего рода крючков, включающих, подцепляющих к общему, определяющих, тоновых, тоново-смысловых, с учетом их необходимого соединения с центральным, первым, определяющим смысл, компонентом;

- взаимодействие компонентов можно представить в виде ромбически организованной композиционной сферы, входящей как элемент всего дискурсива советского официоза или какого-либо его концептуально-оценочного фрагмента, и это же взаимодействие можно представить в виде конструкции, передаваемой наглядно с помощью формулы, отображающей направления (с помощью стрелок) валентностно-позиционного соотношения, его характер (с помощью скобок, косой черты либо их отсутствия – объединение, расчлененность) и показателей реляционного смысла (с помощью индексов);

- каждая из единиц относится к группе себе подобных по одному из четырех оснований для смысла (фирмитатив, эквитатив, дистрибутив, селектив), выводимому на основе первого, центрального, компонента, с тоновым уточнением-характере-

ристикой в объединении первого с пятым (эквитативный фирмитатив, селективный дистрибутив и т.п.);

- каждый из компонентов описываемого состава имеет смысловой показатель, один как ведущий, за исключением пятого, предполагающего удвоение (эквитатив-фирмитатив, селектив-эквитатив), первый член которого производится на основе тона, второй – основного смысла, исходящего от первого компонента, с которым пятый в соединении составляют осевое звено всего построения;

- при определении и описании двух рассмотренных единиц появились и были использованы смыслы и отношения, не нашедшие своего отражения в описываемых конструкциях и формулах пяти компонентов с уточняемыми в индексах четырьмя релятивными (так их следует характеризовать) смыслами (фирмитатив, эквитатив, дистрибутив, селектив); это смыслы не столько другого состава, сколько другого, концептуально-логического, описания, имеющие отношение к третьей горизонтальной модели, следующие из нее и выводимые на ее основе, что будет представлено позже, после более полного представления модели второй, о чем также еще будет речь;

- эти смыслы, относимые к третьей горизонтальной модели, имели бы отношение к картине мира советской действительности, точнее ее фрагменту, тому, который себя проявляет и действует в рассматриваемом дискурсивном модулятиве патетизмов советского официоза; это смыслы, определявшие релятивы состава пяти компонентов характеризовавшихся на их основании единиц, то, что будет далее по возможности упорядочиваемо для третьей горизонтальной модели – большевики, коммунистическая партия, Ленин, советская молодежь, советский строй, советские граждане, народы социализма, рабочий класс, авангардная роль, советское руководство, руководители партии и правительства, партийная твердость, решительность, принципиальность, государство рабочих и крестьян, диктатура пролетариата и все прочее.

Некоторые проекции второй горизонтальной модели

Обе рассмотренных единицы следовало бы относить к группе отношений в модели целого. Мысль, выводящая к необходимости определения проекций второй горизонтальной модели, видящейся в парадигматическом построении всего целого как модель ее настраиваемого. Однако прежде чем показать возможные проективные группы второй горизонтальной модели, равно как и ее позицию в отношении двух других, определяемых как первая и третья, для общего представления целого, имеет смысл рассмотреть те особенности второй модели, которые можно вывести на основании анализа некоторых других единиц.

Как было заявлено до рассмотрения признаков, следующих из *необоримой дружбы и неограниченных возможностей советского строя*, обусловленный характер сочетаемости слов в патетизмах, имеющий предопределенный и предсказуемый вид, типичный для единиц, называемых речевыми клише, будет интересовать нас с позиции, объясняющей особенности устройства и действия внутри модели. Иными словами, то, что рассматривают как следствие узуальной устойчивости, фразеологизованности, типичных и характерных для единиц того или иного дискурса, пропагандистского для патетизмов советского официоза, попробуем определить в отношении действия горизонтальной модели. Вопрос о том, в связи с чем одно какое-то слово, определение, скажем, с одним рядом слов, в сочетаниях с ними, устойчивые дискурсивные единицы создает, в то время как в сочетаниях с другими таких единиц не образует, попробуем разрешить на примерах *неодолимый* в отношении таких слов, как *процесс, идеология, правда; неослабный* – для *интерес, внимание партии, с неослабной энергией, неотступно* – для *следовать учению Маркса, Энгельса, Ленина*. Расширить подобное представление поможет установление того, что означает *неоценимый* – для *помощь, вклад* и что может быть и почему, в модели, *непобедимым, безграничным, прочным, высоким, широким*, в то время как что-то другое, по смыслу возможное, для патетизмов будет нехарактерно.

Начнем с того, какие слова способны сочетаться с указанными, оттолкнувшись при этом от их дискурсивных значений. *Неодолимый*, согласно МАС, имеет два значения, мало чем отличающиеся между собой: 1. Такой, который невозможно или трудно преодолеть, побороть; непреодолимый. *Неодолимая страсть*. *Неодолимое упорство*. 2. Устар. Такой, которого трудно, невозможно одолеть, осилить; непобедимый. *Неодолимый враг*. В ТСУ дается только одно значение с пометой (поэт.): Такой, к-рого нельзя одолеть, могучий, непреодолимый. *Н. сон*. С примерами из Пушкина (об океане) и Горького с устойчивым оборотом *иметь над кем-л. неодолимую власть*.

На основе этих определений можно непротиворечиво предположить, что интересующие нас патетизмы развиваются на основе узуальной семантики, формируя, через сочетания слов, образования полуустойчиво-узнаваемого характера, ограничивая свои сочетательные возможности кругом слов, имеющих отношение к прокламируемой идеологии. За этим предположением, впрочем, вполне понятным и мало что раскрывающим, должно стоять нечто большее, что способно вывести к характеризующим обобщениям, имеющим отношение к определению действующего в патетизмах устройства. Обратимся, однако, к тому же слову.

Неодолимый, как можно было видеть, сочетается со словами *упорство, страсть, сон, враг, океан*, а также, как следствие из этого, *сила, стихия, вера, уверенность, желание, препятствие, преграда, препоны, страх, правда, грусть, тоска, коварство, жажда, алчность, скорбь, борец, энергия* (скажем, *с неодолимой энергией приступить к чему-л.*), *зуд, соблазн*, – т.е. все то, если оставаться в рамках большей либо меньшей устойчивости сочетаний, не расширяя употребления до, если и возможных, все же не вполне устойчивых или даже непривычных, типа *век, смерть, бешенство, любовь, усилия, человек, гигант, стена, ров, переправа, поток, река, поддержка, помощь, радость, счастье, бред, метания, мечты, мысли, твердость, щедрость, решительность, забота* и пр. В связи с чем, в уточнение приведенному словарному определению, следовало бы сказать, что

неодолимый внутренне предполагает¹⁵ некую не поддающуюся прилагаемым усилиям (либо мыслимым как таковые) силу как препятствие чему-л., кому-л., со стороны чего-л., кого-л., возможно, в отношении чего-л. При этом тот, кого или что не могут одолеть, выступает носителем этой силы, этого препятствия, сопротивления, в то время как тот, кто стоит перед необходимостью одолевать, оказывается неспособным к этому по причине обладания меньшей силой, меньшей подготовленности и слабости. Условно это можно выразить таким взаимодействием (реальным либо потенциальным) двух данностей, предполагающим их состязательность и меряние сил (борьба здесь частный случай), при котором одно перед другим проигрывает, не имея на победу никакого шанса по причине несоизмеримости потенциалов, при этом эта их несоизмеримость обнаруживает себя лишь при условии актуализируемого (реального либо только мыслимого) столкновения.

Отталкиваясь от подобного определения, обратимся к сочетательным возможностям для патетизмов, сравнив их с приведенными, с тем чтобы вывести на этой основе то, что будет характеризующим для интересующего нас устройства.

Неодолимый в патетизмах, с некоторым не сугубо пропагандистским расширением, можно встретить в таких соединениях: *неодолимая сила ленинской правды (коммунистической партии, большевизма, революции, рабочего класса, стремления к правде)*, *неодолимая энергия революционных масс (советского народа)*, *неодолимый процесс освобождения (от угнетения – ТСЯС)*, *неодолимая идеология (о ленинизме – ТСЯС)*, *неодолимая правда жизни*, *неодолимая вера в светлое будущее коммунизма (в торжество идей коммунизма)*, *неодолимая уверенность в победе (в торжество ленинских идей)*, *с неодолимой силой (революционной) страсти*, *неодолимое стремление к всеобщей справедливости и счастью (к высокой цели, к добру, к*

¹⁵ Отвлекаясь от того, почему с одними словами привычно, с другими непривычно сочетается, а с третьими не сочетается, что тоже можно объяснять, скажем, так, как это делается в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка».

миру), неодолимая устремленность к победе, неодолимое желание помочь (всем бедным, угнетенным, страждущим, голодным), неодолимая поступь общественного прогресса (коммунизма), неодолимые ростки будущего, неодолимый класс (о рабочем классе), неодолимая партия, неодолимые борцы за коммунизм (за мир во всем мире), неодолимое развитие коммунистических отношений в Советском Союзе, неодолимый Советский Союз (советский народ), неодолимая сила (новой) жизни, для большевиков нет неодолимых преград (препятствий, ничего неодолимого) и т.п.

Первое, на что следует обратить внимание, это на то, что предполагаемое столкновение как носителя несоизмеримо большего потенциала характеризует различные виды и проявления того, что следовало бы относить к субъектной части всего устройства – большевики, коммунистическая партия, революция, рабочий класс, советский народ и пр. При этом даже в последнем примере, через отрицание, как объяснение невозможного, того, что для них (большевиков) нет и не может быть чего-то большего в потенциале, упорстве и силе. Неодолимость, тем самым, становится средством характеристики непрерываемого превосходства того, что в устройстве действует и проявляет себя как свое, в сравнении с которым любое другое, оказывающееся на его пути, неизменно проигрывает, не имеет ни малейшего шанса при столкновении.

Второе, что обращает внимание на себя при сравнении *неодолимый* для патетизмов с сочетаниями общего языкового свойства, это то, что данное слово вбирает в себя семантику неотвратимости, невозможности удержать напор, поступательный ход движения, присутствующего в потенциальном носителе как накопленное, сжатое, способное к развертыванию кумулятивное свойство. *Неодолимая – сила, энергия, идеология, правда, вера, уверенность* и т.п. – это такая, которая прорывается, рвется наружу изнутри, преодолевая, сметая любые препятствия и преграды на своем пути. Это поток, исходящий, выбрасываемый лучом, ничем не сдерживаемое из себя выдвигание. Иными

словами, это был бы консекутив прокурсива в отношении ранее рассмотренной вертикальной модели, но не о ней сейчас речь.

Определяемый в *неодолимом* признак, тем самым, необходимо рассматривать как характеризующий для субъекта предполагаемого проявления / действия, по показателю наивысшего превосходства потенциала / силы, в условиях вероятного столкновения с противоположным (субъектом) в его каких-либо действиях и проявлениях. Как таковой данный признак становится средством мотивирующей интенции мобилизующего фирмитатива в отношении группы субъектных значений по признаку обладания (диспозитатива). Иными словами, то, что выражается с помощью признаков, отражаемых в перечисленных патетизмах в *неодолимый*, следовало бы относить к субъектной части как компоненту первой горизонтальной модели, с возможными для нее вертикальными продолжениями (консекутив прокурсива), и к группе фирмитативов (фирмитативов-эквитативов для тоново-смысловой оси, выражаемой сочетанием пятого компонента с первым) как признаков обладания (диспозитатива), представляющего собой одну из частей второй горизонтальной модели, о которой пойдет теперь речь, с каким-то еще отношением к третьей, которую вывести еще предстоит.

Построение целого в отношении модулятива семантики для патетизмов советского официоза, еще раз напомним, будет сводиться для нас к определению трех взаимосвязанных вертикальными проективными уровнями горизонтальных моделей (парадигмоустройств), составленных на основе валентных / фазовых соотношений и проявляемых для большей наглядности как трехчастные (в валентных позициях 'исход – развитие – результат'). Каждая вербально себя выражающая единица – патетизм советского официоза, определяется как единица концептуальная, концептуально-тоновая и тоново-концептуальная на основе своего отношения к целому в проявлениях соответствующих признаков, относящихся как конструктивные элементы к трем горизонтальным и двум, их связывающим (первую со второй, вторую с третьей), вертикальным моделям. Каждая из трех горизонтальных моделей в своем структурном составе пред-

ставляется как валентностное объединение трех ромбически (сферически) располагающихся частей, позиции, или точки, внутри которых имеют значения определителей признаков, проявляемых на дальнейших, теперь уже вертикальных, уровнях. Вертикальные уровни, в своих признаках, помимо того, что дополнительно определяют семантику концептуальных и тоновых единиц системы, служат способом соотношения и связи (переходной и тоново-смысловой) горизонтальных моделей всего устройства.

Выводимая парадигматическая система целого определяет, тем самым, не смыслы, как можно подумать, патетизмов советского официоза как выражаемых словами русского языка фразеологизованных или лексических единиц, а тоново-смысловые и смысловые признаки, различного уровня обобщения, но как таковые связываемые между собой, которые, являясь составными элементами концептуальных по своему характеру единиц (системы советского мировоззрения в ее пропагандистской части), образуют для их представления каким-то образом формируемые объединения – конструкции, способные далее себя выражать при посредстве патетизмов советского официоза.

Тем самым, выходит, что патетизмы советского официоза, как единицы определенной сферы речевого функционального проявления, т.е. коммуникативной сферы употребления, вербально, концептуально и коннотативно-оценочно ограничиваемого и достаточно замкнутого (как единицы дискурса), а следовательно, все-таки и вместе с тем единицы речи и языка, лишь выражают концептуальную сферу дискурса, выступая средствами проявления концептуальных его единиц, не будучи идентичными им, отличаясь, как единицы речи и языка, способностью относиться к чему-то еще и заключать в себе нечто большее. Статичностью отнесенности к парадигме устройства, следовательно (хотя также не полной и относительной), характеризуются концептуальные единицы в признаках своего состава. Вербальные единицы, их выражающие, своей отнесенностью к речи (контексту употребления) и языку (в котором они имеют свои, не исчезнувшие с использованиями в дискурсе, значения), в на-

шем случае патетизмы советского официоза, такой статичностью парадигматической отнесенности не обладают, они подвижны (хотя и в границах для них возможного), ассоциативны (способны соотноситься с чем-то, не вкладываемым в концептуальное представление, другим) и переменчивы (могут начать что-то новое для воспринимающих выражать).

В силу такой их, отчасти не предсказуемой подвижности, предметом нашего рассмотрения, хотя и была семантика патетизмов советского официоза, но характеризующаяся и описываемая через систему, способную быть более или менее статично представленной, через систему стоящих за ними модулятивов концептуальных, тоново-концептуальных и концептуально-тоновых единиц, первые из которых представлялись как единицы парадигматического устройства третьей горизонтальной модели, вторые – второй, а третьи, соответственно, первой.

После такого необходимого пояснения вернемся к предмету на время оставленного рассмотрения. Речь, на примере анализа слова *неодолимый*, шла об устройстве второй горизонтальной модели, в той ее части, которую следует определить как левую, или первую, т.е. вводящую, подключающую, которая во второй, осевой, на основе валентных и фазовых (как возможные) соотношений, получит свое продолжение, проекцию и развитие, которое, соответственно, в третьей, как продолжающееся развитие-переход, получает необходимое осуществление (завершение).

На основе сказанного эту первую группу для второй горизонтальной модели можно вывести как такую, которая, представляя семантику, формирующуюся вокруг тематики ‘что иметь’, ‘чем обладать’, как группу диспозитива (от *dispono*, *dispositum* ‘расставлять, располагать’). *Неодолимый*, в составе указанных ранее признаков, способен был бы такую семантику диспозитива передавать (в отношении к соответствующим признакам, следующим вертикалью по уровням от субъектной части как компонента, одного из возможных пяти, первой горизонтальной модели).

Вторая группа второй горизонтальной модели определялась бы тематическим представлением идеи ‘что делать’, ‘в чем себя проявлять’, т.е. как группа проективна (*projicio, projectum* ‘протягивать, вытягивать вперед’), а третья – ‘что получить в результате’, ‘чего добиться, достичь’, как группа эффективна (*efficio, effectum* ‘сделать, изготовить, приготовить, воздвигнуть’; ‘исполнить’; ‘образовать’; ‘приносить’).

Попробуем показать теперь то, другое и третье, по группам (= частям) второй горизонтальной модели, на оставшихся не рассмотренными, а также других (в случае их недостатка) примерах, памятуя о том, что средства вербальной семантики языковых единиц (патетизмов советского официоза) будут способом выявления и описания признаков единиц не вербальной и довербальной природы, служащих, в свою очередь (как единицы и признаки), средством и способом описания системы целого в парадигматике своего устройства. Система эта и представляется тем модулятивом, который, вторгаясь, ориентирует и подключает семантику слов языка (ее соответствующим образом модулирует), делая их патетизмами советского официоза.

Неослабный – для *интерес (руководства)*, *неослабное внимание партии*, *с неослабной энергией (браться за дело)*, *неослабный контроль (со стороны партийных организаций)* – определяет, как это можно увидеть на материале наиболее типичных для него сочетаний, характер воздействующе-поддерживающего проявления позиционеров процесса, объявляемого как постоянное, неотвратимое, поступательно-наступательное в своей последовательности и неотступности. Показательными для данного признака будут а) то, что приписывается он как исходящий, в первую очередь, от так называемого руководящего и контролирующего звена (партия, ее органы, руководство) либо как побуждаемый необходимостью достижения требуемых результатов для *браться за дело* (т.е. косвенно все тем же руководящим звеном); б) то, что относится он к характеристике не самого вызываемого к движению процесса, осуществляемого всеми участвующими в нем (общество, массы, их представители), но к тому, что этот процесс не то чтобы на-

правляет, не то чтобы ориентирует в нужное русло и формирует, придавая характер, и даже не регулирует, а служит средством за ним слежения, сопровождающего контроля и измерения, его пилотирования; в) то, что все это характеризуется признаком неотступности в постоянстве силы сопровождающего слежения.

На основании представленного в *a*, *b* и *в* можно вывести то, что относится и поэтому следует определять в горизонтальной модели, определяемой нами как третья, равно как и то, что следовало бы относить ко второй. К третьей, которая будет рассматриваться в дальнейшем, относились бы представления о различии участвующих в производимом процессе (исполнители / руководство, партия, ее члены, все остальные и пр.), о характере самого производимого в ходе движения действия, о требуемых и достигаемых результатах. Ко второй, в свою очередь, как уже говорилось, различия в представлениях об обладании некоторым определенным набором, запасом исходного, способного далее в чем-то таком же определенном себя проявить, с тем чтобы что-то определенное в результате достичь.

Поскольку вопрос для модели заключается в том, чтобы охарактеризовать в составляющих допустимый набор обладания (диспозитатива) для левой части, возможный характер предполагаемого проявления (проектататива) для осевой и достижения (эффектатива) для правой, необходимо выяснить, что из этого можно вывести на основе того, что содержит в себе *неослабный*.

По основным своим признакам, ведущим и определяющим для него, это его содержимое относится к проектативу, характеризуя какие-то стороны воздействующих проявлений со стороны тех, кто их производит, в отношении осуществляемого другими процесса направленного (направляемого и управляемого) процесса движения – продвижения к общей цели.

Отвлечемся на время от тех составляющих, которые будут иметь отношение к стороне производителей проявления, а также процесса, его направленности и продвижения к цели. Обратимся к сторонам воздействующих проявлений, т.е. к составу проектатива второй горизонтальной модели. Задумаемся над тем, каким может быть этот проектатив. *Неослабный* дает пред-

ставление об особенностях того, что было охарактеризовано как пилотирование, или слежение, закладываемого в продвижение к цели процесса. Естественным образом возникает вопрос, каким может быть это слежение-пилотирование – как таковое и на основе того, что дает *неослабный*? И, как следствие, что оно, это самое пилотирование, может и должно собой представлять в составе и в рамках исследуемой модели? Равно как и то, что еще может быть, помимо слежения, пилотирования, при процессе, который предполагается способом реализации продвижения к цели. Равно как и то, само собой разумеется, что может и должен собой представлять сам этот процесс как способ реализации продвижения, так же как и продвижение, и его цель, не говоря обо всем возможно необходимом при этом прочем.

Ответ на поставленные вопросы отчасти, и в большей части, будет иметь отношение к третьей модели, и значительно в меньшей степени ко второй. Попробуем разобраться с тем и с другим, чтобы их разделить, но сначала вернемся к оставленному материалу рассматриваемого примера.

Ко второй модели из сказанного в наибольшей мере и на основании материала примера следует отнести определение того, каким может быть это названное слежение-пилотирование, равно как и то, к чему оно будет иметь отношение в той части, которая определяется как проективный. Тот вид и характер воздействующего на осуществляемый процесс отношения, укладываемого в то, что представляется в *неослабном* (для интереса, внимания, энергии, контроля), предстает, как было отмечено, как постоянный (1) в силе (2) заинтересованного (3), т.е. втянутого (4), но не участвующего или вмешивающегося, а отмечающего, маркирующего, меряющего и характеризующего эту меру и степень, означающего (5), сопровождения.

Представить сказанное можно примерно следующим образом. Некий X, единично, каким-то составом, в массе, производит какие-то действия – работает, трудится, борется, строит, защищает границы, отечество, следит за порядком и т.д., и т.п., – все это ко всеобщему благу здесь и сейчас, т.е. при социализме, и ради счастливого будущего при коммунизме (в этих двух точ-

ках опустим детали). Характер производимых им действий для этого должен иметь поступательно нарастающий и неуклонно усовершенствуемый вид, но не абстрактно ради процесса, а в направляемых и поддающихся управлению рамках, т.е. таким, каким его хочет видеть стоящий над всем этим им запускаемым механизмом другой – некий Y , также возможный как единичный, в составе и некоей массой, значительно меньшей количественно массы X -а.

Организуемые, устанавливаемые и направляемые рамки необходимо-желательного проявления и действий X -а, исходящие в их необходимо-желательном виде от Y -а (не всегда таким образом и так прямо преподносимые, но неизменно известные как таковые), для того, чтобы им таким иметь место и состояться, должны отвечать определенным условиям, в какой-то части своей неизменным и твердым, в какой-то части способным меняться, в зависимости от обстоятельств момента, реалий, характера политической или общественной обстановки, особенностей задач, а также каких-то черт и субъективной воли Y -а, вводящего их и ими потом управляющего.

Все здесь перечисленное способно быть представляемо в описываемой нами системе, из чего будет взято для данного представления только то, что касается определения условий, которым должны отвечать направляемые Y -ом рамки процесса, осуществляемого в действиях X -а, поскольку именно это отражено в *неослабный*.

Итак, перед нами сопровождение, а не осуществление, в возможных для него реализациях (как действия и проявления), поступательного к своей цели процесса. Сопровождение это может быть разным. Тот его вид, который был охарактеризован как пилотирование, или слежение, представляет собой для него (воспользуемся теперь нами выбранной для описания пятивалентной ромбической схемой¹⁶) проекцию чего-то такого, что занимает позицию (одну из пяти возможных), в которой, на сей

¹⁶ Осуществление и сопровождение, кстати, также способны быть представляемы как позиции в пятивалентной схеме (две из пяти возможных, но далее расщепляемых и раздвигаемых).

раз ее проекциями, становятся признаки, обозначенные как постоянный (1) в силе (2) заинтересованного (3), т.е. втянутого (4) и означающего (5) сопровождения. То же, что это маркирующее и отмечающее (в точке 5) сопровождение имеет вид меряющего и характеризующего его меру и степень, следует представлять проекциями дальнейшего уровня, разворачивающимися от точки 5 (означающее сопровождение) в свои такие же пять возможных позиций валентного соотношения.

Таким образом, на основании сказанного, в проективности второй горизонтальной модели для проявления ('что делать', 'в чем себя проявлять') Y-а в отношении X-а (опуская все вводные и опосредующие, имеющие свое отношение к диспозитиву второй горизонтальной модели, субъектной части первой и какой-то собственной части третьей модели) в *неослабный* дает себя обнаружить одна из пяти минимально возможных валентных проекций этого самого 'что делать' и 'в чем себя проявлять', охарактеризованная как сопровождение, которое, в свою очередь, будучи определено в одной из пяти своих минимально возможных валентных позиций как пилотирующее слежение, характеризует себя для описываемой системы (патетизмов советского официоза), в рассматриваемом как встретившемся фрагменте, в точках определенного постоянства (1) силы (2), заинтересованной (3) втянутости (4) как отмечающее (5), которое в этой последней и определяющей точке проецируется на последующем уровне как такое, которое характеризует, т.е. отслеживает и отмечает, меру и степень отслеживаемого (действия и/или проявления) в его соответствии рамках необходимо-желательного, исходящего от Y-а. Эти мера и степень соответствия для отслеживаемого будут валентными точками (или точкой), одной из пяти, для проекции во второй горизонтальной модели того, что было названо в точке 5 отмечающим пилотирующего слежения.

Теперь постараемся, опираясь на сказанное, выстроить некоторую допустимую в данном фрагменте системы, вглубь структурируемую композиционную (композитную) схему, проявляющую позиционные соотношения проективности второй го-

горизонтальной модели. С тем чтобы далее, просмотрев остающиеся не рассмотренными примеры, сделать вывод как о характере этой второй горизонтальной модели в ее отношении к целому, так и о характере и возможном виде для первой, прежде чем перейти, обозначив характер ее отношения к целому, к объяснению третьей.

Устройство системы в целом, равно как и каждая из ее составных частей и элементов, как уже говорилось, основывается на трехвалентном (для вертикальной и горизонтальной оси) и пятивалентном (с учетом того и другого в их пересечении) соотношении 1) того, что вводит, включает, представляет собой источник, исход, выступает как задающее хода, располагаясь в левой части горизонтальной оси; 2) того, что является центром, определяющим, ведущим, характеризующим, реализацией, данностью, проявлением, находясь в точке пересечения горизонтали и вертикали; 3) того, что его поддерживает, дает основание, служит гарантией проявления, прочности, допустимой возможности, представляясь на схеме по вертикали внизу; 4) того, что распространяет, развивает, развертывает, расширяет, охватывает определяемое, как верх вертикали, и, наконец, 5) того, что его проявляет и продолжает его в дальнейшем развитии, служит точкой исхода и предполагаемой связи, с переходом, к последующему в правой части горизонтали.

Трехвалентность горизонтали в каком-то случае может быть реализуема в соотношениях фаз, этапов развертывания в виде начала для первого, его продолжения в наблюдаемом развитии для второго и завершения как достижения цели и результата для третьего. Трехвалентность вертикали, соответственно, может себя обнаруживать (если двигаться мысленно сверху вниз) как соотношение задаваемого, определяемого и формируемого.

Первое представление лежит в основании ранее рассматривавшегося соотношения революционной борьбы – социалистического строительства – созидательного труда, составляющего идейно-логический прокламируемый смысл существования и развития советского государства в его исторической

ретро- и проспективе. Соотношение, которое далее находит свое выражение во многих идеологических составляющих всей советской действительности.

То представление, которое, как трехвалентное, было представлено для вертикали, находит свое выражение в устройстве рассматриваемой системы, в которой, для большей наглядности, отчасти условно, но не без идейно-логического обоснования, хотя и менее очевидного, чем для горизонтали, были выделены три горизонтальных модели. Соотношение между ними видится в позициях некоего задаваемого и задающего (первая горизонтальная модель), задаваемого для себя, по отношению к себе, в направлении на себя, и задающего – в отношении и в смысле того, что влияет и проецирует далее, обуславливая собой и входя, отражаясь в последующем (для второй и отчасти для третьей); некоего определяемого и определяющего собой для второй и некоего формируемого и формирующего для третьей – формируемого и определяемого в отношении себя самой, формирующего и определяющего в отношении всего построения и двух других его составных горизонтальных частей. То есть третья выступает как формирующая для второй и для первой, для второй – в первую очередь, для первой – через вторую; вторая – как определяющая, для первой и третьей, но как бы по разному основанию – как дополняющая и уточняющая для первой (валентность направленности снизу вверх), как расширяющая и распространяющая для третьей (с направленностью сверху вниз).

Для рассматриваемого нами тоново-смыслового модулятива патетизмов советского официоза три названные горизонтальных модели его устройства представляются в соотношениях того, что в первой может быть охарактеризовано как позиция строимого – того, что подвергается некоей далее уточняемой и оформляемой в реализациях и проекциях обработке, своего рода исходный каркас советского представления о советской действительности в ее идейно-логическом, задаваемом патетизмами проявлении. Это первое во второй предстает в позиции некоего настраиваемого, уточняемого, определяемого, характеризуе-

мого, дописываемого, расписываемого, – своего рода докручивание, регуляция организуемого идейно-логического построения. То и другое в третьей можно рассматривать и определять как нечто построенное, сформированное, созданное и далее создаваемое, продолжающее себя создавать.

Первая горизонтальная модель, каркасная и структурная, предстает в наиболее снятом и наименее идейно оформленном виде, оборачивая все так или иначе к тому, что имеется в знаниях, к тому, что в них есть. С точки зрения всего остального и в отношении ко второму и третьему эту позицию можно определить как намерение создавать. Вторая выглядит как наиболее отвлеченная, связываемая с механизмами запускаемого движения, доворачивания, доделывания, расставления по местам, отлаживания и уточнения. Это модель регуляции для всего остального. И третья, наконец, наиболее явная и определенная, наименее отвлеченная, воплощая в себе представление о советской действительности в том ее виде, который отображает идейно ориентированный образ общественного устройства как высшее достижение творческих сил человека, продукт объединенных усилий поколений советских людей, безантагонизменного, сотрудничающего, соединения общественных классов в их продвижении к общественному состоянию без классов, – эта третья может быть определена как эффект для всего остального.

Каждая из этих трех горизонтальных моделей в своем представляемом нами устройстве трехчастна, и каждая из них способна иметь для своих составляющих таким же валентностно организованным образом вертикальные, уточняющие по уровням, продолжения.

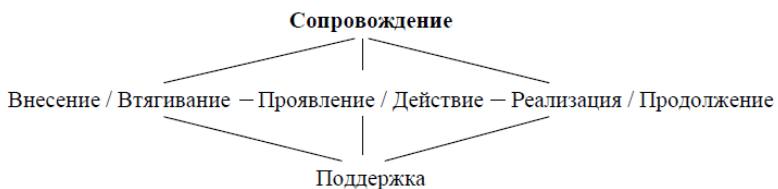
Три части второй горизонтальной модели, охарактеризованные ранее как диспозитив (то, что имеется как исходное, чем обладают и располагают), проектив (то, что далее делается, в чем себя проявляют, в чем заключается, состоит проявление) и эффектатив (то, что получается, возникает в каком-то своем результате), раскрывают свой смысл в пяти точках – 1) того, что служит источником, мотивацией, исходом, включени-

ем обладания / толчком и исходом для проявления / исходной позицией, основанием для достижения; 2) того, что составляет характеристику, смысл, определяет то, другое и третье; 3) того, что его поддерживает, дает ему прочность, служит ему основанием, составляет его основу, структуру, каркас; 4) того, что его распространяет и развивает, уточняет, дополнительно определяет, придает его действию необходимость и смысл, одновременно организуя, устраивая и регулируя, направляя его; 5) того, что реализует и репрезентирует, продолжает, служит основой дальнейшего продвижения и толчка, связывая с последующим.

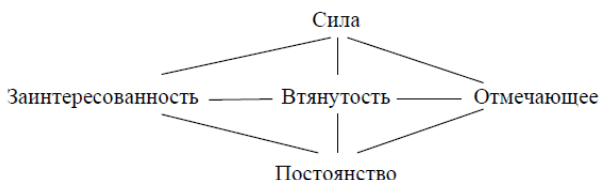
Все эти точки, или позиции, будучи относительно-соотносительны, могут быть выведены и представлены для какого-то смысла в соотношениях друг с другом и на основе чего-то их объединяющего и общего. По этой причине описывающая их процедура, объективно требующая какой-то достаточной для себя полноты, в силу своей громоздкости и подробности, не всегда может быть эксплицирована, а соотношение точек иметь допустимо-условный характер. Связано это также и с тем, что значения изучаемых слов, входящих в состав патетизмов советского официоза, проявляя в отношении изучаемой модулятивной семантики что-то одно, другое представляют недостаточно определено, а что-то третье, четвертое, пятое могут и не отражать. Достаточно полного построения по этой причине, как семантически ясного, несомнительного и уточненного, можно достичь на основе широкого, желательного максимально исчерпывающего, изучения всего материала – патетизмов советского официоза, что не входило в поставленную нами задачу отображения принципов и механизмов свойственного для них модулятивного парадигмоустройства. Построение дедуктивное, на основе общего знания и представления, лишь частично и спорадически опирающееся на собственно языковой материал, будет иметь характер несколько отвлеченный и приблизительный, требующий уточнений и доработки, неполный и фрагментарный в своих составных частях, возможный к тому же до определенного уровня погружения. Таковым представляется в отношении воображаемой системы все то, что было показано ранее на от-

дельных примерах, равно как и то, что можно было бы вывести для проектатива второй горизонтальной модели на материале отображенного в *неослабный*.

То, что в этом слове для модулятивной семантики патетизмов отражено, можно свести приблизительно к следующему. Отраженное в нем, в этом слове, относится, в первую очередь, к проектативу второй горизонтальной модели (так было условлено, хотя решение может быть и другим, поскольку нет целого представления о системе, в котором его место было бы более ясно определено). В проектативе, т.е. второй, центральной, части, второй модели, имеется пять проецируемых валентностных точек, в которых сопровождение, отображенное в *неослабный*, непротиворечиво можно было бы отнести к точке верха, по схеме:

Сопровождение, в свою очередь, имея свои такие же пять допустимых точек, позицию пилотирующего слежения для себя могло бы предположить в точке низа, там, где по схеме дана Поддержка. Подобное разрешение представляется наиболее вероятным, но, не имея целого для него представления, однозначно об этом не будем судить. Отраженный же смысловой материал в *неослабном* не дает оснований к чему-то большему, к установлению соотносимых по схеме точек к слежению. Слежение, в свою очередь, определенное в проекциях постоянства (1) силы (2), заинтересованной (3) втянутости (4) как отмечающее (5), лишь условно и дедуктивно, исходя из валентной логики, а не на основе более или менее полного описания вероятных смыслов, которое все это может иначе представить, а потому переставить и переименовать, можно было бы для наглядности показать в его проективной схеме примерно следующим:

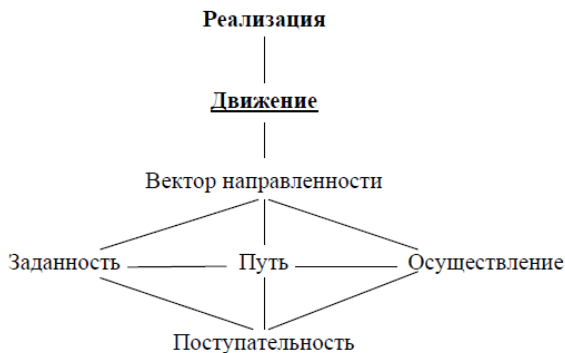
Втянутость в данном случае оказалась в центре, а заинтересованность в левой части, поскольку такой представляется логика рассматриваемого слежения, отображаемого в *неослабный*. То, что это *неослабный* – *интерес, внимание, контроль* и т.п. со стороны диспонента Y-а, ведущей, определяющей для него чертой представляет втянутость в состояние, связываемое с пилотирующим слежением, а заинтересованность с его стороны выступает как ее мотивирующее.

Пятой, последней и результирующе-определяющей точкой (как отмечающее), проецируется на последующем уровне для него мера и степень производимого действия по слежению, отображаемое в *неослабный*, которые на своем, для себя последующем, уровне следовало бы обозначить как выразительные, заметные, отмечаемые как значительные. Тем самым, в итоге, для отмечающего, в отношении и в связи с *неослабный*, следует говорить о проекции одной из пяти позиций, занимаемой мерой и степенью, а для меры и степени – о позиции, также одной из минимально возможных пяти, занимаемой признаком заметности, выразительности, подчеркнутой (для говорящего) актуальности.

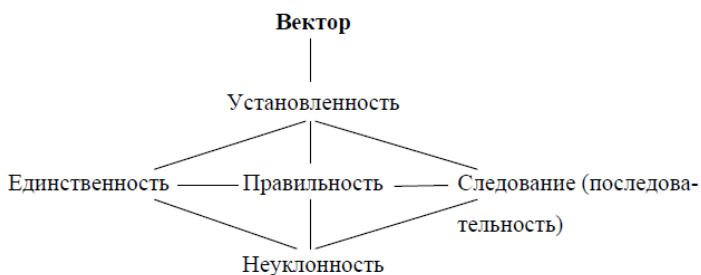
Поскольку нет четырех других позиций того и другого уровня (материал *неослабного* их не дает), а уровни эти довольно подробно с учетом их глубины, постольку без оснований, идущих от более полного представления материала, позиционно-валентностные характеристики меры и степени для отмечающего (равно как и их заметности, выразительности, подчеркнутой актуальности, отображаемых в *неослабный*) не представляется возможным сколько-нибудь убедительно описать.

В завершении этой части, посвященной фрагментарному рассмотрению второй горизонтальной модели, обратимся к оставшимся не затронутыми примерам (*неотступно*, *неоценимый* и пр.), с тем только, чтобы увидеть, что можно вывести на их основе, сравнив с предыдущим, как они вписываются в рассматриваемую модель, в каком направлении на их материале ее уточнение можно было бы произвести.

Неотступно – в отношении *следовать учению Маркса, Энгельса, Ленина* предполагает неуклонение от избранного когда-то раз и навсегда пути, неизменность, последовательность этого раз и навсегда для себя и для всех установленного и принятого при совершении, осуществлении определенных производимых действий и мер, при принятии тех или иных обязующих к своему исполнению решений. Все это можно было бы отнести к проектативу второй горизонтальной модели в той ее точке, которая, будучи пятой, была охарактеризована как реализация, продолжение того, что имеет своим предшествованием проявление или действие. Характер этой реализации, на следующем уровне определения, связываемый с признаком неуклонения от избранного, установленного перед тем, направления, предполагал бы, в идее осуществляемого всеми движения по принятому маршруту, пути (с маркером подразумеваемого селектива в части диспозитатива) отношение к вектору направления, изначально определяемому как единственно правильный. То есть реализация, в первую очередь, выглядела бы как движение (возможно, в центральной точке), характеризующееся по основаниям вектора, заданности, поступательности, а также, возможно, пути, в каких-то его характеристиках, и в таких же каких-то характеристиках осуществления как дальнейшего проявления к переходу к чему-то, куда-то, описываемого движения. Тем самым, можно было бы вывести схему:

В которой то, что связывается с отображаемым в *неотступном следовании* учению Маркса, Энгельса, Ленина, проявляет себя в характеристике неуклонения от избранного как единственно правильное направление движения, представляющего собой реализацию общего, совершаемого всеми и каждым, процесса, определяющего жизнь и деятельность, а также смысл существования всех советских людей, осуществляемого и проживаемого ими в сооружаемой ими советской действительности в ее продвижении от социализма к коммунизму. То есть искомую нами семантику, отражаемую в неотступно, можно увидеть на уровне, характеризующем вектор:

Все остальное из перечисленного, распределялось бы от движения и реализации, через проективный второй горизонтальной модели, в своих уточнениях в горизонтальных моделях первой и третьей, – для процесса, жизни и деятельности, смысла существования, для советских людей, проживаемости, осуществ-

вляемости, сооружении, продвижении, к социализму и коммунизму.

Тем самым, как можно увидеть из предлагаемого описания, в патетизме, при вербализации, на этой, отображаемой вербально, основе и с ее помощью, происходит своего рода высвечивание, вытягивание, проецирование признаков, выступающих как определяющие, характеризующие для патетизма, и имеющих отношение к проекциям и позициям точек всего построения на каких-то ее довольно подробных уровнях, второго, третьего, четвертого, пятого ряда. Все остальное, в не проецируемых патетизмом позициях и отношениях горизонтальных и вертикальных моделей строения, присутствует для сознания как виртуальное – как знания и представления идейно-логического когнитива и коннотатива, не до конца и не полностью актуализируемое, затрагиваемое отображаемым в патетизме, им задеваемое, позволяя одновременно его соответствующим образом верифицировать и лишней раз для моделей в позициях уточнить¹⁷.

Неоценимый – для *помощь, вклад*, соответственно, предполагая высшую, из возможных, меру поддержки (оценку меры поддержки) – одними других либо одними, одним, ради общего дела в совершаемом, проживаемом, переживаемом, воспринимающемся как часть осуществляемого всеми движения и процесса, – отображает в своем составе позиции проективата в точке Поддержка. Дальнейшее уточнение отражаемого в *неоценимом* смысла порождало бы необходимость вхождения в вероятные проективные составляющие Поддержки с погружением в уровни, что оставим, за неимением полного представления на основе другого материала, без внимания.

В связи с этим последним, отмеченным в *неоценимый*, возникает еще один важный для патетизмов вопрос – что может

¹⁷ Впрочем, такую его особенность следует отмечать как потенциальную, поскольку частотность употребления патетизмов, а также сама их природа не предполагают рефлексии, воздействуя тоновыми характеристиками модулятива (о чем говорилось). Однако и тоново-распознаваемое воздействие патетизма как единицы знакомого дискурсива (советского официоза) на воспринимающее сознание неизменно затрагивает и без рефлексии необходимо в нем существующие позиции знакомого виртуального устройства.

быть в них и чего быть не может из возможного в сочетаниях. То есть, если для *неоценимый* имеется *вклад, помощь* или, скажем, *поддержка*, то *неоценимые усилия, неоценимые старания, неоценимая признательность, неоценимые достижения*, не противореча ничему в модулятиве, оказывается, что для патетизмов не характерны. Нет среди них подобных единиц. Можно бы, конечно, такое положение объяснять привычно действующей выборочностью фразеологизованности для всяких скольконибудь устойчиво привычных единиц, что далее не предполагает уточнения. Поскольку, почему и вследствие чего то или иное сочетание слов закрепилось как устойчивое в языке, в то время как другое, в нем используемое, нет, ответ предполагал бы тысячу возможных и, как правило, внеязыковых причин.

Охарактеризованное положение с патетизмами можно также объяснять, что будет правильным и непротиворечивым, идеологической привязкой, проявляющей себя и действующей в двух, по крайней мере, направлениях – ограничением набора сочетающихся слов одних с другими, идейно-логическим, оценочно-коннотативным, на основе идеологической и политической руководящей избирательности и их актуализирующей способности, для тех же целей, обеспечивать искомо-нужные для говорящих предпочтения. То и другое – ограничение выбора и оборачивающаяся воздействующей способностью предоставлять воздействующим тоновые и смысловые предпочтения, необходимые им для реализации своих идей, по крайней мере для сознания, – то и другое можно описывать системно, как проявления имеющихся, созданных, организованных в сознании управляющего и управляемого, концептуальных, как оценивающих и объясняющих, парадигм. Оценивающих и объясняющих то представляемое как действующее и действительное устройство, которое таковым является и представляется сознанию – в модулятиве некоторым образом организованной семантики, имеющей вербально воплощаемый выход в сферу собственного дискурсива (советского официоза) и, через его посредство и на его основе, также вход в другую сферу – модулятивного, тоново-смыслового по своему характеру, состояния и пребывания субъ-

екта, назначенного к восприятию как неизменно постоянный адресат.

На этом представлении можно основывать определение того, что может быть и почему, в моделях целого и для патетизмов, *непобедимым, безграничным, прочным, высоким* или *широким*, в то время как что-то другое, в сочетаниях для этих слов возможное, патетизмом не будет. Определение будет сводиться к установлению того, к чему привычно, по актуализированной для слов способности удовлетворять накладываемые идейно-логической и оценочно-коннотативной задачей говорящего предпочтения, будет относиться в позициях описываемого модулятива, проекциях его моделей, то, что они, эти слова, в этих отражаемых ими предпочтениях передают.

Не углубляясь в необходимые подробности, только для того, чтобы наметить путь решения вопроса, *непобедимый*, служащий наиболее частотным определителем участников организуемого коммунистической партией процесса в его предполагаемо-реальном осуществлении, можно было бы в указанных для патетизмов предпочтениях искать для второй горизонтальной модели, в первую очередь, в группе проектива. В той же группе проектива предпочтительно определять и *широкий* (*отклик, поддержка, народные массы, взгляды*), а *безграничный* (*возможности, доверие, вера, ресурсы*), *прочный* (*коллектив, интерес, авторитет, знания, подготовка, результаты*), *высокий* (*с высоких трибун, полет, идеалы, доверие, интернациональный долг, призвание, честь, звание*) рассматривать, по ведущему основанию, в диспозитиве, с учетом также двух возможных других – проектива и эффектива. Однако попробуем рассмотреть их, в том же контексте необходимости определения как патетизмов модулятива, на этот раз с учетом парадигматики третьей горизонтальной модели, с тем чтобы получить возможность в последующем более полного представления в устройстве целого.

Патетизмы советского официоза в их отношении к системе

Прежде чем обратиться к характеристике третьей горизонтальной модели, предполагаемой как наиболее близкая, по сравнению с двумя предыдущими, к оформленному и наглядному, а не отвлеченному, отображению фрагмента советской картины мира, воплощенного в патетизмах, имеет смысл еще раз взглянуть на них как на единицы какой-то своей природы. Не только для того, чтобы вывести в них, увидев, что-то важное для них как для единиц, но и для того, чтобы можно было на этой основе и с этой их стороны подойти к тому, что же собственно они в себе воплощают, какой ментально организованный и представляемый как реальный внеязыковой объект.

Патетизм от не патетизма, внешне выглядящего подобно, иногда с недостаточной ощутимостью разделяющих их границ, отличает, как представляется, то, что на основе используемых в патетизмах слов, с их помощью и при их посредстве, вызывается, модулируется, через воздействие на сознание, определенное чувство. По крайней мере, он предназначен к такому действию. Это чувство, которое должно вызываться и которое в результате использования патетизмов и модулируется, и является, как следует полагать, тем показателем, который, будучи характерен для патетизмов, отличает их от каких-то других, внешне похожих на них, единиц. То, что интересующие нас патетизмы являются единицами советского официоза, т.е. по своей природе, будучи свойственны данной коммуникативной и информационной пропагандистской сфере, как таковые, должны быть охарактеризованы как единицы дискурса, с соответствующими из этого их положения следствиями, – это, как представляется, само должно быть и установлено, и определено на основе их, как таких патетизмов, специфике. Не в последнюю очередь потому, что дискурс и его, для него специфические и свойственные ему, единицы находятся в отношениях взаимного ге-

неративного уподобления, – он не существует без них, они с трудом представляются, если вообще представляются, вне его. К тому же в дискурсе официоза не просто возможны, но постоянны, как регулярно встречаемые и используемые, единицы другие, не патетизмы, официоза и не официоза, других дискурсов и не дискурсов, т.е. узуальные единицы общелитературного языка.

По этим причинам останемся при необходимости модулятивности чувства для патетизмов, как определяющей, специфической их черте. Модулятивности, которую имело бы смысл еще раз охарактеризовать, с тем чтобы соотнести ее с патетизмами официоза и с тем чтобы в ней и в них увидеть то, что влияет, определяя и модулируя, на представление о том фрагменте отображаемой в них действительности, который, существуя в сознании воспринимающих, себя через них (патетизмы советского официоза) воплощает.

Рассмотрим сказанное на примерах. Есть такие слова, которые сами по себе, без контекстов и сопровождений, способны фигурировать для сознания как заряженные чем-то таким патетизмы, вызывая соответствующую реакцию чего-то такого о том и оттуда, – *непререкаемый, немеркнущий, подлинный, вечный, сплоченность, непреходящий, незыблемый, непреклонный, беззаветно, завет, клятва, величественный, величайший, титан, корифей, светоносный, орденосный, краснознаменный* и т.п.

Есть слова, которые, будучи заряжены привычными употреблением в соответствующих сопровождениях и контекстах, воспринимаются нередко и вне всякого контекста в соответствующей связи – *истоки, искра, луч, заря, маяк, факел, светоч, товарищ, коллектив*, лишь постепенно и со временем утрачивая такую связь.

И, наконец, есть слова (не будем разграничивать их по степени, хотя это возможно), которые воспринимаются как патетизмы в одних каких-то сочетаниях, в то время как в других как узуальные единицы общелитературного языка – *широкий, прочный, решительность, высокий, подъем, развитие, движе-*

ние, строительство, путь, усилия и пр. Одно дело *широкий отклик* (в массах), *широкая всенародная поддержка*, *широкие массы трудящихся* и совсем другое, хотя и способное использоваться в официозе, *широкие перспективы* (в нем тогда с добавлением – *перед советской молодежью открываются широкие перспективы*), *широкие горизонты* (*широкие горизонты колхозного строительства*), *широкий кругозор* (*широкий кругозор советских школьников, юннатов*) или *решительность характера*, необходимо проявлять *решительность* и в патетизмах – *со всей решительностью и строгостью бороться с недостатками*, *партийная (большевистская) решительность и твердость*; *партийное строительство, колхозное строительство, строительство социализма, широко развернуть строительство и начать строительство новых зданий, нового цеха, строительство завода, школы, фабрики; путь к коммунизму, светлый путь, по ленинскому пути и перед нами открыты все пути, встретить преграду на своем пути, нам с ним не по пути* и т.д.

В связи с чем возникает вопрос – контекст ли только и соответствующее окружение, нередко идеологически уточненное, делают патетизм патетизмом? Для восприятия, видимо, так, но не с точки зрения системы, в которую они входят, которую распространяют и единицами, частями и представителями которой являются.

Отталкиваясь, как было сказано, от модулируемого в патетизмах чувства, рассмотрим несколько подробнее некоторые соотношения на примерах. Возьмем для этого слова *непререкаемый* и *прочный*, способные сочетаться с общим для них существительным *авторитет*. Вполне понятно, что различия в образуемых ими словосочетаниях, прежде всего, заключаются в силе и категоричности. Первое значительно сильнее и категоричнее второго. При этом следует добавить, что эта сила и категоричность основана на полемичности и риторичности: *непререкаемый* значит такой, который невозможно опровергнуть, которому совершенно невозможно возражать, который вне каких-либо сомнений, который следует безоговорочно принять, согласиться с ним и ему безапелляционно подчиниться. *Непререкае-*

мый, тем самым, внутренне предполагает полностью подавленный как невозможный голос возражения, исходящий от кого-то, кто был бы, мог бы быть против, а не может, поскольку сомнения и возражения не может быть, нет места для какого-либо возражения. *Прочный*, в свою очередь, не полемичен, это констатация, утверждение уверенности в твердости и основательности авторитета, следующей из знания, опыта, проверенности зарекомендовавшего и заслужившего его себе лица – как прочный стул, прочный фундамент, основание, прочная постройка – т.е. как то, что выдержит, способно выдержать и уже выдерживало какие-то не вполне благоприятные воздействия и испытания. Отсюда регулярное и значимое сочетание *заслужить себе прочный авторитет*, в то время как таким же значимым для первого будет скорее *пользоваться непререкаемым авторитетом*, а *заслужить его себе* будет мало осмысленным, а потому и менее употребимым, если возможным вообще.

То чувство, которое модулируется и вызывается и которое ближе всего к патетизмам, будучи связываемо с большей силой и категоричностью, на материале двух рассмотренных примеров вращается вокруг безоговорочной уверенности – того, что невозможно опровергнуть, в чем невозможно сомневаться, что не допускает колебаний, шатаний, отклонений, что перемалывает все, будучи само по себе всегда и постоянно твердо, основательно, неодолимо. То, что дает полную и твердую уверенность правильного выбора, а потому стабильность, безопасность и защиту, выступая гарантией того, что, если будешь принимать безоговорочно все правила предложенной игры, все твои действия, в их совместности с другими, равно как и ты сам, будут обеспечены и непререкаемо заранее успешны. Назовем это свойство, основанное на чувстве приобщающегося (которое в последующем найдет свое отображение в модели) партиципирующей неопровержимостью – как основание прочности участвующего для его собственного и общего через него участия в полагаемом процессе.

Не случайным в отношении рассматриваемой модели будет и то, что выражает *авторитет*. Связываемый с идеей ру-

ководства, воздействия и влияния на других как на участников процесса в его проекциях и формах, воздействия и влияния, которые предполагают признание правоты, согласие с решениями, не возражение и готовность выполнять, – его семантику и свойства следовало бы отнести к той составляющей модели, в которой проявляет себя идея управления процессом, о котором речь. Не исключенным для него (авторитета), прежде всего в контексте тонового возвышения семантики у патетизмов, будет также возникающее на его основе, модулируемое чувство, соотносимое с признанием кого-то над собой, умеющего, знающего, провидящего, руководящего, берущего ответственность и раздающего задания, карающего и награждающего по заслугам, по соображениям высшего порядка, по собственному усмотрению, а также по собственной воли и прихоти. Чувство это, на основе сходства эмотива отношения к патрону, вождю или отцу, можно определить как патернализирующую эго-подчиненность. Эго – поскольку исходящую, по замыслу, от самого себя, как готовность к подчинению добровольному, готовность поддающегося и принимающего, с подчинением своей самостоятельности и воли, и с подавлением, одновременно, этой воли и эго в поддающемся, ради своего подчинения, с использованием, по замыслу и указанию авторитета, во имя общего, для общей цели, где нет ни эго, ни Я, ни себя.

В свою очередь, *прочный*, менее значительный для модулируемого в патетизмах чувства, как менее категоричный, будет показательным для сочетаний, представляющих границу между теми, что еще не патетизмы, хотя и возможны как употребления в официозе, и теми, которые следует относить к этой группе. *Прочный – авторитет* (уже рассмотренный, а потому необходимый для дальнейшего сопоставления), *интерес, коллектив, знания, подготовка, результаты, успех, основание, фундамент, база, мир, договоренности*. Что показательно, как недостаточно сильное в эмоциональном отношении определение, слово *прочный* в этих словосочетаниях не дает представления о патетизмах сразу (ср. в этом смысле: *широкий интерес, передовой коллектив, диалектико-материалистические знания*,

невиданные результаты, небывалый успех, социалистический фундамент, база коммунизма и т.п.). Для подобного восприятия необходимо расширение с помощью более очевидных слов либо такой же, делающий более очевидным, контекст. То есть что-то вроде прочный авторитет в фабричном коллективе, прочный интерес к марксистско-ленинской теории, на заводе сложился прочный коллектив, прочный партийный коллектив, молодые коммунисты показали прочные знания теории, прочная партийная закалка и подготовка, пройти прочную подготовку строителя коммунистического будущего, прочными результатами в труде порадовали строители к Первомаю, прочным успехом характеризуются (отмечаются) все наши начинания, прочное основание социализма, прочный фундамент мира и безопасности, прочная база наших достижений, прочный мир во всем мире, достигнуты прочные договоренности (как результат советской дипломатии, ее миролюбивой политики).

Возникает по этой причине вопрос, с чем это связано, чем можно объяснить подобное положение? И, как следствие, какова тогда роль, если она имеется, у слов такого типа для патетизмов, при том условии, что сами по себе и в каких-то минимальных сочетаниях, без расширения и уточнения, необходимого эмоционального заряда они не содержат, но начинают ее содержать, к тому же усиливая, в каких-то сочетаниях и контекстах, таким зарядом обладающих. Влияют ли они, эти заряженные сочетания и контексты, на не заряженные изначально как исходные слова, втягивая их в поле своего модулятивного воздействия, или только их используют для усиления либо уточнения. Либо, как третье, в общем поле эти не заряженные исходно единицы, может, начинают сами проявлять заряженность, возможно не актуализируемую до этого и скрытую, ведя себя и действуя как наделенные подобным зарядом.

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, опираясь на принятую исходно цель необходимости вписывания их в модулятивное устройство с его постепенным прорисовыванием на этой основе, задумаемся над тем, что собственно передает, что вносит слово *прочный* в общий состав расширенного до па-

тетизма сочетания? То есть, что оно содержит и каковую отыгрывает в патетизме роль? Возьмем для этого хотя бы два таких примера из приведенных ранее: *молодые коммунисты показали прочные знания теории и прочными результатами в труде порадовали строители к Первомаю*, сопоставив их с двумя другими того же ряда – *на заводе сложился прочный коллектив и прочный фундамент мира и безопасности*.

Какими знаниями отличились молодые коммунисты, если они, эти знания, были охарактеризованы как *прочные*? Были ли эти знания значительными, превышающими какой-то средний уровень? По-видимому, нет, в противном случае они были бы охарактеризованы иначе – как *блестящие*, как *отличные*, как *прекрасные* и как-нибудь еще. То есть, фактически, молодые коммунисты просто показали свои знания теории, показали, что что-то знают. Сказать *молодые коммунисты показали знания теории* без определения *прочные* в принципе, в каком-то отчете, можно, но не звучит, не подключает необходимого сопровождения. *Прочные знания* дают уверенность и основание думать об их носителях в надежной перспективе – на таких можно в будущем рассчитывать, такие не подведут, поскольку знания у них не просто знания, а хорошо и правильно поставленные, на твердой идейной почве, на прочной коммунистической основе. Собщаемое словом *прочный* для модели свойство, как появляющееся у него в контексте расширенного употребления, можно определить, тем самым, как перспективирующая основательность.

Если *прочными результатами в труде порадовали строители к Первомаю*, то такими ли же, как и у молодых коммунистов знания, были эти их результаты? Действительно ли были какие-то результаты? Если бы строители что-то такое, пусть и вполне обычное, построили, фраза была бы оформлена иначе, – это были бы *успехи*, *достижения*, *подарки к Первомаю*, *блестящие*, *отличные* и пр. *Прочные результаты в строительстве* могут означать, что в указанном отношении все остается как было, что в общем и целом не стало хуже (хотя могло, но тогда избегалось бы в официозе об этом каким-либо образом

сообщать), что все на том же уровне, когда-то, некогда достигнутом, а потому и *прочном*. То есть, перед нами то, что можно назвать основательностью перфективирующей.

Задумаемся теперь над тем, что может подразумеваться и как верно следует понимать сообщение *на заводе сложился прочный коллектив*, что при этом имеется в виду. Важно ли, что коллектив сложился, мог ли он не сложиться, и почему он при этом определяется как прочный? В каких случаях можно предполагать такого типа высказывание? Их может быть, по крайней мере, два. В первом случае речь могла быть о начальнике, руководителе, при характеристике его организаторских качеств: *с его приходом, под его руководством на заводе сложился прочный коллектив*. Во втором характеристика была бы ближе к самому коллективу, определяя климат, в который попадает, скажем, какой-нибудь новичок: на заводе (куда он пришел) сложился прочный коллектив, и поэтому он должен испытывать, соответственно, чувство поддержки, чувство локтя, общего нужного дела, совместной работы, заинтересованности в результатах труда и т.п., что неизбежно должно подействовать на него воспитующим, организующим, мобилизующим образом. Прочность первого случая, как характеристика здорового организатора и дальновидного руководителя, может быть определена как проецируемая основательность обеспечения, мобилизующей партиципирующей организации в контексте поручаемого дела, близкая по смыслу основательности перспективирующей и, возможно, являющейся ее вариацией в контексте другого. Прочность второго будет, скорее, перфективирующей. В свою очередь, как достигнутое, поскольку об СССР и его миролюбивой политике: *СССР – прочный фундамент мира и безопасности*, и это также тяготело бы к основательности перфективирующей.

Чувство, вызываемое и поддерживаемое патетизмами, в своей совокупности, по отдельности и в частях, не будет преувеличением сказать, что не просто вызываемое и поддерживаемое, но формируемое, заостряемое и порожаемое ими, это чувство возвращается, что естественно и само собой разумеется,

вокруг вдохновляющей и подкрепляющей идеи единственности советского строя, социальной и исторической исключительности советской системы, следующей из ее политического устройства и идеологии, системы, дающей полные основания для уверенности в настоящем и будущем для себя и своих детей, как частей большого социального организма, как членов большой и дружной многонациональной семьи. Чувство это увлекает и порывает каждого, втягивает и вдохновляет, подкрепляет и окрыляет, придавая желанию жить соответствующий выход и форму, направляет его в необходимое русло, связываемое с участием в общем процессе, определяемом как созидательный, находя применение, место и роль для каждого, т.е. мобилизуя и организуя его, приставляя к социальному и профессиональному коллективу и делу.

Иными словами, экзистенциональное чувство каждого (так можно это определить), т.е. чувство себя как существа живущего, существующего в каких-то условиях бытия, это чувство проживаемой и себе свойственной жизни в себе, в патетизмах советского официоза, модулятиве, ими воссоздаваемом, облекается при воздействии в форму а) нацеленного и осмысленного (идеологически подкрепленного) существования здесь и сейчас ради лучшего существования в будущем, т.е. в градационно сменяемой (каждый раз заменяемой на еще более лучшую) перспективе; б) существования подключенного, объединенного, связанного с другими, такими же и похожими на меня, не случайного и обдуманного, в организации и системе; в) существования реализуемого – в продуктивной созидательной деятельности на благо всех и каждого ради достижения лучшего будущего; г) существования обеспечиваемого – уверенностью и стабильностью в настоящем и будущем, основываемых на единстве цели, системы и множества (подключенных к тому же самому всенародных масс), дающего ощущение защищенности, равенства и справедливости для себя в отношении и в связи со всем этим – целью, системой, множеством; д) существования поддерживаемого – заинтересованностью со стороны руководящих, организующих и направляющих, заботящихся и сле-

дящих за действием всех и всего, наделенных правом и полномочиями не только, направляя, руководить, но и, определяя заслуги, учить, награждать и карать.

Об эмотивной организующей паридигмосистемы

Все сказанное находит свое отражение в устройстве определяемой парадигмосистемы, предполагаемой в своем действии и проявлении как модулятив. То есть, как из этого следует, каждый в ней себя проявляющий смысл, семантический признак как ее элемент, равно как и вся она в своем целом и в своих составляющих, существует и действует, через семантику, заключенный смысл, как возбудитель чувства, как эмоциональный импульсив, облекаясь сопровождающей тоновой характеристикой – втягивания, привлечения, увлечения за собой, подключения к общему, объединения, сплочения, мобилизации, подготовки, ориентирования, направленности, погружения в общее, в целое, в деятельность, в действительность, в производимый процесс, раскрывания открывающихся неограниченных перспектив и возможностей (распахнутость), поглощения неисчерпаемым потенциалом, поглощенности, увлеченности, удивления, восхищения, восторга, придавания уверенности, подъема, гордости – за себя, за свои достижения, за других, за вся и за всех, поддержки, опоры, совместности, совмещения с другими, со всеми и целым (приобщенность), приподнятости и перенесенности, с отрывом от повседневности, рутины, обыденности, с ощущениями высоты идеалов, идей, приближаемых перспектив, удовлетворенности от исполнимого и достигаемого, спокойствия за себя и за будущее своих детей.

Все эти чувства, используемые в модулятиве и определенные нами ранее как следующие из ингрессии и трансгрессии (каждого и для каждого, всех и для всех, в отношении действительной жизни как социальной действительности в ее будущем как настоящем), опирающиеся на исключительность выбранного и назначенного затем пути (в эксклюзиве), все эти чувства следуют из идейно-логического, интерпретирующего, объяс-

няющего представления советской, созданной и создаваемой, действительности, запускаемого в движение как воздействующий на сознание и подсознание смоделированный тоново-смысловой механизм, который поэтому можно на этой его основе вывести и определить – в моделях как эмотивно-логический механизм и составленную в своих соответствующих частях систему.

Итак, сама действительность, а следовательно жизнь, существование, экзистенция, точнее образ ее, представляемый, отображаемый и созданный, становятся средством ее собственного улучшаемого осуществления и претворения. В мысль *бытие определяет сознание* в сознании воспринимающих создается такое представление о бытии, которое будет в нужном направлении формировать, определяя, это самое сознание воспринимающих.

Представление третьей горизонтальной модели

В этой связи, с учетом ранее сказанного о модулятиве, моделях, о тоново-смысловом их действии, обратимся теперь к характеристике той модели состава целого, которая была определена как третья горизонтальная, наиболее близкая модулируемому представлению действительности и, как таковая, выглядящая в своем составе как построенное, как своего рода получившийся в результате советского строительства эффект – советских институтов, советской идеологии, Советского Союза, его особенностей и свойств, руководителей, характеристик, повседневной деятельности, направленного к будущему процесса и его людей, в их участвующей в этом массе, коллективах, индивидах с их соответствующих этому характеристиками. Ограничителями при этом будут патетизмы, т.е. то, что нашло из всего этого свое отображение в них, а поскольку и при таком ограничении задача полного, подробного и всестороннего определения выглядела бы неподъемной, сведем ее для данной части к представлению обобщенно-фрагментарному, к тому, что составляет принципы и основные составные части целого, показав

подробнее их действие и проявления для некоторых только элементов.

Из того, что было рассмотрено на примерах с *непрерываемый*, *прочный* и *авторитет*, для всего дальнейшего выводятся свойства (предназначенные к модулятивному воздействию), обозначенные как партиципирующая неопровержимость, патернализирующая эго-подчиненность, перспективирующая и перфективирующая основательность, которые становятся составляющими категоризирующими признаками в рассматриваемой модели, показателями чего-то в ней.

Первая часть каждого из этих признаков, передаваемая причастной формой, относилась бы к какой-то предикации / предикцированию в модели, определяемому, соответственно, как партиципация / партиципирование, патернализация / патернализирование, перспективация / перспективирование и перфективация / перфективирование. Первый левый член перед косой в подобном представлении обозначал бы приобретение того или иного имеющегося свойства, его разлитое распространение, расхождение в модели, наличие в ней и через него. Это наличие и разлитие, предполагающее вхождение в те или иные составляющие, как способность в них входить и их проникать. Второй правый – подключение, вхождение, проникание как подчинение, вбирание в себя, с придаванием соответствующего свойства. Вторая часть, в виде отадъективных существительных на *-ость*, могла бы быть отнесена к не предикцируемому определяющему, дифференцирующему, фундаментализирующему, свойству, т.е. такому, которое представляет ведущие, опорные, квалифицирующие характеристики устройства.

На основе этих свойств как параметров характеризуемое устройство определяется как специфическая данность, отличающаяся от каких-то других. Те и другие, предикации и квалификаторы, способны действовать в модели, объясняя собою нечто, некую представляемую для сознания реальностную данность, вписываясь в нее и вписывая ее в модель. В свою очередь, то, что в ней тем либо иным образом характеризуется, определялось бы словами (из рассмотренных примеров) *молодые*

коммунисты, завод, коллектив, авторитет, строители, Первомай, успехи, достижения, подарки, знания, отклик, взгляды, труд, теория и т.п. Поскольку все это не просто какие-нибудь там *завод, коллектив, авторитет, строители, успехи, достижения, подарки, знания* и пр., не говоря о *молодых коммунистах* или *Первомае*, а наделяемые определенными признаками и отношениями, характеризующие и воспринимаемые как советские, ингрессивно-трансгрессивные и эксклюзивные, относящиеся к той парадигматической системе и тому устройству, о котором речь.

Можно и имеет смысл задумываться и определять, чем и как необходимо отличать для сознания (языкового сознания также) завод как таковой и завод, но не просто связываемый с представлением о том, что он советский, но как элемент всего состава целого – парадигматической системы советского идеального представления о действительности, для нас в той ее части, которая описывается модулятивом патетизмов советского официоза.

К этому вопросу, для уточнения соотношения того, второго и третьего, мы еще вернемся, в данном месте, прежде чем начать определение модели, охарактеризованной как третья горизонтальная, можно было бы, для большей определенности имеющих различий и специфики модулятива патетизмов, не подробно рассмотреть эти отличия и специфику, скажем, на примере *труд, теория* и *завод, авторитет*.

Не входя в детали, коротко и в основном, *труд* как деятельность, предполагающая создание чего-либо для самореализации и достижения какого-либо результата, в советском представлении становится средством приближения стоящей перед всем народом цели, средством построения социализма и коммунизма, знаковым и отмечающим, радостным, удовлетворяющим, вознаграждаемым для заслуженных и обязательным, исправляющим и принудительным для не заслуживших. В модулятиве патетизмов все это преобразуется в мотив мобилизующего всех и каждого, втягивающего в себя, включающего, вбирающего, подхватывающего подъема, несущего и направляющего, через

осуществление, реализацию, в объединяющем, сплачивающем, перековывающем, воспитывающем в человеке новое, процессе, ведущем и несущем к общей перспективной цели, распаивающейся для всех своими гранями и совершенствами.

Теория, сразу скажем, не будет выглядеть такой увлекающе-яркой в модулятивном своем представлении. Как таковая, это некое умственное построение, интерпретирующее, объясняющее природу каких-то вещей, в советском отражении воспринимается, в первую очередь и в соответствующем советизированном контексте, как марксистско-ленинская теория построения социализма и коммунизма со всеми следствиями из него, т.е., тем самым, как единственно правильный и заслуживающий внимания способ объяснения действительности и средство, орудие достижения целей, связываемых с преобразованием общественной жизни всех людей. В модулятиве патетизмов она становится тем, что дает уверенность, что порождает чувство исключительности, причастности, стабильности, надежности и достоверности всего того, что совершается, осуществляется всеми в совершаемом, осуществляемом процессе продвижения к цели на его пути.

Завод как предприятие по производству каких-либо изделий в советском представлении становится средством, организующим трудовую деятельность советских коллективов, местом воспитания и подготовки будущих поколений, организацией, производящей что-либо необходимое для строительства социализма. В модулятиве патетизмов все это опять приобретает вид включения, подключения, приобщения, втягивания, придания смысла и цели существованию, как поддерживающее, обеспечивающее, защищающее и т.п.

Авторитет советского руководителя (для второго примера и случая) в модулятиве патетизмов становится средством, как было ранее замечено, его мобилизующих способностей, а следовательно, тем, что дает чувство уверенности, надежности, стабильной твердости, неуклонности и поддержки.

В рассматриваемой модели все это будет представляться в позициях, соотношениях и своих местах. В устройстве целого,

с подключением характеристик двух предшествующих горизонтальных с их вертикальными проекциями в глубину, оно способно получать свое модулятивное определение, отличающее его от представлений вне модулятива, как советизированных, так и не только, от которых оно отталкивается по принципу действующего в нем и ранее охарактеризованного эксклюзива (в двух составляющих его идеях исключения и исключительности), выбирая одно, усиливая другое и подключая третье.

Начнем рассмотрение с предполагаемого выделения того, что, относясь к устройству третьей модели, должно быть, занимая в ней какие-то свои места, определенным образом в ней по этой причине распределено. Выведем это на основе примеров, уточнив в патетизмах то, что наиболее явным и непосредственным образом имело бы отношение к третьей модели. Все остальное, также способное быть в ней определено, на данном этапе будет служить уточнением, которое можно будет раскрыть в каких-то его проявлениях, скорее, для представления способа вероятного описания, чем для парадигматической полноты.

Что можно выделить и как распределить в третьей горизонтальной модели, скажем, из таких примеров (то, что можно выделить и как распределить, соответственно, будет давать более явное представление о ней самой): *беззаветный борец революции (за дело партии, за дело социализма); беспримерный подвиг (победа, трудовой подъем, усилия); бессмертный вождь (дела, имя Ленина, (Сталина), дело Ленина (Ильича), труд, идеи Ленина, идеи коммунизма); блистательный подвиг (победы советской науки и техники, показатели, успехи, развитие, образцы творческих дерзаний, дарование, результаты, итоги, будущее); вековая мечта человечества; великий Ленин (дело Ленина, партия, наша Родина, подвиги, народ, дружба, дела, принципы, зодчий, почин, идея, идеи, поход, подъем, цель партии и народа, корифей науки, ум, кормчий, путь, машинист локомотива, учитель, Октябрь, Октябрьская Социалистическая Революция, Отечественная война, победа, перелом); величайший подъем*

(завоевания, достижения); величественные задачи партии и народа (картина побед социализма, план, подъем)?

То, что можно выделить, как и то, что выделялось и определялось раньше, будет представлять собой некое устойчивое для сознания содержание, некий определенным образом заряженный смысл, точнее сгусток смысла, выражаемый, передаваемый привычно тем либо другим, с ним связываемым, словом, не всегда единственным.

Для того чтобы подойти к такому смыслу, вписываемому в модель и занимающему в ней определенную позицию, начнем с распределения по словам и группам слов, – слова в этом случае будут выступать как знаки, метки подразумеваемых значений. То, что подразумевается и выражается в слове *борец*, вполне понятно отличается от выражаемого в *революции*, в связи с чем они окажутся в различных группах, так же как *партия* и *дело партии*, *социализм* и *дело социализма*. Важным уточнением при этом будет минимальная достаточность состава. Если, скажем, *революция*, *партия*, *социализм* в том, что они передают и выражают, способны быть в модели через это выражаемое представлены и определены вполне самостоятельно, то столь же достаточным для отражения в той же модели следует считать выражаемое словами *дело* или *борец*? и будет ли выражаемое в *борец революции* чем-то существенно другим по сравнению с выражаемым *борцом за дело партии*, и оба они *за дело социализма*?

Все это, так или иначе, в последующем должно укладываться в уровни своей подробности, с возможным уточнением в приписываемых признаках, для целей предпринятого распределения. Отвлекаясь от этого, с тем чтобы вывести состав модели, ограничимся достаточно приемлемым, более или менее очерченным и не противоречивым восприятием выражаемого словами, при котором *дело*, равно как и *борец*, могут быть самостоятельными элементами состава моделируемого устройства, при условии вхождения своим обозначаемым в него. То есть и *дело*, и *борец*, также как и что-нибудь подобное другое, должны восприниматься не вообще, а как такие, которые являются тем *де-*

лом и тем борцом, которые проецируются в своих позициях к тому, что можно обозначить делом или борцом в рассматриваемом парадигматическом устройстве.

Итак, выражаемое словами в патетизмах, можно было бы представить в следующих рядах:

беззаветный – беспримерный – бессмертный – блистательный – великий – величайший – величественный

борец – подвиг – победа – подъем

революция – Ленин – Сталин – Ильич – Октябрь – Октябрьская Социалистическая Революция

дело – социализм – трудовой подъем – трудовые усилия – дела – труд – победы советской науки и техники – советская наука и техника – показатели – успехи – развитие – творческие дерзания – образцы творческих дерзаний – дарование – результаты – итоги – подвиги (как повседневность) – почин – завоевания – достижения – картина побед социализма

партия – вождь – зодчий – корифей науки – кормчий – машинист локомотива – учитель

имя Ленина – имя Сталина – дело Ленина (Ильича) – идеи Ленина – идеи коммунизма – принципы – идея – идеи – цель партии и народа – ум – задачи партии и народа – план

коммунизм – будущее – вековая мечта человечества

наша Родина – народ – Великая Отечественная война

дружба – поход – путь – перелом

То или иное положение при этом не должно быть однозначным, поскольку разными могут быть контексты, в которых используются те или иные слова, в данном случае это не будет иметь принципиального значения, поскольку распределению подвергается выражаемое словами, условно принимаемое как наиболее для них типичное.

Оставим пока без внимания предидирующие смыслы, передаваемые прилагательными. Все прочие ряды можно было бы выстроить в определенных порядках.

Первую группу составили бы ряды, открываемые словами *революция, имя Ленина, партия, наша Родина*. Вторую – *борец, дело, дружба*. И, соответственно, третью, *коммунизм*. Тем

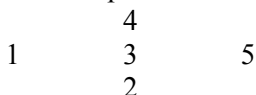
самым, эти группы мыслились бы как выражающие некое инициирование, проявляемое и объявляемое в том, что следует определять как движимое и движущее / движущееся для первого; как некоторый процесс, объявляемый в осуществляющем / осуществляющемся и осуществляемом для второго. И как некую финаль, разрешение стремления в осуществленном и осуществившем / осуществившемся.

Логика этого движения будет повторять себя, расходясь в своем развитии, в последующих, уточняющих, трех- и пятивалентных соотношениях. Первый вопрос, на который следует ответить, чтобы пойти дальше, заключается в том, какое именно инициирование, а с ним движимое, движущее и движущееся, и, соответственно, какой такой процесс, с его проекциями, и какое разрешение в его осуществлении конкретно следует в модели представлять, для того чтобы видеть и определять ее специфику, а с ней и на ее основе определять последующие составляющие моделируемого устройства. Вопрос, имеющий отношение не столько к специфике советского идеологического представления о жизни и о мире и о положенных советским людям проявлениях и действиях в нем, сколько (из этого и на основе этого) к тому, что составляло бы категоризирующую специфику его парадигматического концептуально-воздействующего устройства.

О семантике частей состава и позиционных мест

Инициирование, или, скажем так, инициаль модели, имеет смысл воспринимать как то и как такую составную часть, в которой получает отражение стоящее в начале, у истока – советской действительности, строя, социализма (но они также будут в соответствующий моделирующий смысл переведены), т.е. у истока и в начале формируемого и созданного, как то, что открывает для него возможность, знает основания и правила его устройства, организует, направляет, управляет, запускает все его движение в ход. Инициирование, соответственно, складывается из составляющих – того, что открывает (1), того, что знает осно-

вания и правила, законы (2), того, что организует, собирает, направляет (3), того, что управляет, контролирует, следит (4) и того, что запускает в ход (5) по схеме (в порядке от 1 к 5 через 2 – 3 – 4 и связях между всеми этими компонентами, имеющих разный, как прямой, так и обратный смысл):

Первое (1) может быть определено как исток, второе (2) – мотивация, третье (3) – кумуляция, четвертое (4) – оформление и пятое (5) – толчок в отношении движимого и движущего / движущегося для процесса (запускаемого в первой части состава и реализующего себя во второй).

Процесс этот, отображающий медиаль модели, в осуществляемом и осуществляющем / осуществляющемся, также предстает в пяти проекциях – того, что, испытывая на себе толчок, становится его мотивом (как истоком – 1); того, что служит основанием, опорой, способом и средством (2); того, что выступает и является его реализацией, проявлением и действием (3); того, что, испытывая на себе его такое действие, способно вмешиваться в него, входить, усиливать, корректировать, направлять, распространять (4); того, что из него ведет к чему-то большему, дальнейшему, другому, новому и достигаемому (5). Если это первое для второго было условно определено как мотив осуществляемого, то его второе будет основанием, третье – реализацией, четвертое – расширением и пятое – следованием, или транзитивом.

Подобным образом необходимо дифференцировать в составляющих и третью часть – осуществленное, или финаль. Как раскрывающуюся новую возможность (1), как то, что дает уверенность и необходимость (2) того, что в (3) становится реальным достижением, которое в (4) принимает вид усиливающегося развертывания и расширения для перспективы дальнейшего усовершенствования в (5).

И здесь возникает вопрос о специфике организуемой модели – не в абстрактных значениях взаимных отношений ее

позиций и частей, но в том, что составляет ее собственную специфику, проявляющую далее себя как действующий на сознание модуль патетизмов советского официоза (а не вообще каким-то образом воздействующий на сознание модуль), т.е. именно так устроенный и соответствующим образом организованный.

О специфике этой, впрочем, уже говорилось в связи с ингрессией трансгрессии и эксклюзива, трансгрессии перехода к новому, освобожденному и очищающему состоянию общественного оптимума для всех и каждого в коммунистическом будущем, и эксклюзива как исключения для всего другого и исключительности для своего. Применительно к рассматриваемой модели (определенной как третья горизонтальная) об этой специфике следовало бы говорить как о помещаемой в точках между революцией и коммунизмом в ее советском идейно-логическом обосновании и представлении. К этой специфике мы еще вернемся после уточнения дальнейших составляющих устройства, поскольку через эти составляющие она может как-то иначе дополнительно восприниматься. На данном этапе эту специфику можно представлять исходя из того, что означает выражаемое соотношениями то, что подразумевается (но не для советских людей, хотя и это важно, а в модели) под революцией, координируемой с подразумеваемым под социализмом, равно как тем и другим с подразумеваемым под коммунизмом.

Не будем повторять известного или уже сказанного ранее, не будем также вводить какую-то новую интерпретацию указанных понятий, попробуем обратить это к проекциям в модели, полагая при этом, что не о революции, социализме или коммунизме речь, но о том, что имеется в модели и что может быть и часто выражается в патетизмах советского официоза именно этими словами.

Первая позиция в этой связи может быть воспринимаема как то, что имеет в себе две сжимающие и выталкивающие точки – обрыва со всем предшествованием, имевшимся и бывшим до того, и открывания, распахивания, выхода к принципиально новому другому, действуя на восприятие как своего рода разрыв и

отбрасывание завесы-пелены. Представление было бы неполным, если не добавить к этому идею социальных рычагов и механизмов, связываемых с уничтожением, деструкцией и ликвидацией того и тех, что и кто наверху, и вынесением наверх и оставлением с последующим использованием всего обратного. Тем самым, в результате получаем своего рода ликвидационно-деструктурирующий, редуцирующий, социоадверсативный инвентивный абруптив, определяемый и выражаемый далее в идеях и мотивах, обращаемых вокруг Октябрьской социалистической революции и всего с нею связанного.

Просто революция как общественный переворот и потрясение, ведущее за собой уничтожение прежнего – высших слоев, существовавшего порядка, со сменой власти, не полностью включает перечисленные смыслы абруптива, специализируемого в идее социоадверсатива (российских высших / низших классов в своей конкретизации) и инвентива социализма-коммунизма (в России и для России для того, чтобы затем для революции и социализма-коммунизма во всем мире, т.е. инвентива, в конечном итоге, который следует определять как темпорально-пространственный экспансивностный инвентив).

Все эти уточнения для точки абруптива в отношении инициирования в модели будут важны, необходимо только далее, определяя, так же уточнять, чем являются и какими предстают в модели, тем самым, и для патетизмов советского официоза, в социоадверсативе, российская буржуазия, дворянство, интеллигенция, самодержавие, все обладатели и владельцы частной собственности и капитала, точнее то, что типично выражается подобными словами – как угнетатели, эксплуататоры, грабители, мучители, кровососы и пр. трудового народа, живущие и жившие за его счет, а затем контра, белогвардейцы, бывшие, лишенцы, попутчики, белобандиты и пр. Равно как и низы – рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, батраки и бедняки. И в инвентиве, соответственно, не просто революция, а та, которая, будучи социалистической в России, на самом деле первая и открывающая для таких же в других странах и во всем мире, и, как социалистическая, т.е. будучи таковой, открывает путь к

строительству социализма, который, в свою очередь, является первой фазой, этапом, на пути к построению коммунизма. И это также требует соответствующего уточнения в терминах позиционного включения в модель.

Оставим это, однако, без описания, требующего погружения в последующие уровни состава. Рассмотрим составляющие того же уровня, что и охарактеризованный инвентивный абруптив, в отношении процесса и достижения, медиали и финали, обращающихся вокруг того, что, так или иначе, отражается в специфике модулятивных представлений того, что выражается посредством социализма и коммунизма.

Чтобы определить то и другое в модели, необходимо установить, чем является социализм и коммунизм в патетизмах советского официоза, т.е. какими они здесь предстают. Социализм, очевидно, имеет смысл рассматривать как социальное состояние, обусловленное невозможностью частной собственности на средства производства (с определением их как всенародного достояния), а также связанным с этим как следствие отсутствием угнетения одних другими, предполагающим далее строительство общества, основанного на всеобщем равенстве и неуклонном развитии общего благосостояния и представляющего собой начальную фазу всеобщего благоденствия.

Особенностью советского реализуемого социализма (реализованного и развиваемого далее) следовало бы далее считать подчеркиваемую исключительность СССР как первой в мире страны, ставшей на путь такого развития, превратившего ее в мировую державу, превосходство выбранного пути по сравнению с капитализмом и странами капитала, руководящую и направляющую роль коммунистической партии, а также единственно правильную, организующую, сплачивающую идеологию, дающую ответы на все вопросы общественного бытия.

То есть, в наиболее общем виде, это был бы (т.е. советский реализуемый социализм) социальностный статальный эквитативно-инструментативный индикатив формируемого оптимальностного универс-оптатива, с уточнением его в реализативе

как примарно-эксклюзивного супремативного империальностно-дуктивного идеопартитива.

Таковым представляется ключевой актант того, что связано в модели с процессуальностью осуществляемого и осуществляющего / осуществляющегося. Понимать это следовало бы в том отношении, что то, что осуществляется как цель и результат, и то, что и кто это все осуществляет, равно как и то, что осуществляется и производится как происходящий на глазах процесс, – все это и есть представленный по модулятивным признакам социализм, проявляемый и объявляемый в замысле (1), в тех, кто этим управляет (2), в тех, кто это совершает, своими действиями, своим трудом (3), в том, что уже создано и совершено (4), и в том, что совершается и создается (5). Каждая из этих пяти точек, в свою очередь, способна далее быть спроецирована на свои пять, из которых, каждая, на такие же пять свои и т.д. Все это находит, так или иначе, отражение в модели, может быть описано как признак в соотношении с другими и выражает или способно выражать себя в соответствующих патетизмах.

Коммунизм в патетизмах советского официоза, как известно, предстает как цель советского народа, строящего социализм, последующая цель построенного, развитого социалистического общества, перерастающего, переходящего в общество без классов, организованное на всеобщем равенстве, справедливости и благоденствии. Однако такого состояния можно будет достичь только после того как все народы станут на этот путь, построив у себя социализм, в связи с чем роль советского народа и народов социалистических стран заключается в прокладывании пути, в увлечении, втягивании их за собой, в придании общего движения (*локомотив истории*). Тем самым, третья часть модели, ее финаль и достижение в осуществленном и осуществившемся / осуществившемся, будет обращаться вокруг того, что может быть описано как социальностный статальный финитив эквитативно-оптимальностного универсатива, реализуемого в экспансив-ингрессии примарно-эксклюзивного дуктива.

Некоторые вербализируемые проекции одного из фрагментов

Для того чтобы лучше понять организующие принципы модели, а также роль в ней и отношение к ней того, что и как выражается словами в патетизмах, вернемся к представленным ранее рядам с задачей уточнения вносимых ими смыслов и определением их в позициях характеризуемого устройства (третьей горизонтальной модели в отношении целого). Первая, левая, часть этой модели, определенная как инициирование в движении и движущем / движущемся, была представлена рядами:

революция – Ленин – Сталин – Ильич – Октябрь – Октябрьская Социалистическая Революция

партия – вождь – зодчий – корифей науки – кормчий – машинист локомотива – учитель

имя Ленина – имя Сталина – дело Ленина (Ильича) – идеи Ленина – идеи коммунизма – принципы – идея – идеи – цель партии и народа – ум – задачи партии и народа – план

наша Родина – народ – Великая Отечественная война

Приведенные в рядах примеры не следует воспринимать как выразители соотносимых в точках одноуровневых отношений, т.е. как такие, которые могли бы наглядно представлять пятивалентное ромбическое обустройство в схемах. Как выбранные и поставленные в ряды случайно, они лишь представители каких-то признаков и смысловых частей анализируемого построения. На их основе можно выводить такие признаки, входящие в какие-то свои пятивалентные молекуляры левой части, которые как в своих основах, так и в отношениях к другим таким же, необходимо впоследствии открывать. Одновременно с этим, их выведение и затем включение в пятивалентные конструкции каких-то уровней, должно предполагать последовательную подчиненность логике всего строения, также обнаруживающей себя в каких-то признаках большей или меньшей категориальной глубины.

Из сказанного следует, что на основе патетизмов, выстроенных в ряды для четырех проекций левой части, можно показать характер описания признаков, способных быть организованными в парадигматике, и продемонстрировать, представленным в каких-то отношениях, ее (модельного устройства левой части) не вполне достроенный и не до конца организованный фрагмент.

Для начала попробуем представить, исходя из мысли об иницируемом в этой части движимом и движущем / движущемся для всего, что получает отражение в рассматриваемой третьей горизонтальной модели, чем являются те соотносимые пятивалентности, которые отражены в рядах (без пятого), открываемых словами *революция – партия – имя Ленина – наша Родина* (со всем, что стоит за ними далее и что может стоять).

Модель в этой своей части представляет то, что открывает путь, дает толчок к реализации в последующем, определяемом в понятиях построения социализма и перехода к коммунизму. У иницирующего, по принятой нами логике строения, имеется исток, т.е. свое начало (1), имеется то, что поддерживает, обеспечивает (2) необходимую в своем осуществлении реализацию производимого толчка (3), то, что его организует, направляет, оформляет, уточняет (4) для того, чтобы, собственно, и был возможен производимый им в третьей точке к (5) переход.

Первое, в этой связи, на что бы следовало обратить внимание, это на то, что патетизмы и составляющие их слова (по крайней мере, некоторые из них) не будут прямо отражать указанные отношения, в том смысле, что не будут непосредственно привязываться к одной определенной точке. В революции, в партии можно увидеть смыслы как первой, так и второй, и отчасти третьей, четвертой, пятой точек. В этой связи необходимо помнить о том, что а) между словами, тем, что они отображают, и тем, что имеется в модели, прямого взаимного соотношения нет, существующее в модели передает себя через то, что выражает себя словами, осложняясь целым рядом признаков той же модели, но помещенного в других местах; б) контекстами употреблений, равно как и контекстом представлений, знаний,

словá в патетизмах для сознания существуют облеченные разнообразными мотивами и связями, в подвижных, флукутирующих сгустках признаков и смысловых оттенков, в которых то одно, то другое, то один композиционный ряд их, то другой, способно выходить на поверхность, заслоняя, отодвигая в глубь сознания и памяти все остальное; в) в патетизмах, как словах и сочетаниях слов, обычно встречаемых в типичных для них текстовых окружениях, можно вместе с тем усматривать проекции определенных признаков как для них свойственных, по основанию их узуальной актуальности или типичности, т.е. как признаков доминирующих.

Из этого последнего следует (не забывая и о том, что было сказано в двух предыдущих пунктах), что не ошибкой и не нарушением будет опираться в поисках определяемых признаков модели на употребляемые в патетизмах слова и сочетания слов. В этом случае их следует воспринимать как такие, которые способны непротиворечиво и типично проявлять в своих употреблениях (для сознания, однако, в первую очередь) приписываемые им признаки для тех или иных позиционных проявлений рассматриваемой модели (хотя и наряду с другими).

Исходя из этого к началу в (1) в большей мере и в соотношениях с другими тяготел бы ряд, открываемый патетизмом *имя Ленина*, с тем, что далее при нем. *Революцию* и все, что далее, имеет смысл, с учетом все того же соотношения с другими тремя представленными рядами, относить к точке перехода (5) того, что в (3) реализации дается рядом *наша Родина – народ* и пр. Соответственно, *партию* и все при ней логичнее в этом случае воспринимать как проявления в точке (4) как организующего и направляющего реализуемого народом, ведомым именем Ленина, революционного толчка. Позиция поддержки (2), тем самым, предстает незанятой. Прежде чем попытаться поискать возможные для нее в патетизмах и в представленных соотношениях манифестации, имеет смысл сначала рассмотреть, какие признаки в модели и для ее позиций можно вывести из того, что выражается словами и сочетаниями слов в каждом из четырех рядов. Полученное из этого позволит показать характер выра-

жаемого словами как относимого к модели, отображаемого и имеющегося в ней, в позициях валентностно устроенных композиционных соотношений.

Начнем с первой точки, исхода производимого в последующем толчка (в точках модели, хотя, возможно, и в отображаемой в сознании реальности действительного и исторического). Репрезентирующий ее смысловые признаки ряд – это *имя Ленина – имя Сталина – дело Ленина (Ильича) – идеи Ленина – идеи коммунизма – принципы – идея – идеи – цель партии и народа – ум – задачи партии и народа – план*. Отвлечемся пока что от вопроса, как и что выражают названные патетизмы, попытавшись для начала их между собой каким-то возможным образом соотнести.

Первую такую группу единиц (еще между собой не соотнесенных) можно представить в виде *имя Ленина – имя Сталина – дело Ленина (Ильича) – идеи Ленина*. Вторую в виде *идеи коммунизма – цель партии и народа – задачи партии и народа – план*. И третью в виде *принципы – идея – идеи – ум*.

Само собой разумеется, что в этих рядах *план, принципы, идея, идеи, ум* следует понимать в непосредственной связи к их употреблению в патетизмах и, соответственно, в позициях модели, т.е. как план строительства социалистического общества, социализма и перехода к коммунизму, принципы – организации партийной и общественной жизни в СССР, идея – ведущая и направляющая как коммунистическая, идеи – дающие основание и право того, а не иного партийного, общественного действия и руководства, а ум – как вдохновляющий и пламенный, революционный, пронизанный заботой о людях, человечестве, трудящихся массах, их светлом будущем, ищущий и знающий, уверенный в единственном как верно избранном и правильном пути, ведущего к победам, ум советского руководителя, учителя, вождя, ум, коллективный, единственной партии, которая *ум, честь и совесть нашей эпохи*. Возможны, безусловно, и другие понимания в контекстах все тех же патетизмов, но мы выберем не противоречащие эти, как наиболее типичные, а также чтобы

на чем-нибудь остановиться, имея возможность это что-нибудь показать.

В связи с указанным разделением единиц на три группы необходимым видится выяснение трех вопросов: того, что собой представляет эта первая точка исхода, как ее можно было бы охарактеризовать; того, что собой представляют в модели, в этой ее первой части, перечисленные единицы, и какие они в ней занимают места; и того, как следствие, в каких валентностных соотношениях они, эти единицы, находятся, с возможным, если не определением, то хотя бы обозначением, того, какие места остаются не занятыми и какие единицы могли бы быть приведены как им более или менее соответствующие.

Исход, о котором речь (т.е. точка 1), имеющий в точке 3 *нашу Родину*, в 5 *революцию*, с вершиной в 4 *партию*, должен быть со всем этим соотношенным. Это должен быть исход, открывающий и разворачиваемый далее в процесс строительства социализма и коммунизма, сначала в отдельно взятой стране, а потом во всем мире (если смотреть исторически, т.е. с момента все того же начала, то наоборот – сначала во всем мире, распространяясь в нем революцией, а потом и одновременно со всеми в отдельно взятой стране). Это должен быть также исход, который в горизонтальной оси, образуемой соотношением 1 – 2 – 3, представляет что-то взаимосвязанное и почти что единое, переходящее смыслами через одно в другое. Тем самым, это был бы исход зарождения – в России идей революции, открывающей новую эру социализма и коммунизма. Подобное зарождающее при этом имело бы некую искру, первотолчок, свое зарождающее, придающее смысл (1), который затем находит свою какую-то реализацию (3), переходящую в нечто последующее, открывающую его (5), по своей горизонтальной оси, поддерживаемое (2) и развиваемое, разрабатываемое в (4). Таким зарождающим можно рассматривать формирование и усиление организованной группы российских революционеров, в данной модели – большевиков, что, в свою очередь, будет иметь для модели свои его формирующие проекции и составляющие в точках от 1 до 5,

по горизонтальной оси воплощения (1 – 3 – 5) и вертикальной – обеспечения (2 – 3 – 4).

В отношении трех выделенных нами групп для точки 1 (не будем здесь говорить, какого уровня, поскольку без полного вида модели, об уровнях трудно судить) то, что выражено или, точнее, связано с выражаемым в перечисленных единицах можно было бы непротиворечиво распределить приблизительно следующим образом:

			1. Исход (зарождающее)			
			4.4			
			<i>задачи партии и народа</i>			
			4.1	/4.3/	4.5	
			<i>идеи коммунизма</i>		<i>план</i>	
	1.4			4.2		
	<i>идеи</i>			<i>цель партии и народа</i>	/5.4/	
				/3.4		
1.1	/1.3/	1.5	1 – 3.3 – 5	/5.1/	/5.3/	/5.5/
<i>ум</i>		<i>идея</i>	3.2/		/5.2/	
	1.2		2.4			
	<i>принципы</i>		<i>имя Сталина</i>			
		2.1	2.3	/2.5/		
		<i>идеи Ленина</i>	<i>дело Ленина</i>			
			2.2			
			<i>имя Ленина</i>			

Не представленными в примерах оказались точки 3 и 5 в своем полном составе, а также точки 1.3, 2.5 и 4.3, что отмечено в схеме косыми. Подобное положение не означает, что эти по-

зиции не могут быть занятыми, примеры можно бы было найти (что, однако, не будет входить в задачу, связываемую с демонстрацией принципов организации построения, а не его заполнением), хотя вместе с тем не исключено и такое, что та или иная позиция, место в модели, имеясь в устройстве, а тем самым, в сознании и представлении в соответствующей позиционной связи, может по каким-то причинам своего выражаемого патетизмами и не найти. Однако и это оставим на данном этапе без рассмотрения.

Каждая из позиций и, соответственно, точек на каждом уровне от верхнего (1, 2, 3, 4, 5) через последующие в допустимую для восприятия глубину (1.1, 1.2, 1.3, 1.4, 1.5 – 1.1.1, 1.1.2, 1.1.3 ... 1.2.1, 1.2.2 ... 1.1.1.1, 1.1.1.2 ... 1.2.1.1, 1.2.2.1 ... и т.д. для первого, и также затем для второго, третьего, четвертого, пятого), – каждая из этих позиций способна быть выражаемым в патетизмах представлена и в соответствующих семантических терминах определена. Поскольку процедура эта в своем сколько-нибудь обстоятельном виде крайне громоздка и тяжела, говорим о ней здесь как о принципиальной возможности теоретически, полагая ее как наглядно осуществляемый способ описания единиц и структур сознания, соотносимого с модулем патетизмов советского официоза и выражающего себя через него.

В связи со сказанным ограничим свою демонстрирующую только принципы построения задачу определением того, что могут для него выражать отдельные из вписанных в схему примеры, с тем чтобы увидеть характер их позиционного положения в ней, а также характер устройства самого выражаемого. Выражаемое с помощью патетизма, необходимо при этом напомнить, в модулятиве, разбираемом в своем устройстве, представляется единицей по своему оформляемому впечатлению для сознания и восприятия тоново-смысловой. Смысловая часть служит основой для проявления важного для патетизмов модулятивного тона (смысловая часть также при этом модулятивна) – тона воздействия в мысль охарактеризованных ранее ингрессии трансгрессива (отрыв – собирание – подъем – несение – перенесение).

Необходимо, следовательно, с помощью задаваемого в патетизмах смысла, так воздействовать на сознание воспринимающего, чтобы его (если кратко и просто) оторвать от его окружения, повседневности, тягот, подавленности, от мешающего, связывающего, утяжеляющего и от всего другого, препятствующего, чтобы его собрать, поднять, пронести и перенести, в состояниях, мыслях, чувствах, переживаниях и проживаниях, к тому, что большое, открытое, светлое, полное, новое, юное, совершенное, прекрасное, откровенное, справедливое и т.д., что дает надежду на какую-то лучшую жизнь, но не просто ее дает, а показывает, мотивирует, открывает и объясняет, а самое главное – заявляет, что это вполне реально и достижимо с инструкциями и установками, определяющими, как этого можно и необходимо достичь.

В этом суть модулятивного тонового, через смыслы и в смыслах, проявления и оформления некоего концептуально-оценочного фрагмента представления человеческой и общественной жизни, равно как и окружающей все это и в себе воплощающей наблюдаемой в своих проявлениях действительности.

Из этого также следует, в контексте стоящей задачи, что выражаемое патетизмом, должно содержать представление о том, что, ‘будучи тем-то и тем-то’ (смысловая часть выражаемого), ‘дает то-то и то-то’, вызывает его для сознания, переживания и ощущения, служит его основанием – отрывает, отодвигает, мобилизует, поднимает, поддерживает, зовет и т.п. (его тоновая, таким образом, эмотивная составная часть).

Смысловое и тоновое в модели и в патетизме

Рассмотрим это теперь на некоторых примерах, с тем чтобы, выделив в них то и другое, смысловое и тоновое, соотнести его с позицией и отношениями данного выражаемого в модели. Для этого необходимо само это выражаемое не просто, а модулятивно, с учетом модели, определить. Возьмем для такого показа крайние точки отображенного в схеме – то, что себя выражает, способно себя на каком-то из уровней выражать (но уровнями пришлось пренебречь), с помощью патетизмов *ум, имя Ленина, задачи партии и народа и план*.

Относясь к соответствующей позиции, открываемой в исходе (1) как 1.1, т.е. от 1.1.1, возможно, далее на какую-то глубину, *ум* имеет смысл в этой связи рассматривать и определять как то, что лежит до всего, что ведет к организации российских революционеров на основе марксистской теории, с выбором ее как единственно правильной, для подготовки и осуществления Октябрьской революции, открывшей путь к построению социализма в мире, в отдельно взятой стране (и все далее прочее).

Ум этот, следовательно, связывается с интеллектуальной способностью своего носителя, исключительно одаренного и провидящего, озабоченного к тому же сочувствием к эксплуатируемым и ненавидящего их эксплуататоров, ищущего, не успокоенного, умеющего при этом, предугадывая, безошибочно чувствуя, находить единственно возможный и правильный путь к разрешению неразрешимых и потому не решенных до этого социальных, экономических, политических и всех прочих задач, накопившихся вследствие цивилизационного развития человечества, решение которых, при условии правильной организации и подготовки, открывает возможности к установлению строя без антагонизмов и угнетений.

Все это, каким-то образом оформляясь применительно к разбираемой модели, будет составлять смысловую часть выражаемого патетизмом – ‘то, что, будучи связано с такой интеллектуальной способностью своего носителя... (и далее все описанное в каких-то своих позиционных соотношениях)’. По-

сколько формульно-моделирующее оформление всего этого было бы не только сложным, но и не связываемым с другим (мета-язык подобного описания требует специального рассмотрения), опустим его, тем более что это и не входило в нашу задачу.

На основе представленной в предыдущем абзаце смысловой части выражаемого в патетизме с ум возникает и оформляет себя его тоновое, предстающее как то, что поднимает и раздвигает (в мысль человеческих неограниченных возможностей), рождая чувство приобщающей гордости за человечество, за свой народ и страну, способные такое произвести, желание следовать, отдавая всего себя, подчиняясь и предаваясь, в уверенности, что такая интеллектуальная сила, такое умение не подведут, защитят от превратностей, что путь этот, рожденный к тому же заботой об угнетенных, не может не быть таким, каким объявляется, а следовательно, прямо и неизбежно ведет к своему результату и т.д. В этом всем также можно увидеть объединение тона и смысла, опору тонового на смысл.

Доминантами продуцируемого эмотива, выводимыми на основе сказанного, будут воодушевление – выход за рамки (преодоление ограничений) – приобщающее включение (подключение к совершенному) – чувство удовлетворения и подтверждаемой гордости к своему (родовому и национальному) – втягивающее стремление присоединиться, войти – самоотдача (преданность) – эмпатия – уверенность в истинности и достижимости – защищенность.

Все эти чувства, затрагиваемые выражаемым в характеризуемом патетизме, организуются в нем каким-то своим специфическим образом с учетом их связи с его же смыслом. Те же самые чувства, равно как и какие-то также другие, возможны и будут присутствовать в выражаемых другими словами и сочетаниями слов в патетизмах советского официоза, но, опираясь в своей основе на смыслы, организуемые и представляемые по-другому, в них они будут действовать и собираться иначе, образуя какие-то композиты и блоки. Выявление элементов и признаков возможного на этой основе описания можно рассматривать как задачу составления соответствующего метаязыка, в

данном случае тонового, отдельного, хотя и соотносимого с таким же, но смысловым. Объединением тоновых и смысловых элементов и признаков в конструкции и композиты и достигается описание выражаемого в патетизмах.

Соответственным образом *имя Ленина*, относясь в позиции 1.2.2... к тому, что в своем отношении к Октябрьской революции, подготовившей и совершившей ее партии большевиков, можно рассматривать как ее основание, ее поддерживающий фундамент и знамя. В смысловом отношении это был бы некий определяющий и вдохновляющий, дающий надежду и веру в прочность, кристальную чистоту задуманного и совершаемого, раскрывающий тайны общественного бытия девиз и ключ, своего рода охранная грамота и оберег, заветное. Присвоение чьему-либо имени Ленина должно содержать в себе высшую из всех возможных меру отмеченности и причастности, звание, которое следует заслужить и высоко нести, оправдывая его достижениями в труде, указывая путь всем остальным. Это знак наивысшей пробы. В отношении производимого для позиции 1 исхода его необходимо рассматривать в контексте того, что, будучи с этой позицией связано, проявляет его составляющую, по крайней мере 2.2.

В нижней части вертикальной оси для второго уровня, соответствующего точке в модели 1.2, в смысловом отношении необходимо представить то, что следует воспринимать как поддерживающее идейное и реальное осуществление задуманного в 1.1 преобразования российского общества на социалистических основах, достигаемого революционным путем. Этим может быть развиваемая соответствующим образом теория, представляемая как руководство, практическое учение, стратегия и методика того, каким образом, с учетом имеющихся условий, этого можно достичь. Показательным в этом случае может быть известное (ленинское) положение о том, что *марксизм не догма, а руководство к действию*. Утверждение это вписывает все то, что определяется термином *ленинизм* и связывается с именем и учением Ленина, в учение Карла Маркса, теоретически разработавшего в своих трудах мысль о классовых антагонизмах и пе-

реходе от капитализма к коммунизму через социализм. Рассматриваясь как продолжение и приложение марксизма к российским условиям и эпохе так называемого империализма, ленинизм в свое время определялся одновременно как практическое руководство. Иными словами, не столько как теория, сколько тактика революционной борьбы – российского пролетариата, под руководством партии нового типа, основная задача которой в том, чтобы повести российский пролетариат к революции, открывающей путь к построению социализма в результате свержения прежнего строя и власти, установления диктатуры, упразднения частной собственности и уничтожения эксплуататорских классов.

Важным для нас из сказанного является то, что связываемое с теоретическим обоснованием и поддержкой практического осуществления производимого переворота должно находиться в позиции 1.2, а это, в первую очередь, выражаемое с помощью термина *ленинизм*. В данном месте следовало бы еще раз подчеркнуть, что не слово относится к точке, а то, что способно себя в этом слове отобразить, выражаемое с помощью слова или же сочетания слов (при этом не только именно этого, но и возможных других), т.е. слово, то или другое, для патетизмов и в патетизме, может быть средством манифестации не одного выражаемого в каких-то других позициях и другой связи.

Ленинизм, таким образом, не сводится к представлению только теоретического обоснования, практического руководства осуществления социалистической революции в России в первой четверти XX века, будучи таковым. В патетизмах (ибо о них только речь) он может служить выражением также чего-то другого, что имеет свою позицию в характеризуемой модели. Одновременно с этим обоснование и поддержка в виде теории практики осуществления указанной революции (для данного случая, но это может действовать и в любом другом) способны себя выражать с помощью других патетизмов. При этом не обязательно полно и точно, иногда недостаточно определенно либо только частично, либо даже никак себя специфическим образом не выражать, присутствуя, в сознании и восприятии, как знание,

ощущение, представление, на основе каких-то высказываний или контекстов, равным образом как и без таковых, на основе какого-то следствия или опыта. Описанный механизм подобен асимметрии языкового знака, выходя в своем приложении в область описываемой парадигматики и осложняясь модулятивом не только смысла, но и эмотива, тона.

В контексте сказанного характеризуемое *имя Ленина* фигурировало бы в своем выражаемом как то, что поддерживает собой, как опора и несомнительный авторитет, безупречный и вне подозрений, то самое практическое, в отношении революции, учение, которое служит ее руководством к действию. Тем самым, было бы тем, что следует относить к позиции 1.2.2 для модели, возможно, в каком-то ее развивающем продолжении, т.е. позиция 1.2.2, имея далее свои пять точек (1.2.2.1 – 1.2.2.2 – 1.2.2.3 – 1.2.2.4 – 1.2.2.5), каждая из которых такие же пять свои, возможно, в какой-то из них проявляла бы то, о чем речь – опора и несомнительный авторитет, подписывающийся под практическим руководством к революционному действию (в условиях России первой четверти XX века и пр.), гарантирующий собой его истинность.

Для определения этого, т.е. того, в какой позиции какого уровня проявляет себя выражаемое с помощью данного патетизма, необходимым было бы установление самих этих уровней в их позициях для себя с опорой на то, что находит свое выражение в патетизмах. Тем самым, восстановление в какую-то глубину, если не всего восстанавливаемого фрагмента модели, то, по крайней мере, какой-то его, просматриваемой для определения взаимных связей, более или менее наглядной и очевидной части.

Данное представление не входило в поставленную задачу, однако в этой связи хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Определение смысла, а с этим также и тона, для тоновой составляющей выражаемого в патетизме, имеет последовательно развиваемый и осложняемый дополнениями характер – как способность и как внутренний потенциал, ресурс, запас погружения. Это первое. И связанное с этим второе – опре-

деляемый и воспринимаемый смысл, а с этим также и тон, имеет открытый, не обязательно и далеко не всегда завершенный, характер (а чаще и не завершенный), вводящий, включающий в некую позиционную ячейку, намечающий и направляющий в ней понимание, осознание, интерпретацию сказанного как выражаемого в каком возможном как допустимом ключе.

Не следовало бы это последнее представлять как нечто похожее на намек. Патетизмы в своем выражаемом не намекают, но соотносят, вписывая, вводя, придавая ключ, и, как таковые, определяют то, что и как следует понимать. Просто само это ими определяемое открыто и как таковое нежестко и не во всех своих составляющих ясно и точно определено, но не в общем и целом, а в своей ячейке, в которой то и другое присутствует, проявляясь, возможно, на какой-то ее глубине, в то время как что-то иное – либо возможно в другой ячейке, либо вообще невозможно, для данной парадигматики в ее составных частях.

Из этого следуя, выражаемое с помощью *имя Ленина* следовало бы относить к ячейке, находящей свое проявление в пространственной (концептуально-пространственной) директории рассматриваемой модели, отмечаемой позицией 1.2.2..., открытой в своем продолжении развиваемых и усложняющих признаков.

Охарактеризованное как то, что служит своеобразным аффирмативом практическому руководству революционного действия, данное выражаемое характеризуется так в смысловой своей части. В части тоновой, опирающейся на этот смысл и следующий из него по схеме 'то, что, будучи аффирмативом концептуальному реализативу акционального инвентивного абруптива и т.д.' (скажем так), дает (и здесь переходим к характеристике тона, но не формализуемому по причине отсутствия разработанного для этого языка в его минимальных признаках как элементах подобного описания) 'дает основание к переживанию и ощущению некоей твердой надежной истинности, авторитетности, положительности, кристальной честности и чистоты как своего рода почвы и крепкой уверенности, обре-

таемой и обретенной всеми и каждым, причастным(и) к совместному общему делу и в нем участвующим(и)».

Остающиеся *задачи партии и народа и план*, с учетом их отнесенности к точке 4 исхода, разберем в соотношении друг к другу и к тому, что находится в трех других позициях, одна из которых (4.3) к тому же не занята. Выраженное в представленных точках словами не вполне соответствует идее, завершившей себя в переходе к Октябрьской революции, в связи с чем необходимо еще раз подчеркнуть, что представляемая в своих составляющих модель отражает смыслы и признаки парадигматического устройства, которые способны иметь и имеют категориально-реляционный характер, предполагающий обращение и возвращение, перемещение по уровням уточнения, которые реализуются в том или ином выражаемом для патетизма, воспринимаемая и понимаемая не столько конкретно в связи с каким-то событием или моментом действительности, сколько как воплощатели, выразители определенной идеи, которая может быть выражена, в зависимости от уровня реализации, в соотношениях с себе подобными, равным образом тем и другим.

Продемонстрируем это на разбираемых примерах позиции 1.4 с ее составляющими в 1.4.1, 1.4.2, 1.4.3, 1.4.4 и 1.4.5, для которой то, что представлено в виде соответствующих вербализаций, есть лишь одна из возможностей, которую также и в данном виде следует понимать в обобщенно-категориальном, модулятивном, отображении, не исключая при этом одновременно и заключаемой в них конкретности.

Конкретное в этом случае фигурирует как воплощение, отражение обобщенного для данной социальной и темпоральной проекции, фазы, того, что уже присутствует и присутствовало там изначально и постоянно как вечное и неотъемлемое, законополагаемое и законополагающее, необходимое свойство, по принципу, отмеченному в *нет у революции начала, нет у революции конца*. Сюда же можно бы было добавить типичное для советского времени представление в *революция вечна*, равно как и внешне выглядящие как парадоксальные утверждения типа *Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить* (своей структурной

моделью повторяющее такое же положение о царе Давиде), *вечно живой (Ильич)*, *неугасимое пламя (свободы)*, *пусть живет в веках* или не менее противоречивое с точки зрения здравого смысла, но организованное на принципах собственной логики учение *Маркса всесильно, потому что оно верно*, не требующее объяснений и доказательств и принимающееся на веру.

Основой такого вечного, постоянного, неизменного, объявляющегося в конкретном, проявляющим и неопровержимо доказывающим его непереносимость и неотменяемость, закономерность и обязательность, как наступление дня после ночи в цикле своих повторений, а данный конкретный день лишь доказывает наглядно и проявляет то, что было, есть и неизменно наступит после, чего никто и ничто не в состоянии отменить, – если основой этому в мифе и ритуале становится особое восприятие времени в альтернативе вечного и сиюминутного как его проявления, то такой же основой для патетизмов (не будем сейчас вдаваться в рассуждения о восприятии времени в них) можно считать моделируемое в их когнитивном и эмотивном устройстве указанное соотношение обобщенного и конкретного. Мысли, мечты и переживания человека в его устремлении к лучшему вечны, были, есть и будут всегда, – для патетизмов советского официоза это мысли, переживания и мечты не абстрактные, не вообще, но, по внушаемому (в соответствующем мифе и ритуале), а потому и неопровержимому утверждению, мысли, переживания и мечты о повторяющей себя во всем революции (как опровержении всего, что другое, что тянет, мешает и не дает) и о коммунистическом завтра, ростки которого необходимо увидеть в сегодня, его приближающем, но не просто увидеть, а всячески их поддерживать, неизменно усиливая и развивая.

Исходя из сказанного *задачи партии и народа*, так же как *план* и все остальное, следует воспринимать как проекцию чего-то категориально большего, как включающее в себя его зерна-ростки, понимая одновременно и как конкретное разных уровней допустимой конкретности – задачи партии и народа для данного случая, на данном этапе истории, на данном его рубеже

и т.п., и вообще, как нечто большее, чем *задачи партии и народа* и *план* даже в самом своем обобщенном смысле – как их задачи, т.е. всё той же партии и того же народа, в цивилизационно-эволюционном для человечества и едва ль не космическом смысле, для вселенской истории, и такой же план. Впрочем, подобный, космический, уровень обобщения патетизмами открывается (как возможность поднятия и погружения на любую возможную глубину, это свойство модулятива, как в смысловом, так и в тоновом отношении), но, открываясь, не обязательно репрезентируется и себя задает.

Отвлечемся поэтому от возможного далеко идущего расширения, оставаясь в пределах того, что предполагается, задаваясь советской историей. Если в 1.1, для исхода того развития, которое переходит к новому через какой-то общественный, понимаемый широко и одновременно конкретно, переворот, для которого революция и конкретно Октябрьская, определяется как единственно правильное и необходимое проявление в конкретных условиях, если для такого исхода в его 1.1 реализациями были какие-то смыслы, передаваемые на каких-то уровнях патетизмами *ум, идеи, принципы* и т.д., а в 1.2 *имя Ленина* и всё при нем, то как можно было бы все это понимать – для данного целого, т.е. для 1, и для его состава в 1.3, 1.4 и 1.5? Если, к тому же, в 1.4 появляются рассматриваемые *задачи партии и народа* и *план*?

Следование по точкам устройства

Начнем в связи с этим с отмеченного в своих позициях (без 1.4.3) 1.4. Не вдаваясь в подробности и детали и опираясь на выделенное для 1.1 и 1.2, обобщенно можно было бы непротиворечиво сказать, что, если в 1.1 мы имеем дело с каким-то намерением, замыслом – подготовки и перехода к социализму и коммунизму через общественный переворот, что способно далее себя по уровням в своих проявлениях уточнять, а в 1.2 – с теорией, представляющей такую возможность как необходимость в ее практической осуществимости, обосновывающей и поддерживающей ее, тем самым, подталкивая к реализации в 1.3, то в

1.4, соответственно, получаем распространение, расширение того, что в практической реализации, через применение, сопровождение, разработку и прорабатывание.

Для Октябрьской революции, как произведенного в октябре 1917 года восстания, это было бы то, что получило название *мозг (Октябрьского восстания)*, его *штаб*, комитет большевиков, размещавшийся в Смольном. Как мозг – это нечто более обобщенное, как штаб и как комитет, состоящий из определенных лиц, уже менее. Для революции как таковой, как необходимо производимого кем-то общественного переворота, это были бы те, кто продумывает и планирует, а затем следит, направляет и руководит производимыми в ходе ее осуществления действиями, т.е. вроде бы люди, но с точки зрения смысла не люди, а план, задачи и цели, толкаемые, движимые какой-то идеей, идеями – то, ради чего и во имя чего необходимо сделать то-то и то-то, чтобы достичь того и того.

Такова в общем виде структура 1.4 – в применении к революции как таковой и любой, и к восстанию в Октябре, равно как и в том, что представляет собой тот общественный переворот, который осуществляется в ходе социалистического строительства советским народом под руководством коммунистической партии, знающей в этом деле, что и как следует осуществить, движимой *идеями коммунизма* в 1.4.1, опираясь на *цели (партии и народа – свои для него и общие у нее с ним)* в 1.4.2, руководствуясь в своей такой деятельности стоящими и ставящимися ею же самой *задачами (партии и народа – для него от себя)* в 1.4.4, находящими свое реальное воплощение в том, что может быть, в частности, *верной дорогой (которой) идете, товарищи!* в 1.4.3, и естественным образом переходящими в *план – строительства новой жизни, верной дороги, народохозяйственного развития и т.д., равно как и чего-то конкретного как его проявления и части: производственный, пятилетки, на какой-нибудь год и проч.*

Каждая часть в своем целом и в составляющих, так же как смысл, задает и реализует по уровням воплощения тон в модели, определяя первоначально вектор его насыщения (для мо-

дели), который конкретизируется последовательно в каких-то своих проявлениях, отображаясь с помощью патетизмов. Патетизмы, те или иные в вербальных манифестациях, затрагивая тонические составляющие состава модели, так же, в зависимости от контекстных, равно как и внеконтекстных, употреблений, способны по-разному к ним относиться и разным образом их, организуя, объединять.

Прежде чем предложить допустимую как не противоречащую патетизмам советского официоза их тоновую в своих отражениях и проявлениях более или менее целостную модель, можно было бы попытаться увидеть ее воплощения, как это делалось раньше, на некоторых примерах. Для того, чтобы с чего-то начать, оттолкнемся от только что просмотренного в своих составляющих структурного компонента 1.4, не в полном его составе, поскольку таковой не был выведен, а исходя из отмеченного.

Как то, что связывается с идеей руководящего и направляющего, 1.4 в целом может быть связано с чувством, сопровождающим ощущение, что нечто, что происходит, что делается, что с тобой делается, чего ты являешься частью, участвующей, совместно действующей, органической, организменной, что все это не случайно, что кто-то и что-то имеется над всем этим, а следовательно, и над тобой, опекает, чувствует, понимает, ведет, направляет и бдит. Это что-то вроде неоставления, неброшенности, не предоставленности самим себе (самому себе), облеченности и облакаемости высшим, знающим и справедливым, которому можно и нужно довериться, к которому необходимо испытывать чувство признательной преданности и готовности им предлагаемое выполнять. Назовем такое вызываемое эмотивное состояние обдуктивом (*obduco, obductum* ‘приводить, подводить’; ‘прибавлять, добавлять’; ‘покрывать, обтягивать’), несколько односторонне, неполно, условно, для емкости и простоты.

Внутри обдуктива, как чувства, сопровождающего подхватывающее обхватывание (чувства высшего знания и умения, в психологии связываемое с ролью отца) и несение (через дрыз-

ги, ошибки, преграды и т.п.), внутри этого чувства возможным видится выделить его проявления и вариации (трудно их было бы называть составляющими). Проявления и вариации, связываемые как с конкретными переживаниями в окружении каких-то условий или какой-то связи, вызываемыми ими и сопровождающими их (проявления), так и модусы, или модули, модальные состояния того, что обобщенно было представлено как обдуктив (в вариациях). Таковыми (т.е. обдуктивными вариациями) могли бы быть, как отдельные или как доминирующие, подключающие, вбирающие также и что-то другое, названные ощущения неоставленности, следующей из того, что есть кто-то и что-то сверху и над тобой, или ощущение несения (через превратности на пути), связываемое с тем же самым, как его следствие, или ощущение облученности (скорее связываемое с мыслью о приобщении к высшему над тобой, чем с защитой, следующей, скорее, из чувства реальной поддержки, чем знания о все знающем и руководящем), ощущение признания этого высшего, его руководящей и направляющей путь руки, и следующего из этого чувства себя предания, отдавания себя его такой организующей власти.

Все это для *идей коммунизма, целей партии и народа, пути, задач, плана*, проявленных в точках для 1.4, через то, что определялось как выражаемое этими единицами и о чем была речь, для модели в ее эмотиве могло бы себя проявлять для *идей коммунизма* (1.4.1) в виде вызывающего уверенность в верности осуществленного выбора, а потому и действующего как бодрящая, ободряющая сила производимого на сознание толчка – к необходимости подключаться и действовать вместе со всеми.

Первая часть до слова «действующего» и последняя, после тире – уточняющие и вписывающие квалификаторы эмотива, концентрирующегося в ободрении производимого на сознание человека толчка, которое (ободрение как то, что бодрит и ободряет) можно рассматривать как вариацию, вариатив, пробуждения (состояние пробужденного), как одно из того, что возможно, – деклинатив для него.

Для *целей партии и народа* (1.4.2) сказанное определяло бы себя через чувство определенности, ясности, очевидности, порождающих мобилизующую силу готовности действовать, следующие из более общего ощущения прочности и стабильности создаваемого основания, ощущения крепкой почвы у себя под ногами. Как вариатив – несводимость, несталкиваемость с избранного пути, прочная равновесность действующего и участвующего.

Путь, соответственно, в точке 1.4.3, как верный и правильно выбранный, а потому и единственный, связывался бы с ощущением неотклонимости и сообщаемой силы, неуклонности поступающего вперед движения, неизбежности следования по нему.

Задачи партии и народа (1.4.4), связываясь с представленным ранее обдуктивом, проявляли бы его в этом контексте и взаимосвязи с другими как направляющий вектор совместной решимости, то, что дает возможность себя, свои действия с чем-то и с кем-то сверять, убеждая лишний раз в своем соответствии (соответствовании, как конвентив), в верности производимого осуществления. Чувство соответствия данного высшему, образцу, кого-то чему-то, моего «я» общему правилу, связываясь с мотивами преданности, причастности, адаптированности, признательности, удовлетворения собой и собою делаемого, лежит с ними, как вариативный деклинатив, в одном эмотивном ряду.

И, соответственно, *план* (1.4.5) можно рассматривать в отношении чувства реальности всего намеченного к осуществлению (следующего из общего представления для 1.4 обдуктивной уверенности), как действия, действий, пути, твердо выбранных, обоснованных, не случайных, как осязаемый, наглядный, запрограммированный реальностный фактив очевидности собственного, реализуемого в существенно закономерном и правильно выбранном существовании в этом, коммунистической партией созданном и ею организуемом, здесь и теперь.

Третья горизонтальная модель, организуемая на основе того, что представляется для сознания воспринимающих как построенное, оформленное, реализованное, достигнутое, а потому и более очевидное по сравнению с двумя другими моделями горизонтали, ранее охарактеризованными, – эта третья модель в наиболее полном виде проявляет возможность соединения смысловой и тоновой составляющей выражаемого с помощью патетизма.

Первая, левая, часть, обозначенная в своем ведущем ролевом проявлении как инициирование, или исход, по отношению к процессуальности осуществления и его достижения во второй, центральной, и третьей, правой, в основных своих позиционных пунктах, с демонстрацией связи тона и смысла, была представлена на примере точек в I для I – исход исхода (*имя Ленина – имя Сталина – дело Ленина (Ильича) – идеи Ленина – идеи коммунизма – принципы – идея – идеи – цель партии и народа – ум – задачи партии и народа – план*).

О тоновом сопровождении точек частей

Вторую (II) и третью (III) части третьей горизонтальной модели, с учетом того, что механизм на примере первой (I) в (1) был показан, а это и было задачей, дадим очень коротко, с тем чтобы только сравнить с тем, что было показано в первой, на предмет допустимых различий и сходств. Основной упор будет сделан на тоновой составляющей модулирующих характеристик с опорой на вероятный не противоречащий смысл, оттолкнувшись при этом от приведенных раньше примеров. Конечной целью такой демонстрации будет установление особенностей собственно тоновой организации изучаемых моделей с предполагаемым представлением того, каким образом в рассматриваемом модулятиве способны взаимодействовать не только смысловые, но и эмотивные признаки, связываемые со сферой патетизмов советского официоза как специфического дискурсивного проявления. Чем является эта часть советского пропагандистского и публицистического дискурса, находящего свое отражение в средствах массовой информации в самых разных ее видах и

жанрах, и можно ли ее воспринимать как отдельный дискурс со своими правилами, над этим вопросом задумываться не будем, поскольку это было бы все же отдельной задачей, отчасти решаемой и понимаемой на основе предпринимаемого рассмотрения, как его продолжение и как следствие.

Напомним имеющееся и выведенное ранее распределение:

- I. Инициирование: движимое и движущее / движущееся
 - I.1 начало, исток, исход
 - I.1.1...1 ум 2 принципы 3 ... 4 идеи 5 идея
 - I.1.2... 1 идеи Ленина 2 имя Ленина 3 дело Ленина 4 имя Сталина 5 ...
 - I.1.3...
 - I.1.4... 1 идеи коммунизма 2 цель партии и народа 3 ... 4 задачи... 5 план
 - I.1.5...
 - I.2 поддержка
 - ...
 - I.3 реализация, осуществление
 - наша Родина – народ – Великая Отечественная война*
 - I.4 развитие, расширение
 - партия – вождь – зодчий – корифей науки – кормчий – машинист локомотива – учитель*
 - I.5 переход в достижении
 - революция – Ленин – Сталин – Ильич – Октябрь – Октябрьская социалистическая революция*
- II. Процесс: осуществляемое и осуществляющее / осуществляющееся
 - борец – подвиг – победа – подъем*
 - дело – социализм – трудовой подъем – трудовые усилия – дела – труд – победы советской науки и техники – советская наука и техника – показатели – успехи – развитие – творческие дерзания – образцы творческих дерзаний – дарование – результаты – итоги – подвиги (как повседневно-*

ность) – *почин – завоевания – достижения – картина побед социализма*
дружба – поход – путь – перелом

III. Достижение: осуществленное и осуществившее / осуществившееся

коммунизм – будущее – вековая мечта человечества

Как следует из представления, вторая (II) и третья (III) части рассматриваемой (третьей) горизонтальной модели в своем составе, повторяющем, впрочем, устройство первой (I), не были на материале приведенных примеров определены. Определение их не будет и дальше входить в задачу, смысл которой заключается не в распределении единиц по возможным позициям, а в рассмотрении свойственного для второй и третьей части тонового сопровождения, соотносимого у них с таким же для первой и каким-то определенным образом развивающего и продолжающего его, с учетом единства модели в ее составных частях. Опорой тому или иному определению тонового развертывания будут предполагаемые смыслы, наблюдаемые как присутствующие в приведенных примерах.

Итак, перед нами развертывание от первоначальной идеи толчка в первой части через ее осуществление, обеспеченное совершенной в Октябре революцией и заключающееся в строительстве социализма как первой фазы приближаемого в конце коммунизма. Далее модель себя не распространяет, не предполагает, что будет потом. Коммунизм как высшая стадия эволюции человечества не прорабатывается ею в своих патетизмах каким-нибудь определенным образом, подаваясь в первую очередь в суперлативе как максимум возможного и достижимого. В связи с чем ограничимся этим. Если на примере I.1 можно было, с учетом полученных результатов, представить тоновые распределения и соотношения в некотором их приблизительном уточнении, то все остальное может быть охарактеризовано только в самых общих чертах.

Движение в первой части от своего начала через поддержку, реализацию, развитие к переходу в достигнутом во вто-

рую часть необходимо рассматривать в пересечении двух осей – горизонтальной (в точках 1 – 3 – 5) и вертикальной (в точках 2 – 3 – 4), со связями от центральной (3) в обе стороны, т.е. к ней, через нее к последующей и от нее к предшествующей и дальнейшему. Движение в каждой далее из частей – второй и третьей, будет повторять ту же самую закономерность. Движение от первой части ко второй, а от нее и через нее от первой к третьей следует рассматривать как осевое горизонтальное.

Особенность горизонтального тонового движения состоит в разворачивании и переходе (эволютив-трансмиссив), особенность вертикального – в усилении и сжатии (концентра- тив и кумулятив). Общее движение в первой части, по горизонтали (1 – 3 – 5), от возникшей идеи (светлого будущего всего человечества в коммунизме), начало которого полагается через осуществление революции в России в начале XX века, при достижении этого воспринимается как ее, т.е. этой идеи, воплощенный триумф, торжество. Тем самым, имеем разворачивание от пробуждения через подъем к вершине, сообщающей максимально возможно полное удовлетворение от достигнутого – победа, преодоление, избавление от прежнего, открывание нового, реализующая себя мечта.

Ощущение это, в своей горизонтали, не может после достигнутого ощущения триумфа и торжества упасть, оно должно получить свое подтверждение во втором, последующем, для той же разворачивающей себя горизонтали. Для вертикали первого (что-то, что в точке 2 и *партия – вождь – зодчий* в 4) это будет то ощущение, которое, с одной стороны, придает уверенность, прочность и основательность начавшемуся подъему к вершине в его торжестве, а с другой, такое же не менее важное ощущение несущей и облекающей оболочки – границы, меры и формы, оформленности совершаемого своего, его неслучайности и нехаотичности, упорядоченности и организации. Эмотив этот можно было бы называть ощущением обретенности, проявляемом себя в чувстве дома, близких, знакомом, своем и родном.

Второе – осуществляемое и осуществляющее / осуществляющееся процесса, воспринимаясь как продолжение осуществившего себя перехода, связывается с расширением, раздвижением имевшихся перед этим границ – распахивание, открывание перспективы, проявляющее себя затем в чувстве своей исключительности и из этого законной, заслуженной гордости, чувстве собственной необходимости, нужности и достоинстве, связываемом далее с чувством причастности, приобщения к общему делу, реальному действию и участию в нем (полнота самореализации). К этому добавляются вертикальные проективы поддержки со стороны своих, совместности, множества близкого, равного, своего, крепости, силы, уверенности, защищенности, непобедимости, несломимости, неподдаваемости, преодолимости всех преград на пути. И, наконец, ощущение, на третьем этапе, удовлетворенности от получаемых результатов и своих заслуг, от свершившихся в своих достижениях планов, дерзких, недостижимых, ошеломляющих.

Проекции и вариации затронутых эмотивов в зависимости от выражающих их патетизмов можно рассматривать как усиливающие и развивающие общего тонового движения во втором от ощущения вдруг открывшего себя, распахнувшего перед взором начала (как возможного невозможного, невозможного, ставшего вдруг возможным – отсюда то, что можно назвать восхищением, от *вос-хитить*, т.е. схватить, подхватить и подбросить вверх, неожиданно охватившее разворачивание того, что вдруг сжало в комок) – через расширение, продвижение и погружение в реальность и полноту (полнота жизни, жизнь бьет ключом, максимальность причастных, участвующих сопереживаний, посвященность) – к полноте ощущаемого достижения (реализация планов, свершение и полнота отдачи и самоотдачи – полная самореализованность в осуществляемом и осуществленном).

Соответственно третье – вершина процесса в его достижении как его осуществленное и осуществившее / осуществившееся, проецируя связанное с коммунизмом и будущем как вековой мечтой человечества, но через чувство своей советской

причастности, первенствующей, открывающей и устанавливающей, связывалось бы (поскольку это еще не достигнуто) с чувством влекущей большой и светлой мечты, совершенства и красоты. Это чувство выносимого вверх и вперед, в перспективу, всего самого лучшего с ощущением своего приобщенного приближения и растворения в нем. Вершина, тем самым, маячит далекой точкой и путеводной звездой, достижимая в принципе, поскольку все недостижимое осуществляет себя в советской стране трудом и участием всех и каждого, и *сказка становится былью*.

На этом преобразующем себя парадоксе перехода в реальном, участвующем, если все вместе и каждый, осуществлении от недостижимого к достижению (реализации нереального с приближением сказки-мечты), на его щемящей, играющей на струнах стремления человека к лучшему, ноте и остроте и строится этот, к третьему и затем уже собственно в третьем от первого через второе затеиваемый в горизонтали тоновый переход.

Модулятивная роль прилагательных

В контексте сказанного следует обратить внимание на оставшиеся без рассмотрения прилагательные, выделенные в анализируемых патетизмах. Не столько для целей вписывания их в модель или определения тоновых характеристик, сколько для общего рассуждения об их роли как таковой и в отношении к другим словам, прежде всего, именам существительным, с которыми они сочетаются. Об определении позиции тех или иных прилагательных в структурном составе модели как самостоятельных единиц судить, по-видимому, было бы преждевременным, поскольку для патетизма они, прежде всего, выступают распространителями, смысла и тона, выражаемых целым его составом. Рассмотрим поэтому для начала то, что они могут с собой вносить, после чего попытавшись представить, какой может быть их роль в составе той или иной единицы.

Первое слово из ряда выделенных *беззаветный – беспримерный – бессмертный – блистательный – великий – величайший – величественный* можно рассматривать как такое, ко-

торое, связываясь с представлением об отказе, отрыве, обрыве с чем-то другим (прошлым, вяжущим, предыдущим, мало достойным, не подходящим), предполагает необходимость внутреннего избавления от него в себе для того, чтобы быть готовым принять, открывшись, отдавшись, предав себя полностью, с признанием его над собой, чего-то большего, лучшего, прочного, дающего убеждение в необходимости следовать и подчиняться ему, в ожидании этого для себя и с ощущением его несомненной истинности и чистоты.

Тем самым, потенциально мы получаем развертывающуюся модель с началом в отказе с готовностью перехода к другому, следуемому из принятия его и открытости на основе признания его над собой как истинного и безупречного, что ведет к убеждению в необходимости полного подчинения и следования тому, что от него исходит и будет впоследствии исходить. Осью данного представления были бы смыслы отказ – переход – полная готовность самоотдачи, в ряду которых первое и последнее заключало бы всё остальное как обрамление. Первое при этом было бы мотивирующим, последнее ключевым, второе в их ряду опосредующим (атрибутивный обсекутив трансмиссивного абруптива).

Представления о принятии, открытости, признании над собой и все прочее составляли бы вертикальные объясняющие распространения осевых, соответствующим образом уточняя смыслы оси. Тоновое оформление сказанному можно было бы видеть в отрывающем резком подъеме к распахивающемуся, расширяющему открыванию, самораскрытию и растворению в другом.

В связи со сказанным возникает вопрос о роли в таком своем оформлении прилагательного в модели в составе возможного патетизма. Первое, на что следовало бы обратить внимание, – это на то, способно ли прилагательное само по себе относиться к какой-то части третьей, первой или второй горизонтальной модели и, если да, то как тогда будут выглядеть его отношения с другими словами состава всего патетизма как

единицы. Вопрос этот может решаться неоднозначно и необязательно однозначно.

В принципе ничто не мешает воспринимать *беззаветный* в указанных расширениях как то, что относится к первой, левой, части, видимо, всех трех горизонтальных моделей, как характеризующее, наделяемое признаком, для третьей – как иницирующее в том отношении, что движимое и движущее, движимое для себя, движущее в отношении процесса и массы всех остальных потенциально участвующих и приобщенных. В составе единиц-патетизмов его смысловая и тоновая роль, очевидно, не будет другой.

Чем отличается *преданность* от *беззаветной преданности* (скажем, *коммунистической партии и советскому народу, делу Ленина, революции, заветам Октября*) или *труженик* от *беззаветного труженика, борец революции* от *беззаветного борца революции (за дело социализма и пр.)*? В первую очередь, видимо, тем, что без соответствующего сопровождения высказывание выглядело бы недостаточно сильным и слабо бы претендовало на роль патетизмов с их необходимостью эмотивного подкрепления. Такое, скажем, определение: *его отличают преданность коммунистической партии и народу (делу Ленина, революции)* было бы недостаточным, требующим необходимого и соответствующего усиления с помощью прилагательных *необыкновенная, высокая, совершенная* (но нельзя было бы *абсолютная*, мало правдоподобно *полная*, поскольку лишали бы самостоятельной воли, выбора и сознательности), *искренняя, настоящая, истинная, неподдельная*, а лучше всего *беззаветная*. Или в примере *это был и тут нельзя было бы просто сказать труженик, но настоящий, преданный своему делу*, еще какой-то и в том числе *беззаветный*. Труженики в патетизмах должны быть либо *какие либо чего – труженики села, полей, моря, голубой нивы* и пр.

Из этого следует, что в патетизмах место прилагательных очень часто оказывается облигаторным. Их роль, состоящая в усилении, дополнительном проявлении, возможно, также придании, дополнении, расширении, уточнении, распространении

касалась бы не в последнюю, если не в первую, очередь эмотива, т.е. тоновой стороны, опирающейся на соответствующий модулятивный смысл, обозначающий себя в составе всех трех горизонтальных моделей.

Облигаторным это их место видится потому, что далеко не всегда слова без атрибутивных сопровождений способны, вписываясь в модулятив, достаточно ясно определять (как в случае с *тружеником* или *преданностью*) свое в нем значение, а главное, патетический тон. Можно было бы даже сказать, что в нередких случаях патетизмами советского официоза (вне контекстов употребления, разумеется), как единицами соответствующего дискурса и языка, слова, в первую очередь имена существительные, делают, прежде всего, прилагательные, выполняя в этом случае функцию родоопределителей, маркерных модулятивных привязок.

Каким выглядел бы известный лозунг без необходимого атрибутивного сопровождения *Пусть живет в веках <...> имя Ленина?* Явно неполным, причем не только неполным, но и недостаточным, не соответствующим приписываемому тому, что должно быть *в веках*, его высокому, непреходящему значению и такому же раздвигающему всякие ограничения тону, упраздняющему, снимающему, отвергающему их.

Это имя должно быть по этой причине *великим, бессмертным* (из ряда оставшихся), но никак не *беспримерным*, которым может быть *подвиг, победа, трудовой подъем, успех, достижения, результаты* (*беспримерное поведение школьника*, но не как патетизм, а как высшая степень отличия), – иными словами, все то, что можно было бы относить к части второго в горизонтали, предикативов и процессивов, а имя к таковым не относится. И не *блистательным*, способному относиться к *достижениям, результатам, победам, планам, свершениям, дерзаниям, примеру, подвигу*, поскольку в нем (*блистательном*) содержащееся минуемо, преходяще, сменяемо, не единственно в своем роде, способное быть в ряду других таких же блистательных достижений и подвигов, подтверждающих исключительность и превосходство советской системы и преданных ей лю-

дей. И снова все то относилось бы к предикативам и процессивам в модели, а имя (*Ленина*) таковым не есть. Но также и не *величайшим* и не *величественным*, поскольку первое характеризовало бы, главным образом, *гений (человечества), достижения, подъем, завоевания, пример, образец*, а второе *планы, задачи, картину побед, поступь коммунизма, идеи, достоинство советского человека*.

В этом месте стоит задуматься, поскольку вопрос однозначно не будет решен. Ничто не мешает вроде бы употребить *величайшее* или *величественное имя Ленина*, вполне допустимые, в *Пусть живет в веках*. Но если первое (*Пусть живет в веках величайшее имя Ленина*) допустимо, хотя и менее регулярно в силу, по-видимому, так или иначе, присутствующего сопоставления (*величайшее* – по сравнению с другими и наравне с другими ему подобными, есть другие такие же величайшие имена, как *величайший гений человечества* или *революции*, который воспринимается наряду с другими и как один из таких), а сопоставление, даже неявное и периферийно присутствующее было бы здесь не на месте, если это первое и возможно, то *Пусть живет в веках величественное имя Ленина* далеко не вполне. Мешало бы перетягивающая на себя, а потому избыточествующая значительность, заслоняющая собственно имя в веках величавость (согласно МАС ‘исполненный величия, торжественности; величавый’), а здесь бы надо что-нибудь, что, вбирая в себя, это имя, к нему в смысловом и тоновом отношении устремляет, стремится, не заслоняя и не сдвигая на второй план, поскольку сначала воспринимается это в своем величии *величественный*, а потом уже все остальное.

По этой причине *величественное имя Ленина* само по себе, скажем, в таких конструкциях, как *Он всегда хранил в своей памяти величественное имя Ленина* или *Величественное имя Ленина было, есть и будет нашей путеводной звездой; Кто не знает величественного имени Ленина, известного во всех уголках земли?* и им подобных, вполне возможно. В *Пусть живет в веках* не вполне, по-видимому, в силу смыслов и тона, идущих от *живет* и *в веках*, предполагающих необходимость протяжен-

ной, продолжающей себя, непреходящей трансмиссивной длительности, а величественность не динамична, стабильна и тяжела, она сама в себя втягивает и, останавливая, включает, не предполагая необходимой для *пусть живет и в веках* надвременной протяженности. *Великий* же и *бессмертный* данному представлению соответствуют вполне, закрепляя в сознании идею вечной непреходящести и вневременности абсолюта, с соответствующим сопровождением в тоне подъема, причастности и законченности в отношении совершенства достигнутого как единственного и максимально возможного для человека, выходящего за рамки каких-либо ограничений, побеждающего и время, и век, и себя.

О тоновых проективах модели

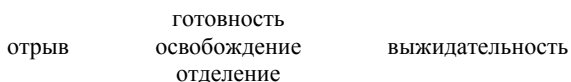
От сказанного имеет смысл перейти к возможному обобщенному представлению тоновых проективов модели. Опирающиеся на смысловые свои показатели и определенным образом следующие из них, а потому и включающие их в себя, вместе с тем их можно рассматривать вне манифестаций с помощью выражаемого в патетизмах, как существующие в модулятиве, а следовательно, и в привычно воспринимающем его сознании, знакомым с ним и реагирующим на него. Реакция не всегда должна быть при этом реакцией принятия и/или согласия, хотя на такую исходно рассчитана, это может быть и реакция отторжения, неприязни или пренебрежения. Не это важно, важно то, как оно может быть устроено и на чем способно основывать себя.

Основаниями такого устройства для общего тона, тонов, подтонов и обертонов модулятива были бы ранее упоминавшиеся как эмотивные, имеющие отношение к вызываемым чувствам, переживаниям, состояниям, откликам, ощущениям, т.е. реакциям эмоционального свойства, предикаты, такие, как отрыв, подъем, расширение, растворение, распахивание, предание себя, готовность следовать и т.п.

Задачей дальнейшего их представления будет, прежде чем всё нами рассмотренное каким-то обобщающим образом завершить, показать возможное их взаимное расположение – по отношению друг к другу и в получаемом целом. Первое будет при этом предполагать неизбежное уточнение и возможное закрепление их как показателей, квалификаторов и классификаторов в действующей модели для патетизмов советского официоза при их восприятии. Второе – дополнительное, еще раз, уточнение того, что собой рассматриваемая нами модель в модулятиве такого своего воплощения и устройства будет предполагать.

Общее представление соотношений эмотивных квалификаторов можно укладывать в некую моделируемую, также трехчастную, схему, основывающуюся на пентавалентности, способной себя расширять, начало которой заключалось бы в том, что связывается с отмеченными ранее ингрессией и трансгрессией, с отделением, обособлением от другого, с переходом, перенесением к новому, лучшему, совершенному состоянию.

Поскольку эта общая схема использовалась в ходе приведенного рассмотрения уже не раз, не будем дополнительно оговаривать ее составляющие, представив ее развитие в частях и позициях, опираясь на допустимо непротиворечивые и уточняемые в уровнях, возможно также вариативные, составляющие как эмотивы. Началом был бы тогда упомянутый перед этим отрыв с отделением от сдерживающего, препятствующего, сковывающего, мешающего другого, исключением, изъятием его из себя, освобождением в себе от него, с переходом к эмоциональному состоянию открытой готовности поддаться втягивающему движению в общее намечаемое, возникающее, появляющееся вхождение, в массу таких же освобожденных, подобных и равных себе по этому основанию. Данное представление можно описывать и воспринимать как первую, левую, часть построения, его исход и начало (в ромбически связанном отображении валентных позиций):

Выжидательность в этой схеме следует воспринимать как заряженность, необходимым, правильным, подходящим для проявления в схеме, образом ориентированную, направленную открытость тому, что последует, что должно неизбежно произойти, что ожидает. Связывается это состояние заряженной открытости с тем, что в последующей фазе и части можно представить как втягивание, включение, подключение к общему большому, вбирание его в себя и вбирание им себя. Это будет началом, первой позицией части второй, осевой, предсказывающей в том отношении, что, приобщая, предполагает участие в общем и резонирующем, процессуально задействованном движении, вкручивающем в себя продвижении в обретаемой массе, количестве, множестве подобных себе.

Втягивание предполагает далее расширение, прежде всего как чувство раздвигающихся границ, устранение ограничений, сдерживающих, скрепляющих, прикрепляющих, суживающих препоны и преград, а также как выход во что-то большее, расширение собственных эмотивных, концептуальных и социальных границ, своего «я», своего сознания и бытия.

Раздвижение далее предполагает подъем, вознесение и взлет, своего рода отрыв, но иного рода, не как обрыв, обрывание и отторжение от предыдущего первой точки исхода, но как вынесение от рутины и повседневности вверх, от оков и стеснения (в социальном аспекте – как ощущение того, что эксплуатации и господ больше нет, никому не обязан прислуживать и угождать), в ощущении ожидаемого и приближаемого нового.

Подъем, соответственно, предполагает далее распахиwanie, раскрывание неожиданных открывающихся перед мысленным взором возможностей, видов и перспектив, как захватывающее ощущение распахнутой бездны и бесконечности, что переходит далее в обретение того, что ожидал и искал, того, что дает это новое состояние в своем трансгрессиве:

	распахивание	
втягивание	подъем	обретение
	расширение	

Обретение сопровождается в точке исхода последующего самоотдачей, преданием себя, посвящением – общему делу, общим задачам и целям, тому, что вбирало, включало, подчиняло себе, ангажировало, чему-то большему, знающему, стоящему над тобой, которому следует доверять и которому необходимо верить.

Посвящение мотивируется прочностью основания, твердостью своего намерения и выбора в готовности отдавать себя и, посвящая, беспрекословно служить. То и другое находит свое отражение в приобщении, чувстве причастности общему, подключении на основе предполагаемого проявления в деятельности, сопровождаемому признанием высшего, большего, авторитетного, знающего, ориентирующегося, умеющего и направляющего над собой, что, соответственно, далее переходит в уверенную, ориентированную, направленную готовность участия:

	признание большего	
предание себя	приобщение	готовность участия
	прочность мотивов	

Готовность участия открывает возможность мобилизующего проявления, находящего обоснование в ясности предстоящего действия, его очевидной истинности и чистоте, что ведет к возрастанию необходимой силы – подъем, прилив сил, сопровождаемые их собиранием, кумуляцией, концентрированием (ощущение сжатого кулака, силы, собранной, сжатой в комок), находящими свое выражение, выход, переходящими в некий удар – выдвижение и толчок:

	собрание в кулак	
мобилизация	возрастание силы	выдвижение, удар
	очевидность	

В последующем все это находит свое отражение в переходе к осуществлению – проекции «я» к деянию, предполагающему подтверждение в удовлетворенности от производимого действия, вызванному ощущением прочности основания, опоры,

уверенностью в истинности осуществляемого, что находит свое выражение в полноте исполнения, в полной отдаче при совершении, совмещении и растворении себя в нем. Сопровождает все это охватывающее ощущение защищающего одобрения, ободрения, заботы и резонанса – резонирующей в унисон, подхватывающей, вобравшей в себя управляющей оболочки, а завершает реализацией в достижении, с чувством удовлетворенной исполненности от совершенного и достигнутого – собой и всеми, собой в совместном со всеми вместе и рядом участвовании:

	охватывание	
проекция «я» к деянию	полнота исполнения	исполненность
	уверенность	

Представленные пять моделирующих пятивалентных соотношений, валентно и переходно связанных между собой можно выстроить в две оси – горизонтали и вертикали. Пересекающейся центральной, определяемой нами как третья, была бы схема мобилизации – возрастания силы – нанесенного, наносимого удара как ее выдвигения. Схема отрыва – освобождения – выжидательности могла бы быть первой, левой. Схема втягивания – подъема – обретения второй и нижней. Четвертой схема предания себя – приобщения – готовности участия. И пятой проекция «я» к деянию – полноты исполнения – исполненности от совершаемого и совершенного.

Получившееся в результате ромбическое построение можно рассматривать как основу дальнейшего распространения и уточнения в отношении модулятива для патетизмов советского официоза в его эмотивной, собственно тоновой и тоново сопровождающей части (отделение от смыслов того же модулятива отчасти условно, как то, что действует с опорой на смысл, но существует и может себя проявлять для субъекта и самостоятельно). Получившийся ромб в своей верхней и нижней части, раздвигаясь в стороны по горизонтали, способен иметь еще четыре (две от 4-й точки влево и вправо вверх и такие же две от 2-й внизу), не охарактеризованные пятивалентные проявления,

которые одновременно были бы вертикальными проявлениями вверх и вниз для 1-й и 5-й, по схеме:

$X^{1/4}$	4	$X^{4/5}$
1	3	5
$X^{1/2}$	2	$X^{2/5}$

И тогда, каким-либо значимым образом отделяя три осевых первой верхней строки ($X^{1/4} - 4 - X^{4/5}$) от трех осевых второй центральной (1 - 3 - 5) и третьей нижней ($X^{1/2} - 4 - X^{2/5}$), можно было бы получить соотношение, подобное рассматривавшемуся и охарактеризованному как три горизонтальных модели (первая, вторая и третья), что, в свою очередь, предполагало бы неслучайную и выражающую себя в соотношениях мотива и следствия связь тоново-смыслового и эмотивно-сопровождающего проявлений модулятива в моделях того и другого в значимых наложениях одно на другое и внутренних переходах первой горизонтальной модели для тоново-смыслового с первой горизонтальной ее эмотивного сопровождения, второй горизонтальной модели тоново-смыслового со второй горизонтальной ее эмотивного сопровождения, и так же третьей с третьей.

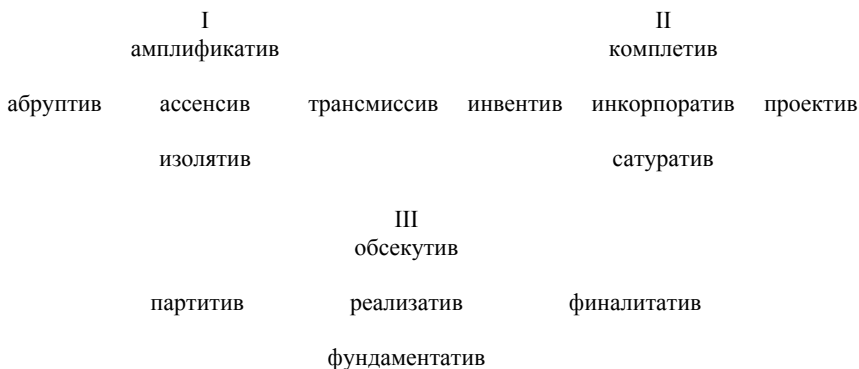
Следствием из такого перестроения (раздвижения пяти, точнее четырех из пяти в свои четыре) было бы вероятное перераспределение в составах с подключением новых квалификаторов, возможно, как распространителей, расширителей, проективов и вариативов, выведенных и представленных в пяти позициях для пяти обозначенных в цифрах моделей. А также возможность формирования вертикальных из горизонтальных моделей, связывающих их одна с другой по каким-то валентностным основаниям с переходом по смежности: первая ко второй, вторая к третьей, третья, возможно, как замыкание, к первой (что для пятеричного построения выглядело бы как погружение в уровни уточнения каждой позиционной точки, также вполне допустимого для позиций и при девятирочном строении).

О категоризирующем представлении модулятива

Представленный механизм, что имеет для данного рассмотрения определяющее значение, действует, как неслучайный, организуемый и подкрепляемый на каждом своем возможном этапе, для патетизмов советского официоза как модулирующий проецируемую ими семантику и вызывающий возбуждаемый ими при восприятии реактивный эмотив (запускаемый в эмоциональную сферу воспринимающего субъекта как такой, который предполагается к соответствующему, закладываемому в модулятив, реагированию).

В связи с этим возможной и допустимой формой его обобщенного представления была бы некая категоризирующая формализация, с использованием латинизированных терминов, уже отчасти и появившихся, как более отвлеченных и менее ассоциированных. Использувавшийся в ходе предшествующего рассмотрения абруптив, в связи с этим, можно было бы понимать как отрыв, обрыв в отношении прерывания, пресечения привязанностей и связей со всем предыдущим (либо какими-то его обрываемыми составными частями) – и как смысловое (тоново-смысловое) и как эмотивно-сопровождающее свое проявление, т.е. как чувство, эмоциональное переживание и состояние такого разрыва. Это тот абруптив, который, предшествуя революционному преобразованию и перевороту (в том числе и в сознании переживающего), предполагает необходимо изолятив (отделение, освобождение от предшествий), ассенсив, возможно также как вариант, проявление – сублиматив (подъем, вознесение, вынесение, выход из себя, из глубин на поверхность и вверх: *ascendo, ascensum* ‘восходить, подниматься, взбираться’; ‘возвышаться, достигать, возноситься’; ‘начинаться, зарождаться, появляться’; *sublimis* ‘высокий, возвышенный, вздымающий-ся’; ‘величественный’; *sublime adv.* ‘высоко наверху’; ‘возвышенно, в высоком стиле’; *sublime n* ‘высота, вершина, высь’ *sublimiter* ‘вверх, отвесно, прямо’; ‘высоко’; ‘возвышенно’; *sublimo, sublimatum* ‘высоко поднимать, вздымать, воздевать’; ‘возвышать, высоко возносить’; *se sublimo* ‘подниматься, взлетать’).

И, соответственно, далее, согласно представленному ранее в схемах – амплификатив расширяющего распаивания с переходом в трансмиссив обретения. Свернутое в трехчастное (из пяти) построение, с опущением связывающих, переходных и опосредующих компонентов состава, в категоризирующих форматах можно было бы представлять, как одно из не противоречащих своих проявлений, приблизительно следующим образом:

Трехчастность показанной схемы разворачивается в пяти- и девятичастность, способные проявлять себя в вертикальных моделях и уровнях погружения, о чем, впрочем, была уже речь. Полное представление сказанного, требующее уточнений и объяснений, не входило в задачу, предполагая к тому же необходимость соотношения многих, если не всех составляющих выводимого целого. Его разворачивающаяся и, соответственно, свертывающаяся особенность позволяет показывать свойства, проекции и механизмы в каких наглядно просматриваемых, равно конкретных, как и обобщенных, частях.

Итоги и обобщения

Патетизмы советского официоза, так условно были названы единицы, представлявшие предмет настоящего рассмотрения, используя в средствах массовой информации и пропаганды советского времени, представляют собой с точки зрения языковой, единицы более или менее устойчивые, способные фигурировать в виде лексем, фразеологизованных сочетаний и предложений. Сфера использования их, характеризуясь обычно как сфера дискурса, предполагает возможность проникновения в коммуникативные области и ситуации, не обязательно и не исключительно связанные с публицистикой и пропагандой, в связи с чем их можно рассматривать также отчасти и как единицы советского речевого узуса, хотя и в особом его проявлении, так или иначе связанным с официозом и к нему тяготеющим.

Однако не эта их узуальная и коммуникативная сторона была предметом проводившегося исследования. Рассматривалась та сторона, которая связывается с определенным образом организуемым патетическим бытованием, проявлением, переносом, влияющим на характер семантических и эмоциональных преобразований и регуляций в устройстве самих единиц, которое подчиняет их необходимости осуществления закладываемой и направленной воздействующей задачи.

Перенесение этих, построенных как привычные языковые, наделенных особым заданием единиц, с необходимостью производимого при этом над ними преобразования, в особую патетическую, смещающую в соответствующую семантику сферу, со своей оценивающей и системоценностной экспрессивностью, предполагает, по-видимому, определение того, чем является и что представляет собой подобная сфера, трансформирующим образом действующая на включаемые в свой состав компоненты.

Сфера эта определялась нами по этой причине как модулятивная – модулятив патетизмов советского официоза, специфическая для них, для советского пафоса преобразующего отношения к действительности, формируемая на основах известных советских идей революции, построения социализма и коммунизма с подчинением этой задачи общества и человека. В связи с этим модулятив, о котором речь, модулирующим, смещающим и изменяющим, образом действующий на семантику и эмотивное сопровождение, окраску, включаемых в него единиц, своей исходной позицией предполагал бы, как следствие, отображение, основываемое на характерных чертах советского революционно-преобразующего общественную действительность и человека пафоса.

Модулятив рассматривался и определялся как концептуально-оценочная и идейно-логическая структура, присутствующим в нем и отображенным образом содержащая представление о мире (советскую картину мира), на основе которой обустройстваются и ей подчиняются семантика и эмотивное сопровождение единиц, определявшееся как сопровождение тоновое.

Тоновое-смысловое устройство модулятива отобразилось, воздействуя, на такое же тоново-смысловое устройство входящих в него единиц, использованием которых должен быть достигаем определенный воздействующий эффект на сознание и эмоциональную сферу воспринимающего их в составе определенных контекстов субъекта.

Относительно самого устройства модулятива как целого можно бы говорить о таком взаимодействии в нем когнитивного и языкового (вербализируемого), окрашиваемого соответствующим тоновым образом в его семантике, при котором то первое формирует в сознании некую действующую, способную к развертыванию и углублению, исходно трехчастную (пятичастную и более) модель, а второе, притягиваясь и соотносясь, относясь к каким-то позициям данного целого и его состава как для него доминирующим, аранжирует, организует и комбинирует в композициях (конструкциях, подобных оценивающим высказываниям) исходные когнитивные смыслы и тоны как семантиче-

ские, точнее семантически-коннотирующие, признаки своего состава.

В основе модулятива как целого, равно как и его составных частей лежит, с одной стороны, идейно-логическое, преобразуемое и объявляющее себя во всем, представление о трехчастности фундаментального когнитива советской истории и советской действительности, предполагающее последовательно себя развивающий переход революционного и затем эволюционного преобразования человечества от стадии до социализма через стадию социализма к завершающей стадии коммунизма. Переход этот в модулятиве действует как основа валентной и фазовой тоново-смысловой и воздействующей составляющей целого, всех его составных частей, подчиняя этому действию также включаемые в него единицы, как когнитивные, так и языковые.

Трехчастность модулятивного основания способна преобразовывать и преобразует себя в три состава по горизонтали, со значимыми позициями левого, центрального и правого, и в три состава по вертикали, с такими же значимыми и пересекающимися в центре позициями верха, центральной точки и низа. Пересечением трехчастных как трехвалентных горизонтали и вертикали образуется пятивалентная ромбическая, по-своемувершенная, поскольку закругленно-замкнутая, структура, своеобразный молекуляр, связываемый с другими такими же общими, совмещаемыми, либо валентностно соотносимыми точками, образуя, в конечном итоге, нечто похожее на сетевое устройство с ячейками и узлами с нитями связей между собой. И этот внутренний пятивалентный молекуляр, и связываемые между собой в какие-то цепи ячейки в своем сетевом проявлении, в общем и целом или каких-то своих частях, воздействуют на сознание как завершенные эмотивно-когнитивные, тоново-смысловые, единицы большего или меньшего распространения, величины, подробности, обобщения, глубины.

Трехчастность и пятичастность (пятивалентность) устройства в модулятиве, отмечаемая в нем как его парадигматическая черта и связываемая, тем самым, с характером его собст-

венной парадигматики, эта трехчастность и пятичастность, имея своей воздействующей и психологической в своем истоке основной цикличность и ритм развития с переходом по стадиям форм, задействует в эмоциональной и когнитивной сфере субъекта способные реагировать и откликаться на возбуждение изначальные переживания и представления, категоризируемые в то, что имеет 1) начало, переходящее в 2) основываемое на чем-то свое 3) продолжение, 4) развивающее и распространяющее себя, в результате чего происходит какое-то 5) осуществление, достижение, завершение и конец.

Эти трех- (начало – продолжение – конец) и пятичастные (основание продолжения и его расширение) основания способны иметь и имеют различные проективные формы, отображающие себя в изучавшемся модулятиве в виде трех горизонтальных моделей целого (общего парадигматического устройства) как проявлений того, что строится как намерение (1), как то, что настраивается как регуляция (2) и того, что построено как полученный в результате эффект (3). Эти же основания проявляли себя в своих проективах в устройстве каждой из этих трех горизонтальных моделей как некий исход (мотивация, инициирование – 1), как проявление, осуществление, реализация и процесс (2) и как его разрешение в достижении, осуществившемся (3).

Особенностью валентно-фазового устройства целого и его частей было также и то, что каждая из его составляющих и каждый из внутренне втянутых в него элементов обладает способностью к обусловленному валентно разворачиванию, расширению по точкам в своей вертикали и горизонтали, что позволяет говорить о возможности получить из одного в расширении два и далее три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и, вероятно, далее. Каждое из такого какого-то n-числа состоящих в своем таком числовом составе может восприниматься как определенным образом завершенная единица, с позиции тона и смысла своего организационного действующего устройства.

Из этого следует вывод, что и модели, и их составные части, и ими описываемые и по позициям характеризующиеся еди-

ницы представляют собой потенциально открытые и не обязательно определенно и точно определяемые для сознания образования, воспринимаемые как целостные в своих намечаемых нередко пунктиром, обрисовываемых в каких-то общих чертах. Эту особенность (хотя и не как исключительную) можно считать показательной и существенной для патетизмов советского официоза.

Описание действующих и используемых в модулятиве языковых единиц предполагает такую же пятивалентно себя проявляющую возможность как исходную и минимально достаточную, допускающую такое же расширение и распространение по вертикали и горизонтали, т.е. по фазам, этапам и по уровням вглубь. Уровневость эта, свойственная парадигматике модулятива в целом и проявляющая себя в его составных частях и включаемых в его действие единицах, предполагает возможность также валентностно обусловленного погружения в глубину, до какой-то открытой подробности в степени. Достаточно обозримым и воспринимаемым можно считать четвертый уровень, пятый и далее вглубь, возможный и допустимый, для сознания воспринимающего представляется, как правило, неактуальным и не актуализируемым при использовании единиц. Об этих уровнях, т.е. начиная с пятого вглубь, имеет смысл говорить в связи с виртуальным присутствием их для сознания, не всегда задействуемым и потому не всегда также и осознаваемым. Иными словами, это была бы сфера той парадигматики, которая в синтагматике проявляет себя как внутренне мотивирующий, поддерживающий и подкрепляющий фон, обычно не манифестируемый и не перцептируемый.

Основу тоновой организации модулятива патетизмов советского официоза, о чем говорилось в самом начале работы, составляет заряженный дуально, внутренне запускающий и себе подчиняющий механизм ингрессивного трангрессива, обусловленный и связанный с действием эксклюзивного втягивающего отрыва с поднимающим, отрывающим, несением, перенесением (движением, продвижением) к новому. В начале и в конце такого несения-перехода имеется некое состояние, одно и другое,

прежнее, от которого отрыв производится, к новому, приходящему, появляющемуся, создаваемому на его месте и ему не смену.

Втягивающим (ингрессия) является этот переход-перенос потому, что рассчитан на подключение к действующему, организующему, преобразующему и приобщающему механизму в себе, понимаемому в реализациях как массы таких же задействуемых, организуемых, направляемых и участвующих (партиципируемый амплификатив партитива). Эксклюзивным – в двух отношениях, действующих как исключение и исключительность. Исключение из прежнего для себя и прежнего внутренне, социальности и в себе – всего того и всех тех, которые связаны с изживаемым, преодолеваемым, отвергаемым и разрушаемым прошлым. Исключительность – в отношении выделенности, особенности, превосходства и совершенства, избранности и мессианства себя и всех тех, кто свои, т.е. избранные к тому же, потому что социально, идейно, морально и нацеливаемо такие же.

Все это так или иначе отображает то существо советского концептуального и идейно-логического представления об общественной жизни, о человеке, о современном мире и о действительности, которое, находя свое выражение в задачах и целях советского общества и советских людей, подчиненных стремлению к коммунизму, воплощает себя в патетике и значениях единиц советского пропагандистского официоза. Рассмотрению этого как механизма воздействия на сознание воспринимающих, названного модулятивом и объявляющего себя в организации единиц в их смысловом и тоновом (тоново-смысловом) проявлении, с общей для них когнитивно-эмоциональной парадигматикой модулятивного целого, преобразующим и смещающим образом воздействующего на них, такому и этому рассмотрению и посвящалась представленная работа. Предложенную в ней трехчленно и многоуровнево устроенную модель, тем самым, можно описывать далее и воспринимать как основу генератива и перцептива советской патетики.

Литература

- Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Базылев В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса // Политический дискурс в России 2. М., 1998.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Санкт-Петербург, 1993.
- Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» (методологический аспект) // Вопросы философии. 2002. № 8. – С. 52-69.
- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS. 1955. – М.: Наука, 1990.
- Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. Санкт-Петербург, 1903.
- Богданов К.А. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум № 8.
URL:
http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/008/08_06_bogdanov_k.pdf (12.08.2011).
- Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психоллингвистики к лингвосинергетике. М., 2006.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. – С. 461–477.
- Бушев А.Б. Семантическая расплывчатость в социально-политическом дискурсе // Социально-гуманитарное и политологическое образование. М., 2003.

URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/45805>
(07.05.10).

- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
- Волков А.А. Основы русской риторики. М., 1996.
- Ворожбитова А.А. "Официальный советский язык" периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. – С. 21-42.
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гаврилов В.В. Лозунги как самостоятельный класс фразеологических единиц современного русского языка // Гуманитарное знание. Вып. 4. Омск, 2000. – С. 265-269.
- Геллер М. Русский язык и советский язык // Русская мысль. 1980, 8 мая.
- Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. М., 1998.
- Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995, № 5. – С. 5-11.
- Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Когнитивные аспекты лексикографии / Научно-исследовательский вычислительный центр Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Лаборатория автоматизированных лексикографических систем. М., 2002. – URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html> (07.05.10).
- Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзный центр переводов. Тетради новых терминов, 39. М., 1982.
- Джоуэтт Г.С., О'Доннел В. Пропаганда и внушение. М., 1988.
- Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.

- Дьячкова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999.
- Дю Буа Д.В. Самоочевидность и ритуальная речь // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. Санкт-Петербург, 1998. – С. 198-222.
- Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. – С. 32-66.
- Ермакова О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык. Najnowsze dzieje języków słowiańskich / Red. E. Širjaev. Opole, 1997. – С. 121–165.
- Ефимов А.И. О языке пропагандиста. М., 1950.
- Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2 (23) / URL: <http://www.strana-oz.ru> (12.08.2011)
- Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания, 1996, № 3. – С. 23-31.
- Земская Е.А. Новояз, newspeak, powomowa... Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. – С. 9-31.
- Земцов И. Советский политический язык. Л., 1985.
- Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- Ионова С.В. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Филология. Журналистика. Вып. 5. 2000. – С. 116-121.
- Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. – С. 67-89.
- Канетти Э. Масса и власть. М., 2012.
- Карцевский С.О. Язык, война и революция. Берлин, 1923.
- Клемперер В. ЛТН. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога / Пер. с немецкого А.Б. Григорьева. М., 1998.

- Коженёвска-Берчиньска И. К вопросу о семантике советизмов. Социолингвистический анализ // *Studia i materiały Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Filologia rosyjska*. 1992, nr 49. – S. 125-133.
- Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Дискурсивность социальных идентичностей // *Социологический журнал*. 1995. № 2. – С. 25-40.
- Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Отечественная история*. 1994. № 1. – С. 17-27.
- Кронгауз М. Речевые клише и прагматика текста // *Tekst. Problemy teoretyczne / Red. J. Bartmiński, B. Boniecka*. Lublin, 1998.
- Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // *Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина*. М., 1994. – С. 233-244.
- Кронгауз М.А. Новейшая история русского языка: Эпоха социализма // *Jezyki słowiańskie wobec współczesnych przemian w krajach Europy Środkowej i Wschodniej*. Opole, 1993. – S. 157-166.
- Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров / РАН ИНИОН (Серия: Теория и история языкознания)*. М., 2000. – С. 7-25.
- Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // *Филология и культура. Материалы межвузовской конференции*. Ч. III. Тамбов, 1999.
- Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния // *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2000. – С. 216-233.
- Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Лассвелл Г.Д., *Стратегия советской пропаганды* // URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling27/ling_27_18.pdf (20.04.2012).

- Лебон Г. (1898) Психология народов и масс. Санкт-Петербург, 1995.
- Левин Ю. Заметки о семиотике лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 22. – S. 69–85.
- Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. – С. 542–558.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1970–1983.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. Т.2. М., 1983. – С. 251–261.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994. – С. 224–226.
- Мирошниченко А. Толкование речи. Основы лингвоидеологического анализа. Ростов-на-Дону, 1995.
- Мокиенко В.М. Депатетизация патетизмов в современном тексте // Современные языковые процессы. Санкт-Петербург, 2003.
- Мышкина Н.Л. Текст как источник идеологического воздействия // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. Краснодар, 1988. – С. 97–103.
- Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. – С. 154–165.
- Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура. Доклады. Киев, 1994. – С. 53–60.
- Ожеван Н. Язык политики и языковая политика: посттоталитарные проблемы преодоления этноязыкоцентризма. URL:
http://www.niurr.gov.ua/ukr/dialog_1999/ozhevan_3.htm
(20.04.2012).
- Пайпс Р. Коммунизм. М, 2002.
- Пароятникова А.Д. Роль коннотации в языке буржуазной пропаганды // Лингводидактические исследования. М., 1987.

- Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петухов В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1984, № 4. – С. 13-20.
- Райх В. (1933) Психология масс и фашизм. Санкт-Петербург, 1997.
- Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1. – С. 25-33.
- Резникова Н.А. О некоторых особенностях и способах воздействия в политическом дискурсе // Вопросы гуманитарных наук. 2005. № 1. – С. 153-160.
- Репина Е.А. Политический текст как средство речевого воздействия // Кабинет психологических портретов. URL: <http://www.psyh-portret.ru/collection/repina.html> (07.05.10).
- Рождественский Ю.В. Теория риторики. М., 1997.
- Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Оценка советского человека (30-е годы): риторический аспект // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. – С. 126-133.
- Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Проблемы составления словаря советизмов // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2004. – С. 277-286.
- Романенко А.П. Советская словесная культура: Образ ратора. М., 2003.
- Санцевич Н.А. Вариативность языковой картины мира в политической публицистике // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. – С. 191-195.
- Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
- Серебрянников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора. Язык и картина мира. М., 1988. – С. 88-107.
- Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия

- языка: в границах и вне границ / Ю.С. Степанов, П. Серио, Д.И. Руденко и др. Науч. ред. тома Д.И. Руденко. М., 1993. Т. I. – С. 83-100.
- Серио П. Анализ дискурса во французской школе // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М., 2001.
- Скуленко М.И. История политической пропаганды. Киев, 1990.
- Сорокин Ю.А., Кулешова О.Д. Дж. Оруэлл и принципы его новоязыка с лингвистической точки зрения // Язык система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей / Институт русского языка РАН. М., 1995. – С. 250-259.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М., 1995.
- Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.
- Стриженко А.А. Роль и средства социально ориентированного общения в буржуазной пропаганде. Барнаул, 1982.
- Терентьева Л.В. Оценочность изложения как конструктивный принцип газетно-публицистического стиля // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе: Материалы Междунар. науч. конф. Ч. II. Самара, 2002. – С. 9-15.
- Толпыгина О.А. Дискурс и дискурс-анализ: возникновение и использование в политической науке // Принципы и направления политических исследований. М., 2002. – С. 140-157.
- Хан-Пира Э.И. Язык власти и власть языка // Вестник АН СССР. М., 1991. № 4. – С. 12-24.
- Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания. Отв. ред. В.Н. Телия. М., 1991.
- Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты в политическом дискурсе. URL: <http://frgf.utmn.ru/mag/22/44> (24.03.2012)
- Шарифуллин Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тезисы регионального научно-практического семинара. Томск, 1997.

- Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1.
- Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 1998. № 2. – С. 59-65.
- Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика. М., 1993.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
- Шмелёв А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Советское прошлое и культура настоящего. В 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2. – С. 171-185.
- Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Социологический журнал. 2002. № 4. – С. 5-45.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. – С. 62-68.
- Язык и стиль буржуазной пропаганды. Под ред. Я.Н. Засурского и А.Д. Паряотниковой. М., 1988.
- Язык как средство идеологического воздействия. Под ред. Ф.М. Березина. М., 1987.
- Якобсон С., Лассвелл Г.Д. Первомайские лозунги в советской России (1918-1943).
URL: <http://www.classes.ru/philology/yakobson-lasswell-07.htm> (10.04.2012).
- Bednarczuk I. Nowo-mowa (zarys problematyki i perspektywy badawcze) // Nowo-mowa. Warszawa, 1984.
- Bednarczuk I. Władza nad mową // Pismo. 1981, nr 2. – S. 93-102.
- Bourdieu P. Social space and symbolic power // P. Bourdieu in other words: Essays towards a reflexive sociology. Stanford (Cal.), 1990.
- Bralczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. Warszawa, 2001.
- Broda M. Mentalność, tradycja i bolszewicko-komunistyczne doświadczenie Rosji. Łódź, 2007.

- Dallmayr F.R. Language and Politics. Why Does Language Matter in Political Philosophy? L., 1984.
- Deutsch K. Social mobilization and political development // American Political Science Review. 1961. Vol. 55. – P. 494-514.
- Dijk T. van. Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. Internet Course for the Oberta de Catalunya (UOC). URL: <http://www.discourse-in-society.org> (05.04.2010)
- Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L., 1998.
- Edelman M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main; New York, 1990.
- Ellul J. Propagandes. P., 1962.
- Fayer L. Ideology and Ideologists. New Brunswick, 1979.
- Geis M.L. The Language of Politics. N.Y. etc., 1987.
- Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.
- Gorham M.S. Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb, 2003.
- Heller M. Langue russe et langue soviétique // Recherches. 1979. No. 39. – P. 17–21.
- Hodge R., Kress G. Language as Ideology. L.; N.Y., 1993.
- Hodgkinson H. The Language of Communism. N.Y., 1955.
- Kertzer D. Ritual, Politics, and Power. N.Y., 1988.
- Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. Discourse Analysis in Society. L., 1985. – P. 28-29.
- Lenfeldt W. «Язык советской эпохи» или «новояз»? // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. No. 2. P. 243–253.
- Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Cultures et Sociétés de l'Est, 2. P., 1985.
- Smith M.G. Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin; N.Y., 1998.
- Weis D. Новояз как историческое явление // Акты 5-ой Конференции по проблемам социалистического реализма. Bielefeldt, 1998.

- Weiss D. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des XX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Hrsg. D. Weiss. München, 1995. – S. 343–393.
- Weiss D. Was ist neu am „newspeak“? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Hrsg. R. Rathmayr. München, 1986. – S. 247–325.
- Wierzbiński J. Языковой монументализм в России XX века (Диахроническая экспликация научных парадигм). Łódź, 2012.
- Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства. К проблеме развития русского языка в советский период // Revue des études slaves, 1982. Vol. 54. No. 3. - P. 387–402.

Словари и энциклопедии

- Большая советская энциклопедия = БСЭ / Гл. ред. С.И. Вавилов, Б.А. Введенский. Т. 1-51. М., 1949-1958.
- Большой толковый словарь русского языка = БТС / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000.
- Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репр. 5-го изд. 1899 г. М., 1991.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. М., 2000 (по 2-му изд. 1880-1882 гг.).
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный = Ефр. (т. 1-2). М., 2000.
- Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов = ТСИС. М., 2005.
- Латинско-русский словарь = ЛРС / Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Под общ. ред. С.И. Соболевского. М., 1949.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии = ТСЯС. Санкт-Петербург, 1998.

- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.
Первый выпуск. 2-е изд., испр. Под общим рук. Ю.Д.
Апресяна. М., 1999.
- Словарь иностранных слов = СИС. 9-е изд., испр. / Гл. ред. 6-го
изд. Ф.Н. Петров. М., 1982.
- Словарь русского языка: в 4-х тт. = МАС. 2-е изд. / Гл. ред. А.П.
Евгеньева. М., 1981-1984.
- Срезневский И.И. Материалы словаря древнерусского языка =
Срезн. (т. I-III). М., 1958.
- Толковый словарь русского языка = ТСУ / Под ред. Д.Н. Уша-
кова (т. I-IV). М., 1935-1940.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современно-
го русского языка. 3-е изд. (т. I-II). М., 1999.

Научное издание

Пётр Червинский

Патетизмы советского официоза
в аспекте модулятивной семантики

Мова видання: російська.

Підписано до друку 20.09.2013. Папір офсетний.

Гарнітура Times. 18 ум. др. арк. 60x90/16.

Тираж 300 примірників.

Видавництво «Крок»

Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року

а/с 554, м. Тернопіль-27, Україна, 46027

тел. +38 0352 248436

info@krokbooks.com

KrokBooks.com